

love_fantasy

Дарья
Юрьевна
Быкова
e8dceebebd-a16a-4935-a72a-a74e99c87522

Лаис Разящая

Счастлив тот, кому не приходится выбирать между сердцем и совестью, долгом и честью, страной и любовью... Лаис – посол народа альдов, и всё, что от неё требуется – провести при дворе человеческого князя месяц. Не высовываясь, ни во что не ввязываясь, не привлекая излишнего внимания.

Ирислав – верховный князь Шести княжеств, он собирается жениться и по личным мотивам совсем не хочет видеть у себя при дворе альда.

Судьба же сводит их вместе и заставляет выбирать.

интриги, любовные испытания, магические миры
2019

ru

On84ly

FictionBook Editor Release 2.6.7
2019-01-25
Текст предоставлен правообладателем
dd5b9c10-2073-11e9-aa5d-0cc47a5f137d
1.0

v 1.0 – создание fb2 – (On84ly)

Дарья Быкова
Лаис Разящая

Глава 1

Лаис прогуливалась по дворцу Верховного князя Шести княжеств, ожидая, когда тот соизволит её принять, и с удивлением признавалась самой себе, что это, пожалуй, первый дворец кроме альдова, который ей нравился. Собственно, от дворца там не было ничего. Это была чудесная крепость, суровая и величественная, прекрасно приспособленная для обороны. Причём, крепость не досталась князю от предков, а была выстроена, ну или существенно перестроена им

самим. Это немного примиряло Лаис с ссылкой в княжества и не очень-то оптимистичным напутствием короля «постарайся продержаться хотя бы месяц». Если хозяин крепости похож на неё, то у них есть шанс прекрасно поладить, даже странно, почему предыдущие послы не поладили...

Заслышав приближающийся разговор, девушка оглянулась и в три прыжка забралась в нишу высокого окна. Второго этажа. Вряд ли люди туда посмотрят, а ей интересно послушать, ведь в гомоне голосов проскальзывало «Ваша Светлость». Неужто удастся до официальной встречи посмотреть на князя?

Князь, похоже, собирался куда-то ехать. Девушка недовольно поджала губы – мог бы уделить ей пару минут и до отъезда, ведь, судя по количеству сопровождающих и вопросам, которые задаёт Советник князя, уезжает верховный правитель не меньше, чем на неделю!

Словно подслушав её мысли, Советник – почему-то нерешительно, остальное он спрашивал куда решительнее – произнёс:

– От альдов новый посол при... – тут он совсем замялся, и Лаис догадалась, что мужчина просто боится сообщать князю, что альды прислали девушку. Вот так так. Князь что же, полон глупых предрассудков? Да она победит его хоть в бою, хоть в шахматы, хоть в скачке!

Впрочем, договаривать не потребовалось. Князь сердито фыркнул и безапелляционно заявил: – Отошли.

– Но... Под каким предлогом? – кажется, в душе Советник был солидарен со своим скорым на расправу господином, но как это реализовать, не представлял. – Ещё до встречи?!

– Придумай что-то. Ну, что там обычно говорят? – раздражённо зыркнул на него князь. Лаис он напоминал разбуженного медведя. Большой, сильный... и машет лапами без толку.

– Посла Заозёрного королевства мы в том году отослали под предлогом возможной опасности из-за внутренней смуты, – буркнул невысокий, но очень широкоплечий мужчина, шедший по левую руку от князя. Воевода? Нет, не может быть. Идиоты воеводами не бывают.

– Отлично! Так и скажи. Дескать, мы не сможем обеспечить безопасность, так что пусть проваливает. Не до него сейчас!

Лаис было уже двадцать пять. Она мнила себя спокойной, уравновешенной и даже немного умудрённой жизненным опытом, но тут у неё затряслись руки... и даже ноги – от почти что неудержимого желания прямо сейчас спрыгнуть перед князем и заставить его нести ответ за это оскорбление. И это она ещё считала, что идиоты воеводами не бывают, да они и князьями с лёгкостью становятся, как оказалось! Кажется, она всё-таки зашипела, но люди слишком глухи и беспечны, не услышали, не заметили. Но каков князь! Не дал ей и шанса выполнить поручение короля. Какой месяц! Три часа! Это рекорд. Печальный и позорный.

Впрочем, вдруг усмехнулась Лаис, чтобы отослать, Советник должен её сначала найти. Вот и пусть ищет. Весь день. Если не неделю. В конце концов, когда она просила разрешения прогуляться и получила его, она не уточняла, насколько длительной будет прогулка, и каким маршрутом пройдёт. Сама же Лаис отправится за князем, улучит момент и переговорит с ним. Ну не может же он быть и в самом деле настолько туп!

Лаис отправилась пешком. Сравнение не то чтобы лестное, но альды куда выносливее, быстрее и неприхотливее лошадей. Неслышной тенью она следовала за отрядом на не таком уж большом расстоянии, но заметить крадущегося альда людям крайне сложно. Особенно, когда им даже в голову не приходит, что этот самый альд может там быть. Деревни девушка обходила стороной, но и князь внутри деревень привал никогда не делал. Бывало, что неподалёку, и тогда местные шастали в гости, но в самой деревне – никогда. Боится, что его люди бедокурить будут?

Подслушанные разговоры сообщили ей, что князь неожиданно решил жениться. Странно, ведь предыдущие послы ничего об этом не ведали. Впрочем, князю было под тридцать, он уже два года как удерживал власть над княжествами, не теряя, а лишь увеличивая влияние. Самое время жениться. Вот только посла альдов зачем отсылать? Подозревает в шпионаже? Или просто личная неприязнь?

Случая переговорить всё не представлялось. Князь оказался на редкость компанейским человеком, или же его спутники – отъявленными подлизами. Чёрт, да они даже в кусты по одному не ходили! Впрочем, спутники пару раз оставляли князя... вот только интуиция подсказывала Лаис, что нет ничего хуже, чем появиться посреди романтического свидания Его

Светлости с молодой, обуреваемой верноподданническими чувствами селянкой, и завести разговор о своей высылке... Так что приходилось следовать за кортежем дальше. Совести у Лаис не было, как и стыдливости, так что сцены свиданий она просмотрела, удобно расположившись на дереве неподалёку, от начала и до конца. Что сказать... князь не был нежен со своими женщинами, но и не был груб. Никого не заставлял – это, пожалуй, единственный пока что плюс этого медведя в глазах девушки-альды, и никогда не целовал в губы. Кажется, девушки уходили не обиженными, некоторые даже удовлетворёнными, по крайней мере, стонали уж очень натурально...

Один раз путешественники заговорили про альдов. Ну, как заговорили. Напились, стали анекдоты травить и неразумно гадать, а есть ли у альдов вообще девки, и если есть, то чего это они в послы всё мужиков назначают, глядишь, девку князь бы и уважил... На это Лаис лишь кривилась. Глупо сердиться на тех, кого она может убить голыми руками. Вот прямо сейчас. Князь ничего не сказал, но как-то так обвёл взглядом присутствовавших, что они замолчали и, кажется, даже немного протрезвели. И тем самым не дал Лаис ничего узнать о причинах такой нелюбви к её прекрасному и благородному, почти что безобидному – ну, это если сравнивать с тем, что они могли бы устроить – народу.

Так и получилось, что Лаис сопровождала отряд князя до терема его предполагаемой невесты. Аляповатый, из разнообразных пристроек, одна другой вычурней, он резко ей не понравился. Как и его хозяева. Слишком разряженные, с заплывшими, бегающими глазками, даже невеста – девица лет девятнадцати – и та неуловимо такая же. Разве что у девицы имелась тонкая талия, в отличие от князя-отца, и внушительная грудь. Впрочем, вряд ли Ирислава интересует именно это. Скорее, политика. А может, деньги местного князька. У Лаис язык не поворачивался назвать князьками и того, и другого. Медведь и шакал, или даже крыса. Как поставить в один ряд?

Гостей шумно и весело приветствовали и препроводили сразу за стол – видимо, обсуждать условия. Лаис, слившись с забором – отводить глаза альды умеют как никто, хоть это и требует ощутимого расхода сил, проводила взглядом весёлую процессию, и отправилась гулять по терему и подворью. Правильнее было бы подождать князя за воротами, наверное, но Лаис настолько не понравились обитатели, и, честно признаться, настолько было скучно, что она решила устроить себе экскурсию. Не испытывая, как и в случае романтических свиданий князя, ни малейшего смущения или вины, она наведальась в комнату невесты. Хмыкнула, разглядывая размещённый на прикроватном столике маленький портрет. С портрета смотрел молодой человек, самую малость похожий на князя, и куда больше похожий на его племянника, обретавшегося где-то среди этой процессии сватов.

Лаис хмыкнула ещё раз и полезла шариться в ящиках туалетного столика. Где эта красавица хранит переписку? Не то чтобы девушка и в самом деле планировала обнаружить там что-то интересное, но надо же чем-то время занять? Не спать же тут устраиваться! Переписка оказалась куда более захватывающей, чем она смела надеяться. Из полунамёков и недомолвок складывалось впечатление, что князя в расчёт влюблённые не берут, планируя своё безоблачное будущее. Видимо, по их замыслу, князь должен был куда-то деться, и у Лаис не было ни малейшего сомнения, что Ирислав не таков, чтобы самоустраниться во имя любви этих двоих. Интересно. Очень интересно.

Лаис покосилась на ранее найденный всё в том же ящике безымянный флакон с тёмной жидкостью, к которому прилагалась записка «4 капли за два часа до, 8 капель через час после, по 2 капли каждое утро в течение недели». Открыла, понюхала, закрыла. Ни черта не понять. То ли лекарство, то ли противоядие... вроде бы по местным обычаям – а Лаис изучала и продолжает их изучать, она же не предполагала, что её уже через три часа решат выслать... Так вот, жених с невестой после заключения помолвки распивают один кубок на двоих. Вино будет отравлено? Но какой в этом смысл? У князя наверняка есть универсальное противоядие, ну не совсем же он идиот, раз дожил до настоящего времени и так продвинулся в насаждении своей власти. Значит, прикинула девушка, если и в самом деле отравление, то племянничек должен позаботиться о том, чтобы противоядия под рукой не оказалось. Интересно, он уже это сделал? Иди ещё только планирует? Судя по противоядию, яд не быстрый, князь успеет отбыть из гостей – ночлег под одной крышей не предполагается до заключения брака.

Лаис без всякого сожаления сунула пузырёк в карман – если решилась кого-то отравить, и у тебя недостаточно ума, чтобы носить противоядие при себе, сама виновата. Да и наверняка в

таком богатом доме есть универсальное противоядие... и, пожалуй, Лаис его тоже заберёт, если найдёт. А то как она князя-то спасать будет? Ну, если будет. Что вполне вероятно: медведи ей по нраву куда больше, чем шакалы и крысы, а уж мужчины, которые честному и прямому вызову на бой предпочитают яд через женские руки...

Лаис вздохнула. Кажется, она как никогда далека от обязанностей посла. Но что делать... работа тайного телохранителя, возможно, удастся ей чуть лучше?

Она наведлась в комнату местного князя, вырубив пребывающую там девушку, по всей видимости, любовницу. Лаис была ласкова и аккуратна как могла. Полежит пару часиков и очнётся...

Увы. Обнаружить универсальное противоядие не удалось. Сам князь был куда осторожнее дочери, переписку хранил в магически защищённой шкатулке, портрета племянника Ирислава же и вовсе не имел.

Шкатулку она взяла с собой. А что? Всё равно ж её из страны высылают...

Как бы выяснить, спёр уже племянничек зелье или нет? А вдруг она ошиблась, и будущая княгиня собирается просто наставлять рога князю с его племянником, а травить не планирует? А в пузырьке... ну, может, лекарство какое. Дабы детей не было, например. Хотя княжна должна бы быть девицей по местным обычаям...

Ладно, поживём-увидим, – решила Лаис. На крайний случай у неё есть ещё своё универсальное противоядие, хотя тратить его на всяких медведей она и не планировала.

Застолье длилось часа четыре. С пышными речами, бурными восхвалениями князя Ирислава и его сдержанными комплиментами в адрес невесты, большей степенью выпрошенными этой самой невестой. Лаис прекрасно слышала всё через широкие, почти не закрывавшиеся, а если и захлопывающиеся, то крайне ненадолго и неплотно, двери на кухню. На кухне она с удобством расположилась на высоком шкафу, смущала разве что пыль. А вот сплетни челяди наоборот развлекали.

Лаис прекрасно понимала, что всё даётся ей так легко исключительно потому, что никому и в голову не пришло, что сюда может заглянуть альд. Да и откуда? В стране, где никогда не было снега, никто не будет постоянно держать под рукой лопату для его уборки, так и в княжествах – основной заботой местных князей в течение долгого времени были внутренние распри и борьба за власть, во что альды не вмешивались по идейным, почти религиозным соображениям. Так что альд ступил на землю Шести княжеств меньше года назад впервые за очень долгое время. Ну, по крайней мере, официально.

Конечно, люди не были так уж беззащитны. Были у них и заклинания, сковывающие альдов, и амулеты, защищающие от магии времени, и много чего ещё, бережно хранимого со времён Кровавой Империи. Так что ей просто сильно повезло. Ей, и, вероятно, князю. Если она сможет что-то для него сделать.

Лаис рассматривала вариант подлить противоядие прямо сейчас, во время застолья, но, во-первых, неправильная схема приёма помешает действию, и всё равно нужно будет раздобыть универсальное противоядие, а во-вторых – надо дать заговорщикам проявить себя в полной мере. А то вылавливай их потом. А уж доказать князю вину племянника – вообще гиблое дело. Так что девушка, утащив с собой весьма аппетитную ножку индейки, запечённую с пряностями, отправилась вслед за выехавшей обратно процессией. Время шло... и ничего не происходило. Во время небольшого привала – ели и пили мужчины от души, так что он понадобился довольно скоро – Лаис даже подошла ближе, чем обычно, взглядываясь в князя. Никаких признаков отравления. По крайней мере, пока. Может, маловата доза?

К вечеру девушка почти что уже расслабилась, но тут как раз князю поплохело. Причём сразу и резко, вероятно, этот идиот – Лаис уже немного волновалась за него и поэтому злилась – скрывал симптомы, вместо того, чтобы своевременно озаботиться поиском противоядия. Теперь же у него из носа пошла кровь, руки и ноги стали неметь, а живот скрутило злой и острой болью. Князь скомандовал привал, не дотянув буквально полчаса до намеченного места, тяжело сполз с лошади и полез в поясную сумку. И, судя по всему, совершенно напрасно. Он доставал и выбрасывал пузырьки с мазями и настоями, а нужного не было. – Это ищешь? – с нескрываемым удовлетворением спросил племянник, тоже спешившись и подходя к князю. А его сообщники приблизились к тем, кто, по-видимому, был верен князю. Лаис тоже подошла ближе. Не зная точно, в какой момент следует вмешаться, но на всякий

случай уже натянув на лицо маску, скрывающую хищный разрез глаз и слишком выступающие и одновременно узкие скулы, выдававшие нечеловеческих природу.

Князь ещё не понял, что происходит, а предатели уже перерезали глотки его людям.

Ирислав опустил протянутую было руку, понимая, что не дожждётся противоядия. И даже достал меч. Вот только силы его покидали.

– Хочешь знать почему? – прошипел племянник.

Ирислав покачал головой, но молодому человеку нужно было выговориться.

– Я ведь просил тебя не трогать Златку! – выплюнул подлец.

– Она сама ко мне пришла! – князь взял где-то в себе силы возмутиться.

– Сама. Потому только, что ты князь! – чуть ли не со слезами выкрикнул племянник. Лаис поморщилась: неизвестно, чем руководствовалась эта Златка, нанося визит князю, а вот почему она отказала его племяннику – Лаис очевидно.

Князя окружили вооружённые предатели, некоторые прятали глаза, не решаясь встретиться с ним взглядами, так что девушка перешла, наконец, от наблюдения и подслушивания к действию. Зачерпнула силу, посылая заклятие замедляющее время, выпрыгнула в круг, выхватила у племянника драгоценный флакон – не приведи Творец уронит, влила содержимое князю в рот:

– Это вам! – почти ласково пропела она. – А это – мне! – подхватила почти что уже выпавший из его рук меч, отмечая, что опоздала. Мастер меча всегда ругал её за излишнюю торопливость, а вот теперь, поди ж ты, она ошиблась в другую сторону. И как не вовремя! Князя кто-то из окруживших успел ткнуть мечом.

Лаис была зла, и даже не стала снимать с застывших людей заклятие, дабы сразиться по одному в по-любому неравном бою. Меч у князя, кстати, был тяжёлый. Лаис было неудобно – при всей альдовой силе весила она не так уж и много, и меч так и норовил утянуть её за собой, стоило замахнуть с привычной амплитудой. Но она справилась, как не справиться, если противники... нет, не противники, жертвы замерли. Поздравляю, Лаис, – мрачно сказала она сама себе. – Всего за четыре дня ты из посла скатилась до палача.

Князь был жив. Лаис погрузила его на лошадь – тоже не так просто оказалось, и отправилась искать укрытие. Рана не смертельная в том смысле, что от неё князь не умрёт мгновенно, но вот если оставить его без помощи целителя на пару-тройку дней, шансы Ирислава переселиться в другой мир, так и не встретившись официально с новым послом альдов, значительно возрастут.

Глава 2

Князь открыл глаза, помня себя на поляне, в окружении предателей, в состоянии беспомощном и жалком, в ожидании смерти. Бесславной и мучительной.

Теперь он лежал, и над ним был низкий неровный потолок, скорее даже это была уходящая под наклоном вверх стена пещеры. Вокруг было темно, но где-то тлел небольшой костерок, отблески которого и позволяли что-то разглядеть.

Ирислав повернулся, тут же получив крайне болезненное напоминание о ране в животе. Но ещё большее было крушение надежды – он подумал было, что кто-то из верных ему дружинников уцелел... увы. Фигура у костра была слишком стройна и изящна.

– Женщина? – даже невольно выплеснул удивление вслух.

– Ваша Светлость? – отозвался мелодичный голос. – Я отлучусь ненадолго за целителем.

Постарайтесь поспать.

Князь хотел сказать ей, что в этой глуши и в такое время она нипочём не найдёт целителя, а спать трое-четверо суток напролёт можно только вечным сном, к которому он не торопится, и вообще, за это время можно до его замка добраться, и именно так и стоит поступить.

Но едва он открыл рот, как она влила ему сонное зелье.

Выдеру! – зло подумал Ирислав, засыпая. – Озолочу. И выдеру.

Как ни странно, загадочная женщина вернулась на рассвете, и вместе с ней – молодой парень с медальоном целителя на груди. У парня были завязаны глаза и связаны руки. Князь молча наблюдал, женщина же разрешила верёвку на руках молодого целителя и поинтересовалась:

– С завязанными глазами лечить можешь? Или развязать тебе глаза... и потом выколоть?

– М-могу, – скорее недовольно, нежели испуганно отозвался целитель.

Женщина подвела свою жертву к Ириславу, взяла руки целителя и положила на рану. Тот дёрнулся от прикосновения к рукам, а затем начал лечить – князь почувствовал, что в его тело, прямо в рану воткнули сотни иголок. Негромко зашипел, сдерживая крик, и закусил кожаный манжет куртки.

– Всё, – наконец сообщил целитель, устало откидываясь назад. – Вставать можно не раньше, чем через сутки. Теперь вы меня убьёте? – последний вопрос адресован женщине, и князь невольно напрягается – смотреть на убийство честно спасавшего его целителя он не будет. На всякий случай берётся за нож. Меч лежит рядом, но вряд ли у него хватит сил даже чтобы просто поднять...

– Нет, – почти мягко, хоть и немного раздражённо отзывается женщина. – Я тебя награжу и отправлю обратно!

Но достаёт кинжал. Что за?! Сделать ничего князь не успевает – она отрезает кусок рубашки целителя, щедро высыпает туда почти половину содержимого княжеского кошель, завязывает в узелок и самолично крепит парню на пояс.

Поднимает с колен, положив руку на плечо, и ведёт к выходу. Ирислав настороженно прислушивается, но, похоже, она и в самом деле сажает паренька на лошадь и куда-то ту уводит.

Князь же снова проваливается в беспокойный, но всё же приносящий отдых и некоторое облегчение сон.

Просыпается днём. Восхитительно пахнет жареным мясом, и женщина, как-то угадав, что он проснулся, ставит перед ним два огромных листа лопуха с только что запечённым зайцем.

– Спасибо, – буркает князь и, несмотря на идущую кругом голову и танцующие в глазах искры, встаёт. Рана напоминает о себе тупой, тянущей болью, словно прошло уже две-три недели: достаточно, чтобы стянуться, но далеко от того, чтобы совсем о ней забыть. Целители не всеильны, и этот, вероятно, был не в первой десятке, иначе что бы он делал в такой глуши? Впрочем, как знать, где эта загадочная дама его раздобыла? В любом случае, князь ей обязан, ей и её сотоварищам – пробираясь к выходу из пещеры он уверен, что найдёт снаружи, как минимум, одного мужчину. Хоть и идёт он по нужде, ну так это прекрасный повод для разведки! Но там только его конь – рассёдланный, привязанный за повод к дереву в некотором отдалении от входа.

– Кто ты? – спрашивает он, вернувшись и приступая к еде.

– Лаис, – охотно отзывается она.

Лицо женщины закрыто полумаской, но то, что доступно взгляду, этот самый взгляд услаждает и завораживает. Начиная от фигуры – тонкая, грациозная, как тетива лука, и заканчивая губами. На неё хотелось смотреть, не отрываясь. Впрочем, возможно это лишь реакция организма на то, что он выжил.

– Кто тебе помогает, Лаис? – спрашивает Ирислав.

– Ваш конь, княже, – губы чуть изгибаются в улыбке.

Он морщится на такую очевидную ложь – да он тяжелее этой загадочной незнакомки раза в два, если не больше, она бы и метр не протащила по земле его бездыханное тело, не говоря уже о том, чтобы погрузить на коня. Да и лука при ней не видно, как бы она подстрелила зайца? Но не допрашивать же свою спасительницу. Ну или, по крайней мере, не сейчас ведь...

– Почему ты меня спасла? – интересуется он. Ожидает обычные, ничего не значащие заверения в преданности, но не тут-то было.

– Мне кое-что от вас нужно, – мурлыкает девушка.

– Денег? – с готовностью спрашивает князь.

– Нет, – в прорезях маски сверкают зелёные глаза.

– Власти? – уже кислее спрашивает Ирислав.

Снова нет. Она отложила еду и, кажется, развлекается. По крайней мере, губы подрагивают в усмешке.

– Жениться? – совсем мрачно предполагает князь. Недавняя затея с женитьбой, чуть не закончившаяся его гибелью, привила и так не горевшему особым желанием князю стойкое отвращение. Отравить его без ведома потенциального тестя вряд ли бы смогли...

– Нет! – уже откровенно смеётся она.

– Тогда что? – невольно улыбается, погладив бороду.

– Не сейчас. Потом.

Быть должным Ирислав не любил, тем более быть должным неизвестно что, так что, несмотря на испытываемую благодарность и пленяющее очарование незнакомки, обещать ничего не стал.

– Кто такая Златка? – полубопытствовала тем временем его спасительница.

– Красавица, – отозвался Ирислав. – Купеческая дочка.

– И что с ней случилось? Она покончила с собой от позора?

Князь удивлённо уставился на Лаис – странное имя, как и она сама.

– Жива, здорова и даже вышла замуж.

– А в чём тогда была претензия малыша? – усмехается женщина. – Право первой ночи прошло мимо?

– Вероятно, – передёрнул плечами мужчина, и тут же поморщился от боли. – Думаю, это просто повод, за который он зацепился. Честно признаться, она не была девицей, когда пришла ко мне, так что право первой ночи прошло и мимо меня тоже.

На мгновение ему чудится лёгкое, почти невесомое, но насмешливое то ли осуждение, то ли удивление, словно упрёк в неразборчивости. Не из-за Златки. Вообще. Это злит.

– Что там произошло? – спрашивает Ирислав, резче, чем хотел бы, но Лаис, кажется, ничуть не в обиде.

– Предполагаю, – мурлыкает она, как заправский сказочник, кот-баюн, – на вас снизошло безумие берсерка, и вы их всех побили. А я лишь отвезла ваше героическое тело сюда и отыскала целителя.

Князь фыркает и требует с повелительными нотками:

– Правду давай.

– Они все убиты вашим мечом, мой храбрый князь, – отзывается женщина. – А разве может его поднять кто-то, кроме вас?

Меч у него и в самом деле тяжёлый, но поднять его, конечно же, можно. Однако, видимо, его спасители – он всё так же уверен, что у неё два, а то и три сообщника – настроены держаться в тени.

– А универсальное противоядие я выпил до, после или в процессе снизошедшего безумия берсерка? – скептически заломив бровь, уточняет Ирислав.

Лаис некоторое время изучает его лицо, а затем совершенно серьёзно отвечает:

– Думаю, до. Возможно, именно оно и стало катализатором, высвободившим резервы вашего тела...

– И как я его получил? – подавшись вперёд, уточняет князь. – Мирилад сам его мне отдал? Может, даже любезно влил в рот?

– А кто знает, что оно было у него? – усмехается она, поднимаясь. Хочет закончить разговор.

– Придумать версию для всех я и сам могу! – недовольно огрызается он. – Мне правда нужна.

– Правда в том, что они убиты вашим мечом, княже. Они мертвы, а вы – единственный живы.

Она посмотрела в сторону входа. Снаружи, похоже, собиралась гроза, и Ирислав даже не то чтобы обрадовался, но с удовлетворением отметил, что ей некуда идти и придётся остаться с ним, отвечать на вопросы... Не тут-то было. Девушка с наслаждением потянулась, заставив дыхание князя прерваться – он достаточно времени уделял тренировкам, чтобы даже в одежде, по одним лишь движениям, оценить способности чужого тела. Лаис была совершенна.

Идеальна. Богиня войны, да и только.

– Прогуляюсь, – загадочно сообщила она и, сняв сапоги, куртку и рубашку – о, Творец! – нырнула прямо в дождь, словно стремясь навстречу к приближающимся раскатам грома. Князь сидел как оглушённый. И в самом деле идеальна. А ему следует прогнать видение невероятного смуглого тела, и подумать о дальнейших действиях. Тем более что, возможно, – от этой мысли на удивление неприятно свело что-то в груди, он уже успел всего за секунду присвоить вид её тела – она отправилась к одному из своих сообщников. Что ещё делать полуобнажённой женщине в дождь?

Лаис вернулась через три часа, когда отгрохотало, отгремело, и даже дождь начал заканчиваться. С неё лилась вода, а вид был настолько уставший и довольный, что у Ирислава не осталось ни малейших сомнений. Любится бегала. Но отвести взгляд он всё равно не мог. Тем более что она стала снимать и штаны.

– Ты издеваешься?! – прошипел.

Лаис отправила ему удивлённый взгляд, словно ожидала, что он спит. Или и вовсе забыла о его присутствии.

– Знаешь, что может сделать мужчина, если зрелище отвергает его в соблазн? – ласково, и князю померещилось, что даже и обещающе, шепнула она.

– Что? – спросил он. Нет, одна идея у него была, но, кажется, Лаис не о том.

– Закрывать глаза! – усмехнулась девушка. Девушка-богиня. Не бывает таких девушек среди простых смертных, иначе почему за всю его жизнь ему ни разу не встретишься?

– Это выше моих сил, – честно и хрипло признался князь.

Она накинула рубашку, которая закрывала её тело до середины бёдер, но теперь князю не было ни покоя, ни сна, во что её ни одень.

– Сними маску, – не приказал, попросил он.

– Не стоит, – усмехнулась она. – У меня страшное лицо. Очень страшное. Некоторые люди почти до смерти пугаются, когда видят. А ты мне нужен живым, княже. Сонного зелья дать? Он хотел гордо отказать, но затем кивнул. И всё равно, сны его одолевали столь же сладостные, сколь и мучительные. Снилось Лаис, гоняющаяся за молниями под дождём, полностью нагая, разве что в маске, и её никак не удавалось поймать, даже во сне.

А на следующее утро она его покинула.

Он стоял снаружи пещеры, чуть прислонившись – сил было ещё мало, и с наслаждением подставлял лицо поднимающемуся солнцу, когда она вернулась с прогулки. Кто бы ни были её сообщники, похоже, сейчас они довольно далеко.

– Тебя скоро найдут твои люди. Верные люди, – уточнила она. – Так что мне пора. Я возьму лошадь, – не попросила, а проинформировала, но он кивнул.

Девушка на мгновение скрывается в пещере, вскоре выныривая оттуда с сумкой через плечо. И не говоря ни слова, даже не одарив его взглядом, направляется прочь.

– И всё? – удивлённо спрашивает он. – Даже не поцелуешь на прощание?

Вопрос, конечно, за гранью приличия, но, чёрт возьми, она же переодевалась при нём, да и хочется ему, очень уж хочется её поцелуй. Хотя бы поцелуй, но ведь если женщина готова подарить поцелуй, она вскоре будет готова и на всё остальное.

Лаис останавливается. Разворачивается. Плавной, почти танцующей походкой идёт к нему.

Подходит близко-близко, умудряясь не коснуться, а у него перехватывает дыхание – неужто правда поцелует?! Она же, застыв в миллиметре от его губ, выдыхает:

– Нет!

И такой же чуть танцующей походкой направляется к лошади. Ирислав сам не знает, почему на его губах расплывается улыбка. Наверное, потому что с ней будет ещё интереснее, чем он думал. Она ведь сама сказала, что ей от него что-то надо, так что они непременно встретятся.

Лаис тем временем снимает с его коня уздечку. Это вместо того, чтобы надеть седло.

Собирается просто отпустить? Конь стоил баснословно дорого – порода, выносливость, размер опять же, хоть и нрав дикий и зловерный, но лучше бы она и в самом деле его отпустила, целее будет... Девушка. Не конь. Этой скотине ничего не сделается. Она же, отбросив ненужную ей почему-то упряжь, хватая коня за чёлку и пару секунд смотрит ему в глаза. А затем неуловимым движением – кажется, князь моргнуть лишь успел, оказывается у коня на спине.

Легко удерживается на выполненной мерзопакостной скотиной свечке, и каким-то непостижимым образом отправляет коня в уже управляемый галоп.

Про альдова посла он вспомнил только к вечеру второго дня после возвращения. Неохотно поморщился – Советник как-то путанно объяснял, почему не вручил уведомление о высылке господину послу, то ли найти его не смог, то ли причину было толком не сформулировать... но это, наверное, и к лучшему. Всё же неуважительно как-то совсем получилось бы. А так Ирислав сам с господином послом побеседует, постарается его убедить, что несмотря на огромное желание дружить с альдами, постоянный посол им в принципе не очень-то здесь нужен. Раз намёков альды не понимают...

Велев позвать посла, князь продолжил чтение накопившихся писем и документов. Заслышав шаги встал, дочитывая последний абзац весьма интригующего донесения, и попросил:

– Всего ещё одну минуту, господин Аделаис, с вашего разрешения.

– Без проблем, Ваша Светлость, – отозвался женский – женский! – голос.

Князь выронил письмо и поднял взгляд. Альды вообще красивый народ. Чёткие, прямые черты, яркие глаза, смуглая, невероятно гладкая кожа... На предыдущих послов уже после пары дней начинали вешаться девки, на этом они несколько раз и сыграли: стоило альду – а они темпераментные! – поддаться искушению и вступить в связь с одной из девиц, ему тут же сообщали, что именно к этой девице воспыал нежными чувствами князь, и просили покинуть страну. Теперь же так не выйдет. В нежных чувствах ни к кому из дружинников князь признаваться не намерен, да и вообще он как-то неожиданно против, чтобы госпожа посол одарила своей благосклонностью кого-то из них. И что уж совсем лишнее, и неподобающее – князю хочется госпожу посла самому. Вот на этом столе, например. Или у той стены. Да даже на полу! Он уже и не помнит, хотелось ли ему когда-нибудь так женщину. Обычно он получал желаемое куда раньше, и до такой степени наваждения не доходил.

Аделаис. Лаис. Девушка-богиня. Девушка-альд. Когда она говорила про страшное лицо, он подумал про шрам. Ожог. Следы оспы или другой болезни. Но она была идеальна, а намекала совсем на другое – страх перед альдами.

– Лаис, – взяв себя в руки, почти что по-дружески сказал князь. – И что же вы хотите? Теперь-то скажете?

Хорошо всё-таки, что он не стал ничего ей обещать, хоть ему и в голову не могло прийти, кем она окажется.

По губам девушки скользнула лёгкая улыбка.

– Не отсылайте меня ещё хотя бы три недели, князь. Это позор – вернуться раньше.

– И всё? – недоумённо спросил Ирислав.

– Всё, – подтвердила девушка, прямо выдерживая его взгляд. От зелени её глаз кружилась голова. Надо развеяться. Найти какую-нибудь зеленоглазую смуглянку и сбросить накопившееся от мучивших его снов напряжение.

– Оставайся, – кивнул князь.

Чёрт с ним, с предсказанием. В конце концов, если бы не Аделаис, его род бы и так уже прервался. Вернее, продолжился бы, но без его участия, детьми его подлого племянника, от одного воспоминания о котором становилось пакостно и зло.

– У меня для вас подарок, – мурлыкнула девушка, проигнорировав его переход на «ты». Вряд ли не заметила. Брезгует предлагаемой дружбой? Или ждёт официального предложения? Кто их альдов разберёт. Как-то раньше князю не было дела до их нравов и традиций...

Он принял из рук девушки шкатулку.

– Что это, любезная Аделаис?

– Шкатулка с перепиской вашего несостоявшегося, насколько я понимаю, тестя, – усмехнулась она.

– Как ты там вообще оказалась? – прищурился он.

– Гуляла, – невозмутимо отозвалась она. – Ваш Советник разрешил. Благодарю за аудиенцию, Ваша Светлость. Увижу вас через три недели перед отъездом!

– Завтра. За ужином, – выдохнул князь, прежде чем понял, что именно делает.

– За ужином, – чуть прищурилась Лаис, – я задаю много вопросов. Очень много.

– Я тоже, – в тон ей отозвался князь.

Девушка чуть склонила голову, а её губы тронула лёгкая улыбка:

– До завтра, княже.

Глава 3

Лаис сама не знала, зачем согласилась. С князем было...интересно. И то, что она – альд, не заставило его бояться. И меньше хотеть её тоже не заставило, – чуть усмехнулась она сама себе. Впрочем, последнее как раз объяснимо – экзотика. Скоро и остальные, кто посмелее, начнут наматывать вокруг неё круги, пытаясь подкатить, и уповая на слухи о любвеобильности альдов. Она фыркнула, переоблачаясь в отведённой ей комнате из парадного камзола в неприметную тёмную одежду.

Ну не в комнате же ей сидеть? Тем более что под посольство альдов в городе выделен дом. Вот только обжить его никто не успевает...

Лаис отправилась туда. Что-то ей подсказывало, что, вероятно, ей придётся задержаться тут не на три недели, а гораздо дольше. Расположенный в надёжном укрытии огромной крепостной стены, город кипел, бурлил и веселился. Девушка специально сделала крюк, пройдя и через рыночную площадь и мимо нескольких кабаков, выставивших столы на улицу. Горожане своего князя любили. Почти боготворили. Ещё помнили, как жилось в затянувшуюся междуусобицу, и ценили мир. И даже о его любвеобильности они говорили хоть и с внешним осуждением, но с затаённой гордостью – дескать, вот он какой удалой. Во всём удалой.

В доме царило запустение... и свежая грязь. А ещё из кухонного шкафа слышалось судорожное и испуганное дыхание. Девушка усмехнулась и распахнула дверь.

– Ааааа!!! – завизжал паренёк лет десяти, отчаянно зажмуриваясь и вжимаясь в стенку пустого шкафа. – Ааааа!!!

– Чего орёшь? – негромко поинтересовалась она, но он, что удивительно, услышал. Разом перестал орать, открыл глаза, и на лице его нарисовалось наглое выражение, видимо, вытесненное до этого страхом.

– Я... я думал, это альд, – с облегчением сообщил он, выбираясь из шкафа.

– А ты не хотел бы встретиться альда? – нарочито удивлённо поинтересовалась девушка. Она была в маске, и, видимо, паренёк принял её за воровку. Вор ли он сам – пока непонятно. Непохоже. Но выясним.

– Шутишь? Конечно, нет! – фыркнул он.

– Тогда что ты делаешь в альдовом доме? – чуть склонила голову на бок девушка.

– А ты? – огрызнулся мальчишка. – Небось, спереть что-то пришла? Вот ты отчаянная! Он же найдёт тебя в два счёта и на кусочки порвёт!

– А тебя? – чуть улыбнулась Лаис. Разговор её забавлял. Как кошку. Мышка.

– Так я же не возьму ничё! – простодушно, и даже свысока объяснил ей мальчишка. – Как же он меня найдёт?

– По запаху, – хмыкнула Лаис. – Альды терпеть не могут, когда кто-то гадит на их территории. Бери тряпку и прибирай!

– Вот ещё, – фыркнул паренёк. – Тут и рыжий, и малой, и Винька, да тут кто только не побывал, а я прибирай? Да и когда тут альд объявится... весь запах уже выветрится.

– Уже объявился, – мурлыкнула Лаис, снимая маску, и демонстрируя паренёку свои глаза и для пущей убедительности – зубы. Тот застыл, глядя на неё всё более круглыми глазами, но хоть не орал в этот раз. – Беги давай за всеми, кто тут отметился за две недели, и чтобы к завтрашнему утру было чисто. Я не шучу и дважды повторять не буду. Усёк?

– У... усёк, – кивнул пацан. И уже выбегая, крикнул, явно пытаясь подлизаться. – Вы такая красивая!

Лаис побродила ещё по дому, а затем надела маску и отправилась дальше в город. Где взять кухарку? К альдам и так не то чтобы очередь стоит наниматься, а уж учитывая, что ни один альд тут ещё дольше месяца не продержался... стоит ли наниматься всего на пару недель к кому бы то ни было? Ясное дело, не стоит. Никто и не будет.

Впрочем, она вполне может есть где-то в городе, так даже лучше, наверное. По крайней мере, пока. Заодно можно что-нибудь интересное услышать.

То ли интуиция, то ли наблюдательность, а то и всё вместе, привели её в один из самых крупных трактиров, куда набилось невероятное количество народу. Лаис хотела пройти мимо – не любительница тесноты и толчеи, но затем людской гомон принёс «сам Айвор-ветер», и она неожиданно для самой себя зашла. Буквально на несколько минут. Она даже садиться не будет, постоит у дверей, послушает одну из его историй – они всегда удавались ему на ура, не зря народ готов на любые неудобства и платит полновесным золотом, и отправится дальше, ведь им нечего сказать друг другу. Ну, по крайней мере, Лаис нечего.

Не тут-то было. Каким-то непостижимым образом Айвор заметил её почти сразу. Она без понятия как, он просто обвёл глазами толпу, зажмурился на секунду, а затем устремил взгляд прямо на неё. «Не смей убежать!» – беззвучно шепнули губы. Лаис усмехнулась и покачала головой. Ничего не изменилось, Айвор-ветер, моё сердце всё такое же мелкое и чёрствое, и в нём только мама, Йар и гроза. Места для ветра там нет, как бы красиво тот ни пел...

Лаис не сбежала. Лаис ушла, как и планировала – после одной истории. Даже будь им о чём говорить, не стала бы она топтаться в толпе его поклонниц и ловить у выхода. А уж раз и говорить не о чем...

Айвор такой поворот не принял и, как и полагается ветру, ворвался в её комнату через окно, незадолго до рассвета. Девушка-альд беспечной не была, на княжескую охрану и не рассчитывала, так что к моменту, когда незваный гость оказался в комнате, успела и рубашку накинуть, и даже кинжал обратно под подушку убрать.

А он ещё и постучал. Правда, уже изнутри. Вежливый как будто.

– Айвор, – укоризненно тянет Лаис. – Ты зачем рискуешь моей репутацией и своей головой?

– Я готов взять всё на себя, – проникновенно отзывается мужчина, замирая в паре шагов от кровати и одаривая её волной восхищения и желания. – Если что, скажу, что к князю лез, окном ошибся...

Лаис невольно фыркает. Айвор неисправим. А лицо князя лучше даже не пытаться представить...хоть и хочется.

– Как дела? – спрашивает она, взглядом удерживая его на расстоянии. – История про спрятанное королевство мне понравилась.

– Тебе понравилось про ежедневные грозы, – фыркает мужчина. Он и в самом деле хорошо её изучил. Вот только почему-то не желает отпустить.

Айвор жестом фокусника извлекает цветок – розу редкого серебряного оттенка, сжимает в руке, так, что на шипах остаётся кровь, и протягивает ей. Позёр. Лаис прекрасно знает, что такую же волну восхищения он обрушивает на каждую женщину, с которой делит постель. И в этом он парадоксально похож на альдов. Альды не спят с теми, кто их не любит, не спят с теми, кто не будоражит кровь, в ком не за что зацепиться, и это что-то – вовсе не тело. Даже большинство мужчин-альдов, что уж говорить о женщинах... Люди всегда неправильно понимали и понимают любвеобильность альдовой расы.

Розу она не берёт, и Айвор со вздохом кладёт на кровать. Сам садится на пол.

– Рассказать тебе об этом месте, Аделаис? Я был неподалёку три недели назад. Там и в самом деле гроза каждый день...

– Расскажи, – чуть улыбается Лаис, поудобнее устраиваясь на подушках. – Спасибо...

– Его Светлость просил передать, госпожа Аделаис, свои извинения. Ввиду срочных государственных дел он не сможет уделить вам сегодня вечером обещанное время!

А Советник, кажется, освоился и перестал её бояться... непорядок. Даже не считает нужным скрывать торжество в голосе... Очень интересно.

– И... госпожа Аделаис, в крепости действуют определённые правила. Если ждёте гостя, не считите за труд согласовать это с охраной!

Лаис со скучающим видом смотрела поверх головы мужчины, заставляя того нервничать, быстро теряя чувство превосходства и злорадства, с которыми он пришёл. Вероятно, Айвора видели, когда он уходил. Но не видели ни кто, ни к кому. Заметь они его вылезавшим из её окна, успели бы задержать и выяснить, что это за тать такой ночной. И смотрел бы этот стареющий мужичок сейчас совсем по-другому. Да и с менестреля случилось бы и в самом деле брякнуть, что к князю приходил. Балладу зачитать хотел, про этого самого князя. Вдохновение было. А теперь... всё. Спугнули.

– У вас всё, милейший? – равнодушно осведомилась девушка. Неужели он и вправду ожидал, что она как-то выдаст себя, если гость приходил к ней? Всё-таки люди ни черта не смыслят в альдах...

– Князь позволяет вам присоединиться к нему за завтраком, – кажется, растеряв весь свой боевой настрой, буркнул Советник.

Лаис молча стала закрывать дверь. Дозволением князя она обязательно воспользуется. Через пару лет, возможно. Тогда, когда ей самой будет нужно. Дозволение – это ведь не приказ.

– Придётся? – уже в закрытую дверь. Бедный советник. Вместо серьёзных вещей на побегушках у князя... впрочем, ничего серьёзного ему, вероятно, как раз доверить нельзя. Глуп. И честолюбив чрезмерно.

– Подумаю, – пропела Лаис, возвращаясь в стойку на руках, из которой её вырвал стук в дверь. Она бы предпочла делать зарядку на улице, но это значило развлекать всю крепость. Нет уж. Не в этот раз...

Потом Лаис отправилась в город. Ей надо подготовиться к дороге – Шестое княжество и его непонятные, как по часам происходящие грозы, манят со страшной силой. И вот когда она будет полностью готова, собрана в путь, только тогда она навестит князя. В конце концов, её

устроит разрешение, полученное в любой форме. Даже «пошла ты», хотя Ирислав до этого, вероятно, не опустится... Не получится у неё настолько его разозлить. Пока нет.

Разумеется, ужин князь отменил не из-за «гостя». Возможно, правда дела. Возможно, остыл, понял, что не так уж экзотика его привлекает. И если второе, то так, пожалуй, даже и лучше.

Полдня Лаис везло. Нашлись и ножи, и зелья, и амулеты, которые она хотела взять в дорогу, она даже начала думать, что получится отправиться в путь сегодня же – ночь для альда не помеха, а княжеский конь давно застоялся, так что осталось лишь повидаться с князем, можно даже в дом не заглядывать, перекусить вот в этом трактире...

– ...пусть посидит! – донеслось из-за соседнего столика, где расположились дружинники князя.

Четверо. – Гладишь, пару новых историй сочинит. Жалобных.

Говоривший неприятно заржал, товарищи его поддержали. Лаис вздохнула, предчувствуя недоброе, и прислушалась.

– Как бы тебе боком не вышло, – осторожно заметил самый здравомыслящий и самый трезвый, судя по всему. – Всё-таки известный менестрель, очень известный...

– Кто бы ни был, нечего было руки распускать! – огрызнулся первый.

– Что, прямо ни с того, ни с сего? – вздохнул адекватный.

– А то! Я к нему со всей душой, понимаешь! Балладу, говорю, сочини, понимаешь! Как наш князь альдову девку... уваживал. Девка, говорю, такая... ммм, сам бы её... отужавал! А он... взбесился.

Лаис вздохнула. Напомнила себе, что она – взрослая, мудрая и сдержанная. Не просто альд, а посол королевства альдов, лицо, облечённое доверием самого короля и всё такое... И выскользнула из-за стола. Надо просто уйти, Лаис. Давай же. Дверь вон там, всего несколько шагов, молча, быстро, и будешь молодцом...

– Надеюсь, – сказала она, снимая маску и капюшон, и застывая возле разом затихших дружинников, – вы не настолько трусливы, чтобы начать извиняться? Я ищу драки. Уважите? Кажется, мужчины разом протрезвели, а все остальные посетители вжались в стены.

– Госпожа посол, – начал было адекватный, но Лаис недобро на него зыркнула, и он замолчал.

– Я не... не могу драться с дамой, – нашёлся, как ему показалось, рассказчик. Крупный, рыжий мужик. С фингалом.

Поносить можешь, а драться нет? – подумала Лаис. Но как мудрая и сдержанная женщина вслух спокойно спросила:

– Почему?

Рыжий побледнел до синевы. Видимо, вспомнил, что дама – альд, а заявлять альду, что ты сильнее – прямой путь к той самой драке, после которой можно лишиться если и не жизни, то чего-нибудь важного и нужного уж наверняка.

– Госпожа посол, – снова начал его товарищ. Светловолосый, загорелый и тощий. – Пожалуйста, примите наши искренние извинения.

– Искренние? – склонила голову Лаис. Хотелось не извинений, а выбить пару десятков зубов, или сколько там у этого рыжего при такой насыщенной жизни осталось...

– Самые искренние! – проникновенно и серьёзно заверил парень, твёрдо встречая раздражённый взгляд изумрудных глаз.

– Где менестрель? – вздохнула девушка. – Полагаю, ему вы тоже желаете принести самые искренние извинения?..

Глава 4

Его Светлость Ирислав неохотно поднял глаза от бумаг, зная, что наткнётся на просящий взгляд. Наверняка, даже со слезами. И придётся отложить дела, с которыми он и так не успевает справляться – раньше часть брал на себя племянник, теперь же приходится не только делать всё самому, но и нужно особо тщательно перепроверить, что этот гадёныш успел натворить... Князь спать не знает когда, если честно, а тут ещё и незапланированные визиты всех и вся, он даже, скрепя сердце, ужин с госпожой послом отменил, силясь побыть хорошим правителем... и всё равно всё летит к чертям.

– Дядя Ирислав, пожалуйста! – предсказуемо всхлипнула Руслана.

Дочь его погибшего друга, о которой он обещал позаботиться. И не то чтобы забыл, но, возможно, слишком редко интересовался, как она там, слишком мало участия принимал в её жизни, и вот, проглядел – девушка успела обзавестись женихом, и это было бы полбеда, но этот самый жених пропал, и Руслана почему-то непоколебимо уверена – он томится в тюрьме. Можно было бы отправить кого-то из дружинников с ней в тюрьму и вернуться к делам, но князя настигло чувство вины. Её отец жизнь отдал в борьбе за его, Ирислава, власть. Он вздохнул и встал из-за стола.

– Идём, проверим.

Вздых получился тяжёлым – князь уверен, в тюрьме этот прохвост не найдётся, а значит, эпопея по поиску то ли пропавшего, то ли сбежавшего жениха только начинается...

– Расскажи ещё раз, почему ты решила, что он в тюрьме, – требует князь. И уже стоящим за дверью дружинникам: – Экипаж!

– Я могу верхом, – несмело шепчет Руслана. Ирислав окидывает взглядом её костюм – мужские штаны, слишком тесная – это с точки зрения старшего родственника – рубашка, демонстрирующая довольно-таки внушительную грудь и стройную талию... морщится. И куда смотрела достопочтенная Хелина, мать этой девчонки? Не Ириславу же беседовать с ней о приличиях!

– Расскажи про жениха, – требует он, когда они садятся в экипаж. – Всё, что знаешь. Когда познакомились, где, чем занимается...

– Дядя Ирислав! – возмущённо сверкает глазами девчонка, верно поняв, что жених этот кажется ему в высшей степени подозрительным и никакой симпатии не вызывает.

– Всё, я сказал, – с лёгким нажимом повторяет князь, переводя взгляд в окно. Девушка обиженно пыхтит, но начинает рассказывать.

Звучит обыденно. Встретились у общих знакомых, влюбился, ухаживал, предложение... собирался, как и полагается, просить руки Русланы у князя... и пропал. Руслана сначала ждала... потом отправилась к местной ведьме. Та раскинула свои гадальные камни... и уверенно сообщила, что пропавший томится в тюрьме, из которой сбежать невозможно. Чем не темница в славном городе Шияре?

Ирислав такое высокое мнение о местной темнице не разделял, тем более, что ведал ею глава города, и находилась она не в крепости... но Руслане не объяснишь, можно только показать... Разумеется, Яромира не оказалось там. Девушка приуныла, князь, хоть и не особо рассчитывал на такую удачу, тоже не повеселел... а уж когда зацепился случайно взглядом за знакомое лицо...

Айвор-ветер. Невероятно.

– За что сидишь? – спрашивает Ирислав, надеясь, что это просто кто-то похожий. Бывают же двойники...

– За любовь, – насмешливо и мелодично отзывается мужчина, не оставляя ни малейшего шанса на ошибку.

– За любовь к дракам? – подхватывает новый голос, от которого с Ириславом происходит что-то странное. Он и рад, и раздосадован. – И это альдов ещё считают драчунами...

– В содеянном не раскаиваюсь, – упрямо отзывается менестрель, но в глазах его вспыхивает такой огонь, что Ириславу даже завидно. И одновременно зло берёт.

– Ваша Светлость, – улыбается князю госпожа Аделаис, – отпустите его, а? Он больше не будет бить ваших дружинников. Ни лютней, ни кулаком... ни даже метким словом.

– Лаис, – мягко отзывается князь, почти что мурлыкает. Словно нарочно, чтобы позлить менестреля, но конечно же, это только кажется, вырос он давно из этого, да и зачем эти игры, если к нему в постель и так придёт любая... Впрочем, именно в этой игре что-то есть. – Всё, что пожелаете.

Девушка-альд обозначает поклон, молча. Руслана несмело тербит его рукав, и Ирислав с удивлением обнаруживает, что совсем о ней забыл, всё внимание его поглощено госпожой Аделаис, он – вот уж нонсенс! – отслеживает её взгляд: как она посмотрит на менестреля? С тем же огнём, что и у него? Хотя ясно как, раз пришла за ним в тюрьму... и всё же...

Пока что госпожа Аделаис не даёт ему повода... князь сам не знает, повода для чего, но взгляд девушки устремлён именно на Его Светлость... как, в общем-то, и полагается по этикету. Не стоит забывать, есть ещё этот грешный этикет...

Айвор выходит из поспешно открытой камеры, на секунду задерживается напротив Лаис, кажется, пытаясь поймать взгляд изумрудных глаз, и, потерпев неудачу, устремляется к выходу. Князю достаётся вопиюще неучтивый поклон – практически на ходу, но Ириславу всё равно. В этой неожиданной сцене он не чувствует себя ни оскорблённым, ни проигравшим – она смотрит на него. Пусть бы это и этикет, чёрт с ним...

– И так, – прищуривается Ирислав, откидываясь на излишне мягкую спинку сиденья в экипаже, – в свободное время вы спасаете мужчин, госпожа Аделаис...

Лаис, охотно принявшая предложение вернуться в крепость в экипаже, чуть улыбается:

– Только самых... интересных.

Руслана молчит, во всю рассматривая девушку-альда, и в глазах её чуть ли не больше восторга, чем у менестреля... Ирислав хмыкает. Госпожа посол непроста, очень непроста. И польстила, и подзадорила, и ни капли смущения...

– Мои люди были достаточно вежливы?

– Даже слишком, – снова одаривает его ослепительной, но ничего не означающей улыбкой собеседница. – Отказались драться, представляете?

– Я рад, что благоразумие им не чуждо, – хмуро отзывается князь. – Пусть и в недостаточной степени, чтобы вообще не нарываться. Скажите, если я должен кого-то наказать.

Девушка еле заметно качает головой, и за это Ирислав ей отдельно и особо благодарен. Ему не хочется ни наказывать своих дружинников за пару неосторожных, вряд ли вообще предназначавшихся для ушей девушки слов, ни ссориться с альдами...

Госпожа посол переводит изумрудный взгляд на Руслану. И улыбается уже ей, совсем по-другому – менее ослепительно, но куда теплее.

– Я – Лаис, – представляется она.

– Руслана! – восторженно выдыхает девушка в ответ. – А это был Айвор-ветер?! Да?! А откуда вы его знаете?! Ой, простите...

– Пообедайте со мной, если Его Светлость не против, – мягко улыбается Лаис. Светлость не против, разумеется, он даже рад, что госпожа посол возьмёт на некоторое время Руслану на себя, и вовсе не досадно ему, что с ним завтракать эта самая госпожа не пожелала...

Дел у Ирислава невпроворот, и выныривает он из многочисленных бумаг, докладов, доносов и просто писем, только когда на стол перед ним опускается тарелка с горячим пока что ужином. Про обед он, честно говоря, забыл, тот так и стоит на другом краю обширного стола, давно остывший и совсем не вкусный...

– Что это за посол такой от альдов? – кривит в усмешке полные губы Василина. Доверенное лицо, придворная ведунья...и, по правде говоря, ведьма. И по званию, и по характеру... – В самом деле девица?

– В самом деле, – коротко кивает князь, берясь за вилку, и совершенно не желая обсуждать. – Как съездила?

– Ничего, – качает головой. – А что с твоей женьбой?

– Ничего, – теперь кривится Ирислав, с трудом удержавшись от «чур меня, чур!».

Василина идею породниться с князем Третьего княжества никогда не поддерживала, но и не отговаривала. А вот племянничек-то как уговаривал, чтоб его...

Рассказывать о том, насколько плохо всё прошло, и чем он обязан послу альдов, князю не хотелось. Да и ни к чему. Чем тут поможет ведунья? Пока ничем...

По официальной версии, Ирислав с племянником разделились сразу, как только покинули терем невесты. Дальше на князя напали разбойники, и он потерял всех своих людей, а что с племянником произошло – знать не знает, ведать не ведаёт... но князь Миклан точно замешан. Не зря же он со всей семьёй пустился в бега...

Ирислав отставил пустую тарелку, взглядом поблагодарил Василину. Та потянула за шнуровку на своём платье, увеличивая декольте... Иссиня-чёрные волосы, тёмно-вишнёвые глаза, пухлые губы и белоснежная кожа... совсем не этот образ преследует князя последние дни и ночи, но почему бы и нет? Никто не ходит на охоту голодным...

То, что его отношения с ведуньей иногда выходят за рамки деловых, князь особо не скрывал, но и афишировать не стремился. И уж точно не планировал, вернувшись через полчаса из примыкающей к кабинету спальни, обнаружить возле своего рабочего стола двух совершенно

незванных сюда девиц. Одна, красная как рак, не знала, куда деть глаза от смущения – Василина не сдерживалась, а звукоизоляция в спальне не то чтобы никакая, но далеко не абсолютная... Другая... непроницаема и невозмутима, с холодным любопытством рассматривает выходящую из спальни ведунью. Та отвечает не менее пристальным взглядом.

– Что случилось? – спрашивает Ирислав, делая над собой усилие, чтобы не рычать. Неловкость и досада легко перерождаются в злость. Что они забыли практически ночью в его кабинете без приглашения? Л-л-лаис... Ладно сама заявила, но девчонку зачем притащила?..

– Руслану пытались убить.

Голос альдова послан совершенно ровный, а в самом сообщении ни одного лишнего слова, но ему всё равно слышится упрёк. Причём, упрёк во всём сразу. И неразборчив, и девчонку без присмотра оставил, и безопасность в самом сердце своего государства обеспечить не можешь, и вообще, никуда ты, князь Ирислав, не годишься...

– Рассказывайте, – максимально вежливо приказывает князь обеим, занимая своё кресло и холодно кивая неохотно покидающей кабинет Василине.

Глава 5

Руслана рассказывает. Рассказывает, на взгляд Лаис, с огромным количеством совершенно лишних подробностей. Понятно, что любая мелочь может оказаться важной, но всё же... количество розочек на десерте вряд ли станет важной уликой. Ирислав почему-то смотрит не на свою подопечную, а на Лаис. И так смотрит, что и не поймёшь – то ли ждёт подтверждения, то ли за реакцией наблюдает, а может, и вовсе саму госпожу посла и подозревает...

Подопечную князя пытались отравить. И, честно признаться, вполне удачно отравили. Лаис отнюдь не специалист в ядах, и вообще таскает... таскала с собой универсальное противоядие исключительно соблюдая казавшуюся ей самой на редкость дурацкой инструкцию... а вот пригодилось. Совершенно неожиданно-негаданно, как и всё, что происходит в этом странном государстве.

Лаис отвечает князю таким же непроницаемым взглядом. Интересно, потребовать с Его Светлости универсальное противоядие – прилично? Или стоит это рассматривать как щедрый вклад королевства альдов в дружеские отношения?..

– Почему выбрали именно эту таверну? – спрашивает князь.

Руслана снова краснеет, опускает глаза, зачем-то бросает виноватый взгляд на Лаис, как будто бы это та умоляла отвести посмотреть на легендарного менестреля... как будто бы не насмотрелась она на него!

– Там был Айвор-ветер, – шепчет подопечная князя.

Лаис невозмутима и всё так же молчит, хотя вздёрнувшаяся бровь Ирислава её весьма раздражает. Её вообще вся ситуация раздражает. Нестерпимо хочется вернуться в таверну, устроить там погром, взять хозяина за грудки или подавальщиц за горло, вытрясти что-нибудь интересное... Нельзя. Может, целью отравителя и было как раз – нарушить едва начавшие налаживаться отношения между альдами и княжествами... да и плохо Руслане стало уже на обратном пути.

Князь поручает всё ещё краснеющую при одном взгляде на него Руслану двоим дружинницам и оборачивается к Лаис.

– Составите мне компанию на прогулке, госпожа Аделаис?..

Девушка недоверчиво кивает. Князь отправится на место происшествия сам? Сейчас?.. Идея не кажется разумной, и, возможно, поэтому так нравится.

– Расскажите теперь вы, – приказывает Ирислав уже за пределами дворца.

Идти рядом с ним неожиданно легко и комфортно. Князь ходит быстро, быстрее большинства людей, но в самый раз для альда, когда тот гуляет.

Лаис укладывается в полминуты. Увы, но добавить к подробному рассказу Русланы ей нечего.

– Возможно ли, что убить пытались вас?

Девушка качает головой:

– Разве что если убийца совсем идиот. У нас были ну очень разные заказы. Если только подставить...

– Кто мог знать, что вы туда отправитесь?

Лаис понимает, что князь задаёт правильные и нужные вопросы, но быть в роли допрашиваемой ей категорически не нравится, возможно, поэтому рвётся с губ практически непереносимое и уж точно в непереносимом тоне:

– Ваши дружинники достаточно болтливы, так что, полагаю, кто угодно!

Добавлять, что она-то как раз никуда не собиралась, это Руслана упрашивала, Лаис не будет. Это никому не интересно и, наверное, совсем не важно.

Князь не отвечает, лишь бросает быстрый взгляд, но девушка понимает – её предупредили. Можно даже сказать, поставили на место, простив за дерзость на первый раз, ибо грешок за дружинниками и в самом деле водится. Но стоит, пожалуй, вспомнить, что князь Ирислав, какого бы мнения она ни была о его неразборчивости и некоторых других чертах характера, правитель огромного государства. И он вовсе не получил его в наследство, а создал сам из раздробленных и озлобленных осколков, что под силу вообще единицам, в то время как она сама – всего лишь один из послов, которых князь по своей воле отправляет под любым надуманным предлогом...

Извиняться вслух Лаис не стала, но к сведению приняла.

В таверне уже почти никого, давно закончил выступление Айвор-ветер, доели-допили и схлынули благодарные слушатели, и теперь разве что сам менестрель сидит за столиком в углу, безо всякого аппетита ковыряя что-то в глиняном горшочке, перебрасываясь редкими фразами с присевшим напротив хозяином.

Ирислав нарочно хлопает дверью.

– На пару слов, любезный.

Хозяин поспешно поднимается, кланяется без страха, но с почтением, и уводит высокопоставленного гостя на кухню. А Лаис остаётся. Она бы хотела с ними, ей и любопытно, и не очень-то комфортно под пристальным взглядом менестреля.

– Ты пришла за мной в тюрьму, – говорит Айвор-ветер после минуты молчания, неповторимо мелодичным голосом. Когда-то ей слышался в его голосе отголосок самой грозы. Та же свобода и сила. Теперь нет.

– Случайно проходила мимо, – нарочито небрежно пожимает плечами Лаис. – Осматривала достопримечательности.

Почему у большинства только две крайности: либо любовь, либо полное безразличие? Словно нет между красным и серым огромного количества других цветов.

– И пришла на моё выступление, – довольно шурит синие глаза мужчина.

Лаис лишь вздыхает. Борьба с чужими заблуждениями – дело крайне неблагоприятное, со своими бы справиться... И чего она не пошла за Ириславом, пусть и без приглашения?

Впрочем, может, так и лучше, а то с Айвора стало бы опять вломиться к ней в окно... или попасться усилившим бдительность дружинникам.

– Я буду ждать, – говорит ей в спину менестрель.

Лаис отмечает выразительно вздёрнутую бровь как раз вернувшегося князя, и ей почему-то хочется врезать обоим.

Ни подавальщицы, ни кухарки, ни хозяин не кажутся замешанными. Они напуганы, удивлены, растеряны, и всё это очень искренне, или же здесь подобрались сплошь первостатейные актёры, которые и самому Айвору фору дадут...

Никто ничего не делал, никто никого постороннего не видел, все работают уже не первый год, и всё было как обычно. Приготовили, поставили на стол вот здесь, при входе на кухню, через пару минут унесли. Лаис предпочла бы, чтобы кто-нибудь из стоящих сейчас перед ней людей бился в истерике и давал признательные показания под тяжёлым взглядом князя, потому что иначе ей надо подозревать если не себя, то кого-то из своих соотечественников. Альды как никто хороши в отводе глаз, ей ли не знать, и остаётся лишь уповать на то, что кто-то разжился изготовленным альдами амулетом... Конечно, есть ещё вариант ментального воздействия на кого-то из людей, но слишком мало времени было. Не успеть за полдня выбрать подходящую жертву, внушить, что надо, да ещё так, чтобы никто не заметил странности в поведении...

В таверну подтягиваются дружинники, забирают людей, чтобы проверить наличие магического воздействия, а также ещё раз опросить. Остаётся только лишь жена хозяина, и Лаис почему-то неприятно от того, что молодую женщину отсутствие мужа, кажется, не расстраивает, а

наоборот – обнадеживает. Они с князем ещё за порог не вышли, а она уже устремилась за стол к менестрелю, поправляя волосы и одёргивая платье, чтобы декольте было пониже...

– Что скажете, госпожа Аделаис? – спрашивает Ирислав, когда таверна остаётся далеко позади. Почему-то обратно они также идут пешком.

Госпожа Аделаис много чего может сказать, но это всё никак не годится в беседе между послом королевства альдов и Его Светлостью Верховным князем Шести княжеств.

– Это не я, – в итоге совершенно по-простому, очень искренне заверяет девушка. Да, посол из неё явно никудышный, но наводит тень из сложных формулировок, намёков и экивоков там, где предельная ясность в интересах обеих сторон, она не собирается.

– Да, думаю, не вы, – спокойно соглашается князь. – Но и Руслана вряд ли сама. Как я могу вас отблагодарить?

На мгновение Лаис кажется, что это хороший... ладно, не то чтобы хороший, но не такой уж плохой момент, чтобы получить-таки дозволение отправиться на небольшую экскурсию по княжествам, но стоит высказать просьбу, и тут же становится ясно – плохой момент, совсем плохой. Князь то ли и в самом деле преисполнившись благодарности, то ли, что более вероятно, одолеваемый подозрениями, не отказывает, но так, что лучше бы отказал:

– Почту за честь лично вас сопровождать, – заверяет Ирислав. – После приёма на следующей неделе. Вы ведь придёте на приём, госпожа Аделаис?

Девушка вздыхает. Когда она бралась за работу посла, то и представить не могла, насколько должно будет противоречить желаемому... Появиться на территории княжеств вместе с князем – хорошо. Для альдов хорошо. Приём... тоже, наверное, хорошо. Для альдов опять же. В целом. Теоретически.

Она вяло благодарит за честь, и дальше, до самой крепости, они идут молча. Отделаться от ощущения проигрыша, пусть и не явного, никак не выходит, и даже прохладный ночной воздух почему-то горчит.

– Что-то ещё? – спрашивает князь у ворот своего замка. Слишком самодовольно. Как будто он и в самом деле способен хоть что-то ей дать, кроме неприятностей. И стоит слишком близко.

Лаис чувствует, что её несёт волной накопившегося раздражения, но останавливаться не желает. Мнишь себя всемогущим, князь? Видать, собеседники у тебя без фантазии.

– Грозу! – просит она, бросив взгляд в безмятежно чистое небо, заполненное бесчисленным количеством звёзд.

Ирислав если и хочет что ответить, не успевает – к нему подходит какой-то дружинник с докладом, и девушка, пользуясь моментом, ускользает, обозначив поклон.

Наверное, не стоило дерзить, загадывая заведомо невозможное. Даже наверняка не стоило, но Лаис не жалеет.

Не жалеет, поднимаясь по узкой лестнице. Не жалеет, открывая дверь в свою комнату, умываясь и скидывая одежду...

И уж тем более не жалеет, застывая на полпути к постели, застигнутая вспышкой за окном и близким раскатом грома.

Гроза?

Откуда?

Как?!

Утром дождь продолжился: мелкий, морозящий, совершенно обычный. Лаис, стоя у открытого окна, задумчиво водит пальцами по мокрому подоконнику и в очередной раз повторяет самой себе, что в грозе не было ничего сверхъестественного, простое совпадение, ну и что с того, что погода переменилась за считанные минуты, мало ли, какой тут климат...

И вообще, совсем не это должно занимать её мысли, а потенциальная вовлечённость альдов в покушение на Руслана, или же чьё-то настойчивое желание представить дело именно так. Жаль, что вчера она не расспросила девушку подробнее – откуда та приехала, с кем об этом разговаривала, что за жених такой... Теперь же поди найди, куда князь спрятал девушку. И Лаис готова побиться об заклад – Ирислав госпожу посла к своей подопечной и близко не подпустит, пока всё не выяснит. Скверно...

Лаис накидывает плащ, отвод глаз и незаметной тенью идёт в город. Если в попытке отравления хотя бы косвенно замешаны альды, она должна выяснить это первой. И устранить все улики, свидетельствующие против её народа. Если понадобится, вместе с преступниками. И очень

плохо, что князь по сути запретил ей отлучаться из города... только под своим высочайшим присмотром.

Городские сплетни, подслушанные в разных местах, не приносят пользы, только раздражают. Говорят, что вчера отравили альдиху. Альдиху! Лаис едва не шипит на такое прозвище. Она же не называет человеческих женщин человекичами... В другом месте ещё хуже – говорят, что альды вероломно убили возлюбленную князя. В третьем – что в город пришла древняя магическая болезнь, и это кара предков за то, что князь пустил на землю княжеств альдов, и первой пала как раз его возлюбленная. Да, возлюбленная. Князь и помолвку потому заключать не стал – влюбился в другую. В четвёртом – что это ведунья князя его новую возлюбленную пыталась извести... В пятом – что в таверне отравились все-все посетители, и хозяина завтра четвертуют на главной площади, а его таверну и вовсе надобно сжечь, чтобы зараза не распространилась...

На крыльце дома, отведённого под посольство альдов, двое мальчишек. Один – уже знакомый ей паренёк из шкафа, другой – чуть постарше. Подростки явно сидят уже давно, порядком замёрзли и заскучали...

– Не придёт она, – говорит тот, что постарше.

– Придёт, – упрямо отзывается её знакомец из шкафа. – Точно придёт. Хочешь – проваливай, а я дождусь.

Первый не отвечает, но и не уходит.

Лаис собирается пройти мимо них незаметной и сначала посмотреть, навели ли они порядок, а уж потом решить, как с ними говорить и говорить ли вообще, но тут прибегает ещё один паренёк.

– Эй! – громко кричит он издалека, совершенно не заботясь о покое соседей. – Зря сидите. В тюрьме ваша альдянка!

– Врёшь! – изумлённо хором выдыхают пацаны.

Альдянка! – тихо шипит себе под нос девушка-альд. Ещё и в тюрьме. Час от часу не легче.

– И ничё не вру! Она князеву незаконнорожденную дочку вчера отравила, где ж ей ещё быть как не в тюрьме?!

– На крыльце своего дома? – мрачно рычит в ответ потерявшая терпение Лаис, хватая подбежавшего за шкуру и почти что закидывая внутрь дома. – Заходите! – скалитесь на двоих поджидавших. – Поговоррим!

В доме и в самом деле прибрано, пусть не очень умело, но старательно, а на подоконнике даже небольшой букетик из свежих васильков, так что Лаис быстро смягчается. Это просто дети, повторяющие сказанное взрослыми. А ещё – глядящие на неё настолько восторженно-испуганными глазами, что она чувствует себя одновременно удавом и павлином перед тремя цыплятами.

– Я никого не травила, – наконец, нарушает она тишину. – И мне нужна помощь.

Глава 6

Мысли князя никак не хотели успокаиваться и переходить к насущным, пусть скучноватым, но нужным делам. Так и норовили подсунуть какого-нибудь альда. Вернее, одного, весьма конкретного, зеленоглазого посла этих самых альдов. Знай Ирислав, что систематическая высылка послов-мужчин обернётся для него таким наваждением, десять раз бы подумал перед тем как объявлять очередному, недоумённо шурящему хищные глаза альду, что он отныне – нежелательный гость в княжествах.

Лаис... нравилась. Как же она нравилась, и как к ней тянуло! И как сложно стало доверять самому себе. Вот кажется, что в покушении на Руслану Аделаис не замешана никак, наоборот – спасла, помогла, сохранила... а поди разбери, не наваждение ли это в нём говорит.

Выпендривается же он перед ней как мальчишка, забыв об осторожности и вообще обо всём. А это совсем не то, что может себе позволить правитель. Взвзявшись вести куда-то людей, ты уже не принадлежишь себе так, как раньше...

Ирислав, стыдно признаться, даже попросил Василину проверить его на наличие приворота, хоть и знал, что не может на него подействовать приворот, в какую форму ни облеку, но... мало

ли что умеют эти загадочные альды. Ведьма приворот не нашла, но отворотное зелье на всякий случай сварила, а князь на всякий же случай выпил. И что ожидаемо – не помогло.

Лаис... раздражала. Своей независимостью. Невозмутимостью. Радумием, за которым угадывалась каменная стена. Бескомпромиссностью. Бесстрашием.

Лаис восхищала. Ровно тем же самым.

Идеальная женщина, с единственным громадным недостатком – альд. Равнодушный к нему, Ириславу, альд.

Следствие по покушению на Руслану рассматривает три основных версии. Первая – это как-то связано с пропажей жениха девушки – Яромира. Его так и не нашли пока, но досье собрали – надо изучить. Вторая версия – провокация против альдов. Ириславу она видится самой вероятной. Третья... почти фантастическая, с его точки зрения. Что кто-то увидел в Руслане претендентку на освободившееся место невесты Его Светлости, и поспешил устранить, чтобы расчистить дорогу то ли себе, то ли дочери, то ли сестре...

Ирислав вздыхает, открывая досье на Яромира. Чужие дети растут быстро, особенно когда видишь их пару раз в год максимум, и князю, который помнил Руслану ещё подростком, не по душе сама мысль, что у девочки уже есть жених. Ещё и мутный такой. Мутный-мутный. Это точно. Был бы не мутный, не пропал бы! И неважно, что досье рисует кристально-чистого, прозрачного, в высшей степени позитивного молодого человека. Это лишь первый слой, не успели ещё копнуть глубже и найти что-то действительно стоящее, всё ещё впереди.

Следующая бумага – отчёт о передвижениях госпожи Аделаис. Вернее, это должен быть отчёт о её передвижениях, но кроме «покинула дом» и «вернулась в дом» там ничего и нет... более того, госпожа посол явно издевается. Иначе как объяснить, что в один день она только покидает дом, в который переехала на следующий день после грозы, раз пять-шесть подряд, а в другой – только заходит. Тоже неоднократно. Впрочем, это его город, и есть ещё ряд других источников, благодаря которым князь прекрасно осведомлён, где шастает, что выпрашивает и разыскивает госпожа посол.

Разумеется, дозволением присутствовать на завтраке она так и не воспользовалась... может быть, стоит попробовать ещё раз ужин? Тем более что у него есть, что обсудить.

Лаис открывает моментально, и также молниеносно обозначает поклон. Ни секунды заминки, никакого промедления или неудовольствия, но князь понимает – не ждала, что понятно, и не очень-то рада, что уже как минимум досадно. Хоть и тоже понятно.

– Госпожа Аделаис, – в свою очередь склоняет голову Ирислав. – Впустите?

На подоконнике красуются пять букетов, что заставляет удивляться – ведь Аделаис живёт тут всего три дня. Букеты разные, очень разные. Вот этот, вероятно, от менестреля – дорогие, редкие цветы, остальные... кто их разберёт? Но он, Ирислав, пожалуй, цветы ей дарить не будет.

– Чем могу быть полезна, Ваша Светлость?

Ирислав переводит взгляд на хозяйку дома. Ему всё кажется, что он в воспоминаниях приукрасил её, идеализировал, но стоит встретиться в реальности, и понимаешь, что воспоминания – блёклая копия... И ведь не скажешь ей в ответ на провокационный – а ему все почти слова из её уст кажутся провокационными – вопрос: «Поцелуйте меня, госпожа Аделаис. Поцелуйте, и я забуду, что из покушения на Руслану торчит жирный альдов след, я вообще всё забуду, как потерявший голову идиот!». Она-то, может, и поцелует, но как потом предателем жить?

– Лаис, – князь без приглашения усаживается в широкое жёсткое кресло. – Расскажите мне об отводе глаз, который используют альды.

– Что именно вы хотите узнать, Ваша Светлость?

В нескольких шагах напротив – такое же кресло, но Лаис садится на подлокотник к нему. Так близко, что у Ирислава кружится голова. Дразнит. Отвлекает.

– Всё, – отзывается он, поднимая взгляд от заманчивого декольте, расположившегося как раз на уровне глаз. Он прекрасно помнит, что там под рубашкой, и его бросает в жар.

– Это небольшой сдвиг во времени и искривление пространства, – сообщает Лаис известные всем факты. И улыбается так, что хоть беги, спасай остатки здравого смысла, пока ещё есть, что спасать.

– Его надо накладывать лично или можно сделать амулет? – Ирислав знает ответ на этот вопрос, но хочет послушать, что скажет госпожа посол.

– Ваша Светлость, к чему вы клоните? – изогнутая бровь. Чуть изогнутые в улыбке губы. Искушение. Даже, пожалуй, испытание. Чёртовы альды прислали не туза, джокера.

– Лаис, – зеркалит полуулыбку князь. – А давайте прямо и честно?

– А разве в политике так принято? – мягко откликается девушка, чуть склоняя голову набок.

– Нет, – соглашается Ирислав, не в силах отвести взгляд от изумрудных глаз. – Но какое это имеет значение?

– Как показала регулярная высылка других послов – значение очень даже большое! – укоризненно-насмешливо щурится Лаис.

– Вас я не вышлю, – легко заверяет князь. Ему, признаться честно, хочется сказать «не отпускаю». И огня в его голосе проскальзывает куда больше, чем позволяют приличия. Впрочем, о каких приличиях может идти речь, когда Лаис сама села так близко? Поднять бы руку, прикоснуться, притянуть к себе, целовать-целовать-целовать... Князь сжимает руку в кулак.

– Благодарю, Ваша Светлость, – полуулыбка и демонстрация шикарных ресниц. Ирислав знает, что она просто потупила взгляд, обозначая поклон, который исполнила бы будь их встреча хотя бы полуофициальной, но его тело сходит от этого мимолётного взгляда с ума. Он молча кивает, не позволив себе скользнуть по ней ответным взглядом.

– Амулет возможен, – наконец, произносит девушка. – Я пытаюсь купить подобный, чтобы выяснить, кто мог его изготовить.

– Успешно? – хрипло спрашивает князь.

Теперь Лаис смотрит серьёзно, оставив поддразнивания и провокации, но Ириславу от этого почему-то ничуть не легче. Она ведь сидит всё так же близко, а в её глазах – вся бесконечность мира.

– Возможно, завтра вечером что-то будет, – лгут самые совершенные на свете губы. Ирислав молча вытаскивает из кармана амулет и протягивает ей на раскрытой ладони. Его должны были доставить Лаис сегодня, вот как раз примерно сейчас. Впрочем, он не может её винить, что она пыталась оставить себе время на самостоятельное изучение. Или что она не была уверена в надёжности доставки... Чёрт, да он, кажется, вообще ни в чём винить её не может! Сам же уже и оправдал, не успев даже осудить.

Вместо того чтобы взять амулет, пусть и соприкоснувшись мимолётно пальцами, она берёт его руку. Накрывает своей ладонью сверху, и Ирислав задерживает дыхание. Дразнится альдов посол. Ну, пусть дразнится.

– Нет, – говорит вдруг Лаис, отпуская его ладонь. – Так ничего не понимаю. Можно я его активирую?

Князь молча кивает. Девушка берёт амулет с его руки и исчезает, а Ирислав меланхолично изучает цветы на подоконнике. Всё-таки все от менестреля? Или госпожа Аделаис обзавелась ещё поклонниками? И раз уж посла альдов он высылать не собирается, не следует ли выслать хотя бы господина менестреля? А то Айвор-ветер, кажется, загостился. Обычно не больше пары дней в каждом городе, а тут уже скоро неделя будет...

– Он на крови, – говорит Лаис, присаживаясь на другой подлокотник. – Так делали раньше, чтобы закрепить магию. Сейчас есть специальные зелья, никто не тратит свою кровь на такое. Тем более что по крови найти мастера куда проще, чем по следам силы...

– Найдёшь? – спрашивает Ирислав. До её губ всего ничего... До её губ целая бездна из долга и здравого смысла.

– Возможно, получится узнать приблизительное направление и очень уж приблизительное расстояние... – Лаис замолкает, вопросительно глядя на него. Хочет поставить условие, и он даже знает какое.

Князь поднимает бровь, призывая продолжать.

– Если это не на территории Шести княжеств, то вы позволите нам самим разобраться, – на одном дыхании выдаёт девушка. Вздыхает, видимо, осознав, что это звучит слишком похоже на nepозволительный ультиматум, и добавляет шёпотом: – Пожалуйста!

У князя есть все права не согласиться и попробовать влезть в альдовы секреты, коих у них не мало. И есть всего пара причин, чтобы это принять. Она спасла ему жизнь. Ему и Руслане. Качество куда важнее количества...

– Да, – говорит он.

Ему давно пора. Ещё с десяток важных неотложных писем лежит на его столе, а солнце уже почти зашло за горизонт, и в гостиной горит тёплый магический свет, но он сидит и смотрит, как госпожа посол колдует над картой, и ему не хочется никуда идти, и даже мучительное, сжигающее желание кажется лучше и ценнее разрядки с той же Василиной или кем-либо ещё. У Лаис чёрные шёлковые волосы и идеальная смуглая кожа. Князь мог бы смотреть на неё бесконечно, но с определённого момента он смотрит только на карту, не желая пропустить ни секунды. Альды куда быстрее людей, и как бы ни хотелось ему верить Аделаис, у него нет на это никакого права.

– Шестое, – изумлённо выдыхает он. И, кажется, Лаис шепчет то же самое.

Маячок, висящий над картой, ведёт себя странно. То падает, то поднимается, то снова падает... возможно, у Лаис недостаточно сил. Или крови на амулете слишком мало... но Шестое княжество определённо стоит посетить, тем более что он и так собирался.

– Увижу Вас послезавтра на приёме, – Ирислав поднимается из кресла. Всё-таки пора и честь знать.

На крыльце очередной букет. Князь перешагивает через него, оборачивается к хозяйке дома. Хочется сказать какую-то банальность, что-то из того, что обычно несут очарованные мужчины. Что он рад, что выслал всех остальных посланцев, или что если так пойдёт, то он введёт дополнительный налог на цветы и обогатится, что он берёт обратно своё дозволение присутствовать на завтраке и просит её оказать ему честь...

– Благодарю за содействие, госпожа Аделаис, – говорит князь. – Хорошего вечера.

И уходит, не дожидаясь ответа.

Глава 7

На приём Лаис вопреки своему обыкновению надела платье. Нельзя было не надеть. Пусть и считается допустимым для женщин носить штаны, но официальная одежда всё-таки только платье. Прийти в штанах на приём – показать презрение к обычаям людей, и это, разумеется, совершенно недопустимо для посла. Лаис старалась, всё ещё очень старалась быть хорошим послом.

Платье было тёмно-зелёное, строгое, с едва видимым узором. Никакого декольте, никаких рюшечек, никаких драгоценностей. Воротник-стойка. Длинные рукава. Ни намёка на доступность или фривольность. Старомодное, мрачноватое.

Но Лаис оно шло. Очень. Это без труда читалось в ображённых на неё взглядах. И в одном-единственном, очень долгим и тёмным взгляде Его Светлости в том числе.

Аделаис обменялась приветствиями с другими посланцами, обзавелась парой знакомств, раскланялась издалека с принцем Королевства Син Александром... и заскучала.

Можно, даже нужно, наверное, было бы присоединиться к одной из оживлённо беседовавших групп, тем более, что почти из каждой один-два человека бросали на неё разной степени заинтересованности взгляды, но не хотелось. Слишком сильно не хотелось. Лаис вообще приёмы не любила. Пустые разговоры, неискренние улыбки, жеманные танцы... Уйти бы, но рано, слишком рано...

– Госпожа Аделаис... – довольной и немного пьяной кошкой мурлычет Василина, слегка размахивая бокалом с розовым вином. – Позвольте выразить вам своё восхищение!

Разумеется, никаким восхищением от тона придворной ведьмы и близко не веет. Лаис не стала бы отвечать, но ведь этикет... чтоб его.

– Госпожа ведунья? – неохотно отзывается девушка-альд.

– Ваше платье... У моей бабушки... а, нет, прабабушки было точно такое же! Как вам удалось так его сохранить?

Лаис прищуривается и лениво скользит взглядом по платью собеседницы.

– Жаль, что вкус не всегда передаётся по наследству, – выносит она вердикт.

Василина одета по самой последней моде – глубокое декольте, обилие воланов, нежно-розовый цвет... на взгляд Лаис, платье стирает яркую красоту ведуньи, превращая её из интересной женщины в молодящуюся посредственность.

А уже выпитое, по всей видимости, вино туманит разум, не позволяя женщине остановиться.

– А ваша преданность своей стране! – продолжает она. – Не каждая женщина поставит долг выше достоинства, морали, чести... Или вас именно для этого и отправили... Лаис?
Девушка-альд вздыхает. Беда с этими человеческими женщинами. Привыкли к полной безнаказанности за свои слова, разве что вцепится одна другой в волосы, но если это сделает Лаис, Василина может в прямом смысле остаться без волос... а на нормальный бой не вызовешь. Не принято...

– Простите, госпожа ведунья, мне пора, – холодно роняет Лаис. – Меня ждут.

Вообще, девушка имеет в виду принца Александра. Не то чтобы тот и в самом деле её ждал, но его долгие взгляды вполне можно истолковать как приглашение к разговору. Тем более что Королевство Син – самое дружелюбное к альдам... Но Василина понимает по-своему.

– Даже не мечтай, что это что-то изменит, – шипит она. – У него десятки женщин, но каждый раз он возвращается ко мне!

Лаис молча отворачивается и делает шаг прочь. Нетрезвая ведунья не унимается.

– Госпожа посол!

Девушка оборачивается, уже понимая, что за этим последует. И верно – розовое вино, беспокойно колыхавшееся в бокале весь недолгий разговор, теперь летит ей в лицо. Лаис могла бы уклониться. Могла бы замедлить время и собрать всё обратно. Могла бы даже отправить всю жидкость в лицо самой ведьме...

Она не делает ничего. Застывает неподвижно, позволяя холодным липким каплям стекать по лицу и за воротник.

Вокруг становится очень тихо. Госпожа посол, несмотря на противные капли, с удовольствием наблюдает, как бледнеет ведунья, стремительно трезвея и понимая, что это не просто скандал в высшем обществе отдельно взятого княжества, это конфликт на уровне двух государств.

Ситуация чертовски неприятная для Аделаис, но весьма многообещающая для королевства альдов. Если князь Ирислав не хочет войны, ему придётся пойти на какие-то уступки.

Лаис медлит, разглядывая ведунью, всего одну секунду. Как раз, чтобы все осознали произошедшее, а затем молча, быстрым шагом покидает зал. Стук каблуков в полной тишине, робкая, отчаянная попытка Василины что-то исправить – «меня толкнули», холодное и даже радостное возражение от Александра – «Вино толкнуло? Больше я никого рядом с вами не видел»... Нет, что ни говори, для альдов всё это – большая удача, особенно на фоне следа в покушении на Руслану... а что при этом чувствует сама Лаис? Да какая, к чёрту, разница! Взвзвись представлять кого-то, ты уже не принадлежишь себе так же, как раньше.

Она собирается покинуть не только этот дурацкий приём, но и негостеприимную страну, у неё почти нет вещей, всего и сборов-то – переодеться в походное, выбросить цветы и вылить воду из ваз, однако, видимо, возится она слишком долго.

– Впустишь?

Князь снова на её крыльце. Тёмно-серебристый камзол намок под моросящим дождём и в ночи кажется и вовсе чёрным. Как и глаза.

Лаис выпускает. Отчего бы не впустить? Альдово посольство закрыто, вещи собраны, дом возвращается к князю. Жаль, что она так и не справилась с казалась бы простым наказом короля – продержаться хотя бы месяц, но всё повернулось не так уж и плохо. В целом для альдов.

– Не уезжай, – говорит Ирислав. – Это глупое недоразумение, не более.

Лаис молча кланяется и спускается по ступенькам крыльца.

– Разрешение на пребывание на территории Шести княжеств для шести альдов одновременно, – говорит князь ей в спину. Предложение щедрое... но недостаточно. – Десять, – исправляется князь. Аделаис останавливается. – И посольство Шести княжеств у альдов.

Лаис идёт обратно. Как не пойти?

– Официальные извинения завтра утром, – продолжает Ирислав.

– Благодарю, Ваша Светлость, – отзывается девушка. – Однако я не уверена, что новый посол успеет прибыть так скоро, – она останавливается около ступеней. – Может быть, через три дня?

– Другой посол? Мне не нужен другой посол, – веско роняет князь, прищуривается и делает один шаг вниз. – Я обещаю, что никто кроме тебя не продержится тут и трёх дней.

Девушка-альд молча качает головой. Официальные извинения от лица князя и прочие уступки сполна компенсируют обиду, нанесённую королевству альдов, но имеют мало что общего с обидой, нанесённой лично ей. Остаться? Немыслимо.

– Лаис, – князь усаживается на ступеньку и теперь смотрит на неё снизу вверх. Кажется, это совершенно не предусмотрено этикетом, да и тон Ирислава весьма далёк от официального. – Я не буду наказывать Василину. Все совершают ошибки, и это – первый раз за много лет, когда она меня подвела. Она – мой человек, мой друг, и я обязан ей очень многим. Произошедшее – целиком и полностью моя вина. Хочешь взыскать – с меня и взыщи. Итак, какой платы требует легендарная мстительность альдов?

Лаис не знает. Легендарная мстительность почему-то предательски молчит. Девушка проводит рукой по лбу и волосам, смахивая капли дождя и заверяет:

– Я не буду мстить вашей женщине за этот случай, князь, не тревожьтесь.

– Моей ведунье, – уточняет князь.

– Кем бы она ни была, – упрямо отзывается Лаис. Надо поклониться и уходить, но взгляд Ирислава удерживает словно цепь, которую не разорвать. Промокший князь выглядит вопреки всему не жалко, а невысказанно красиво. Возможно, всё дело в силе и благородстве? Пожертвуй князь Василиной, и Лаис бы уже давно ушла, отомщённая и разочарованная. Но Ирислав верен себе и своим людям, и это делает его неотразимым.

– Я тоже делаю ошибки, – говорит Ирислав. – Пытаюсь их исправить. Что нужно, чтобы ты осталась?

Лаис делает шаг наверх и присаживается на ту же ступеньку. Очень рядом, но всё-таки не вплотную. Почему-то ей и самой вдруг очень хочется остаться. Вернее, она даже знает почему, но это глупо и странно.

Если Лаис не уедет, молва точно ославит её княжеской любовницей, впрочем... если уедет – тоже. Только ещё и изгнанной.

– Официальных извинений завтра утром будет вполне достаточно, Ваша Светлость, – чуть улыбается девушка. Братъ стоит всегда чуть меньше, чем дают, и тогда в следующей раз предложат ещё больше.

Ирислав благодарно сжимает её руку, буквально на секунду, и встаёт.

– Хорошей ночи, Аделаис.

– До завтра, Ваша Светлость.

Князь уходит, и на смену ему почти сразу приходит гроза. Настоящая, летняя. Сильная и тёплая. И словно бы специально для неё, Лаис, созданная, каким бы невозможным это ни казалось.

На этот раз Лаис, не удержавшись, идёт за грозой. Выскальзывает незаметной тенью за ворота, скидывает промокшую насквозь одежду в небольшой, невысокой роще, и, захлёбываясь от восторга, носится по холмам за молниями. Гроза выматывает и успокаивает. Смывает неприятный осадок и невнятное беспокойство.

Нет, она уверена, что всё сделала правильно. Не отказывают правителю большой страны в такой мелочи как один конкретный посол, особенно в обмен на значительные уступки. Беспокоит другое – князь слишком хорош. Силён. Слишком благороден. Красив, и даже борода его не портит. Опять же эти грозы как по заказу... Лаис заинтригована. Больше того – очарована. И это вызов, который она не имеет права принять. И неважно, насколько ей этого хочется...

Гроза длится долго, затихает лишь под утро, за полчаса до рассвета. Лаис устало бредёт домой. Всего пара часов, чтобы поспать, ведь завтрак у князя довольно рано, и надо ещё одеться, как полагается...

В доме гость. Наглый. Бесцеремонный. Зажёг свет, затопил камин... подогрел пряное вино. Протягивает Лаис халат, словно бы он тут хозяин, словно бы есть у него право тут вообще быть. Лаис устала. Она молча скидывает мокрую одежду прямо в дверях, не обращая внимания на резкий выдох и моментально темнеющие глаза гостя. Закутывается в халат, босиком идёт к креслу перед камином, забирается с ногами. Вопросительно поднимает бровь. В конце концов, это пока что её дом. А Айвор смотрит так, что понятно – сейчас что-нибудь этакое выскажет... на что совершенно не имеет права.

– Стоит оно того? – выплёвывает мужчина. – Правда стоит?

Лаис молча поднимает вторую бровь. Нет ничего глупее, чем состязаться в словесном мастерстве с менестрелем. Впрочем, Айвор, кажется, слишком сильно уязвлён и обыгрывает сам себя.

– Место в постели князя стоит того, чтобы терпеть оскорбления от его бывшей любовницы? – мужчина усаживается в другое кресло.
Лаис могла бы его выгнать. Могла бы ему врезать. Могла просто промолчать... она делает глоток идеально-горячего вина и язвит в ответ.
– Это сцена ревности? Или просто истерика?
– Недоумение, – цедит мужчина, обжигая взглядом ярко-синих глаз. – Та Лаис, которую я знал... та, которую любил, ни секунды не осталась бы в княжествах. Ты же сидишь тут как ни в чём не бывало! Чего ради, Аделаис?
– Твоё ли это дело? – девушка чуть склоняет голову набок.
– Моё, – уверенно отзывается менестрель. Лаис отстранённо его рассматривает. Айвор-ветер не зря сводит с ума десятки девушек в любом месте, где только появляется. Длинные золотистые волосы, пронзительно-синие глаза... Красив. Но увы, уже совершенно безразличен. Айвор порывисто вскакивает из кресла, в два шага оказывается рядом с ней, склоняется, хватая за плечи. Кажется, даже хочет встряхнуть.
– Я уезжаю, – говорит мужчина. – Лаис... поехали со мной!
– Мне есть куда податься, если я всё-таки решу уехать, – мягко отзывается девушка-альд. – Спасибо. Звонкой дороги, Айвор-ветер.
Отказ – прямее не бывает. Но мужчина всё равно отчего-то медлит несколько секунд, Лаис молчит и даже не думает смущаться под пристальным взглядом. Наконец, он выпрямляется, отступает.
– Прощай, Разящая.
Лаис раздражённо передёргивает плечами, прожигая взглядом хлопнувшую дверь. Вот уж действительно: мастер слова, чтоб его! Разящими звали альдов во времена Кровавой империи, во времена, которые и вспомнить, и забыть – одинаковый позор. Разящая – синоним жестокости и беспринципности...
Девушка вздыхает. Когда всё делаешь правильно, разве может быть на душе настолько скверно?..
Князь держит слово. Официальные извинения принесены, уступки документально зафиксированы и вот-вот будут направлены королю альдов, и всё бы ничего, если бы не отстранённо-ледяной взгляд. И просьба уделить ему пять минут после завтрака высказанная настолько отличающимся от взгляда тоном, что становится понятно – дело плохо, очень и очень плохо...
Лаис идёт за князем в кабинет, запрещая себе гадать, что произошло. Без толку.
Ирислав подвигает ей кресло, но сам остаётся стоять, так что Лаис кресло игнорирует и тоже стоит. Ну?..
– Вы удовлетворены, госпожа Аделаис? – спрашивает князь. – Или требуется что-то ещё?
– Если вы про извинения, Ваша Светлость, то я полностью удовлетворена, – легко врёт девушка, изящно склоняя голову. – Благодарю.
– Тогда, – взгляд князя становится ещё тяжелее, – может быть, вы согласитесь ответить на один простой вопрос?
– Разумеется, Ваша Светлость, – моментально и очень любезно соглашается Лаис. Вот ведь засада! – Всё, что в моих силах.
– Где вы были этой ночью? – бестактно интересуется князь.
Девушка выразительно поднимает левую бровь и отвечает прямым и тоже не самым лёгким взглядом.
– Гуляла за городом. Потом была дома. Никого не ограбила, никого не убила, Ваша Светлость. А в чём, собственно, дело?
Ей кажется, что глаза князя чуть теплеют, и он вот-вот расскажет, что за переполох, но тут в дверь нерешительно стучат. Затем стучат решительнее, а потом появляется голова немного растерянного дружинника, который не успеваает ничего сказать – отстранив его, в кабинет врывается Айвор-ветер и громко заявляет с порога:
– Ночью она была со мной, даю слово!

Смерив нагло вторгшегося менестреля неприязненным взглядом, князь цедит сквозь сжатые зубы:

– Я слышал, вы решили покинуть наши края!

– Эти слухи преждевременны! И преувеличены! – с вызовом огрызается Айвор-ветер, направляясь к Аделаис. Впрочем, какой он, к ведьмам, ветер? Банный лист...

– Не думаю, – отрезает Ирислав, бросая недобрый взгляд на замерших в дверях дружинников. На этот раз они всё понимают правильно и действуют оперативно – подхватывают обнаглевшего господина под руки и выдворяют из кабинета, вполне удачно врезав ему под дых и лишив тем самым возможности высказаться.

Князь переводит взгляд на девушку. Аделаис невозмутима и спокойна. Ни слова, ни жеста, ни мимолётной тени на лице, которые подсказали ли бы, что госпожа посол обо всём этом думает. Она правда была с ним? Она. Была. С ним.

– Итак, – говорит князь, стараясь не рычать. – Вы были ночью с господином Айвором.

– Часть ночи, – отзывается девушка. Словно нет в этом ничего такого, и, наверное, его и правда нет, но сердце князя говорит совсем другое.

– Какую именно часть? – сварливо спрашивает Ирислав, чувствуя, как хрупкое внешнее спокойствие трескается, не выдерживая поднимающейся изнутри тьмы.

– Простите, Ваша Светлость, – Лаис зачем-то делает шаг к нему. Хотя любой разумный человек сделал бы шесть-семь шагов назад. – Кажется, вы забыли предъявить мне обвинение!

– Обвинение?! – шипит князь, тоже делая шаг. Это издёвка. Госпожа посол не может не понимать, что это невозможно, это выставит Ирислава, а значит и все Шесть княжеств посмешищем – обвинить Аделаис в убийстве через полчаса после официальных прилюдных извинений и заверений в дружеских намерениях. – А вы хотите сделать признание, госпожа Аделаиссс?

– Нет, я хочу поинтересоваться, какого чёрта вы меня допрашиваете! – Ещё шаг, и теперь она стоит близко-близко, и в недовольно прищуренных изумрудных глазах читается вызов.

– Это не допрос, госпожа Аделаис. Пока нет! – огрызается в ответ князь. – У вас ведь такое... алиби!

Посмешище так посмешище, плевать. И больше никаких альдов на расстоянии пушечного выстрела от границ его княжеств...

– Я была в обществе господина Айвора ровно девять минут и пятьдесят секунд, на рассвете, – говорит Лаис. – После чего он покинул мой дом и более не возвращался. Мне теперь проследовать в тюрьму, Ваша Светлость? Ведь алиби у меня нет.

– Нет, – выдыхает князь, чувствуя облегчение, за которое сам себя люто ненавидит. – Нет. Надо рассказать ей в чём дело, но для этого надо успокоиться. А чтобы унять, утихомирить бешено стучащее сердце и кипящую от желания кровь, надо сделать шаг назад. Десять шагов назад. Закрывать глаза на много-много секунд, хотя от этого прискорбно мало толку – как выглядит Аделаис, забыть невозможно... и всё-таки, хотя бы отойти...

Но Лаис стоит вплотную. И Ирислав, вместо того чтобы благоразумно отступить, подаётся вперёд и совершает преступление против своего народа и против своей совести.

Кажется, она отпрянула почти мгновенно. И ту единственную секунду, что он её целовал, можно и нужно отнести на растерянность и замешательство. Но верховный князь Шести княжеств безнадежно пропал – ему мерещится, что в ту самую секунду она отозвалась, ответила... и только потом отошла.

– Дайте угадаю, – Лаис идёт вдоль стены его кабинета, рассматривая стеллажи. Как будто бы идеальное зрение альда не позволило ей рассмотреть всё издалека. – Василину убили, и вы думаете, что это – я. Я! Несмотря на то, что я дала вам слово её не трогать!

– К счастью, всего лишь пытались убить, – говорит Ирислав. – Не убили по счастливой случайности. И да, я вынужден допустить, что это сделал кто-то из альдов.

– Пытались убить?! – возмущённо шипит девушка. – Всего лишь пытались?! Ваша... Светлость, вы меня оскорбляете!

– Я сказал «кто-то из альдов», – поправляет князь. И почему-то его тянет улыбаться. Совершенно неподходящий момент, да и вообще, не тот случай, но Лаис одним своим присутствием, каждым движением, словом, своим искренним возмущением разрушает казалось бы логичную версию о неудавшейся мести альдов за оскорбление.

– Кто-то! – с раздражением повторяет Лаис. – Насколько мне известно, я – единственный альд на территории Шести княжеств в настоящий момент. И что, кроме альдов в моём лице, в этом городе никто не умеет держать оружие? – девушка останавливается у окна, раздражённо хлопает ладонью по подоконнику.

Ирислав подходит к девушке, молча протягивает кинжал альдовой работы.

Лаис берётся за лезвие, задумчиво вертит в руках, а затем устремляет на князя вызывающий взгляд:

– Я не знаю, чей он. Но если бы Василину хотел убить альд, поверьте, у вас бы не было ни одного свидетеля. И Василины бы тоже не было.

– Верю, – медленно кивает Ирислав. Он и в самом деле верит.

– Что-то ещё? – выгибает бровь Лаис, возвращая оружие. Князь забирает, откладывает на подоконник.

– Мне не стоило вас целовать, – говорит он.

– Не стоило, – спокойно и, кажется, чуточку насмешливо соглашается Лаис.

– Пообедайте со мной? – почти против собственной воли просит князь.

– С вами и с Василиной с удовольствием пообедаю, – обворожительно улыбается девушка. В самом деле обворожительно. И при этом очень жёстко. Непонятно, как ей удаётся это совмещать.

– Не думаю, что это хорошая идея, – задумчиво изрекает Ирислав. Хотя, честно признаться, и ничего плохого в этой идее он не видит, просто госпожа посол просит невозможного.

– Замечательная идея! – заверяет его Лаис и не удерживается, добавляет. – Разумеется, если нападение не было инсценировано самой госпожой Василиной.

Ирислав усмехается в бороду. Качает головой:

– Я велел ей покинуть город. Так что, боюсь, в ближайшие дни никак не получится.

– Как жаль, – отстранённо замечает Лаис, не добавляя, но подразумевая, что с ним одним обедать не будет.

– Очень жаль, – соглашается князь, не в силах отвести взгляд, хоть и чувствует, что опасно близко снова к поцелуям. Изумрудные глаза не отпускают, держат сильнее любого магнита...

– Мне всё ещё можно посетить Шестое княжество, Ваша Светлость? – спрашивает Аделаис, и Ирислав чувствует себя одновременно и счастливым, и проклятым – ему мерещится, что глаза её темнеют, мерещится, что голос её немного, самую малость дрогнул... Впрочем, возможно, госпожа посол просто снова с ним играет.

– Безусловно. И, как и говорил, буду рад вас сопровождать, – заверяет мужчина. – Завтра утром?

– Завтра утром, – сухо кивает девушка-альд. – Благодарю.

Ирислав отворачивается, показывая, что аудиенция окончена. А на самом деле – потому что совсем не уверен, что продержится ещё хотя бы пару секунд, чтобы не начать её целовать... Девушка-искушение уходит, и князь, позволив себе всего несколько секунд подумать о ней, возвращается к делам. Впрочем, ненадолго.

– Дядя Ирислав!.. То есть... Ваша Светлость... – в его кабинет порывисто влетает Руслана.

Потом натывается взглядом на стол, на кресло, в котором сидела не так давно, невольно подслушивая... девушка тут же краснеет и опускает глаза, начинает запинаться.

Князь с досадой вздыхает. Он, видимо, уже не в том возрасте, когда стеснительность умиляет.

Или же всё дело в одной бесстыжей альдовой бестии...

– Можно мне увидаться... – начинает девушка, всё так же не решаясь поднять глаза. И замолкает, уставившись на что-то на его столе. Ирислав не сразу понимает на что – честно признаться, на его столе чего только нет, одних писем сотни...

– ... с Лаис, – по инерции заканчивает девушка, явно переключившаяся на другое. И показывает на альдов амулет дрожащей рукой. – Я видела такой же у Яромира. Это... его?

– Нет, – медленно говорит Ирислав. И на второй вопрос тоже: – Нет.

Неизвестно, во сколько обычно начинается утро у альдов, но у Аделаис оно в этот раз с подачи князя началось почти сразу после заката.

– Утро – это когда встаёт солнце, а не когда оно садится! – немного недовольно буркнула госпожа посол, открывая дверь потайного хода и пропуская гостя внутрь дома. Чуть морщится, поняв, что получилось совсем уж неуважительно. – Простите, Ваша Светлость...

Лаис спала или собиралась спать – на ней только тонкая рубашка, может, не такая уж и прозрачная, но Ириславу, которого от одного её имени скручивает от желания, более чем достаточно. Да и потайной ход ведёт прямо в спальню.

– Боялся, что меня опередит какой-нибудь менестрель! – не остаётся князь в долгу. – Сколько времени вам нужно на сборы?

– Минута, – отзывается Лаис, – если вы отвернётесь. И минут пять, если нет!

– Я сделаю, как скажете! – обещает князь.

Девушка пожимает плечами и начинает переодеваться. Ирислав не отворачивается, но зажимается.

– Где ваша борода? – интересуется Аделаис откуда-то справа.

– Не говорите, что она вам нравилась, – отзывается он.

– Нет, – лёгкий смех уже с другой стороны. – Не нравилась.

Через пару секунд Лаис, судя по голосу, стоит уже прямо перед ним.

– Не слишком ли вы мне доверяете, Ваша Светлость? Столько времени с закрытыми глазами...

– В некоторых вопросах я доверяю вам больше, чем себе, – со вздохом признаётся князь.

– Возможно, зря? – говорит девушка, и Ирислав открывает глаза.

Нет, она вовсе не планирует его убить, но стоит очень близко, кажется, стала ещё ближе на полшага. Поднимает руку – лёгкое, почти невесомое прикосновение к гладко выбритой щеке.

– Определённо не нравилась, – подтверждает девушка.

– Только ради этого стоило её сбрить, – тихо отзывается князь, боясь пошевелиться и спугнуть. И назло самому себе тут же предлагает. – Едем?

Лаис удивительна. Она беспрекословно покидает свой дом с лёгкой сумкой на ночь глядя, и только уже оказавшись верхом – князь привёл для неё бывшего своего коня – интересуется:

– А куда мы едем?

– Мы? Пока никуда. Князь Ирислав и госпожа Аделаис только завтра утром крайне неспешно направятся в Шестое княжество.

– А пока мы очень спешно туда не направляемся? – усмехается девушка. Кажется, идея ей по душе.

– Вы не думали сменить работу? – вроде бы шутя интересуется Ирислав, но если она вдруг скажет «да», готов принять все условия. Все разумные условия.

– Нет, – мягко отзывается Лаис. И уже перед самым выездом из города, где накрыла их отводом глаз – Ирислав не просил, у него и бумаги заготовлены на обычных горожан, и даже объяснение закрытого лица спутницы – спрашивает вполне серьёзно. – А вы?

Глава 9

За городом они сразу переводят коней в рысь, и все разговоры приходится отложить. Вообще, Лаис могла бы бежать куда быстрее лошади, но как-то не к лицу госпоже послу – словно верная собачка бежать у стремени князя... да и ездить верхом ей нравится.

С небольшим перерывом – дать отдых лошадям, они едут до самого рассвета, и останавливаются в небольшой деревушке у подножья горы.

– Что-нибудь расскажете? – спрашивает девушка, усаживаясь на скамье возле трактира и с удовольствием вытягивая ноги.

Ирислав барабанит в дверь, на которой указано «стучите» и затем усаживается рядом, скользнув отнюдь не безразличным взглядом по её ногам.

– Расскажу. Вам про что? – улыбается. Без бороды он настолько хорош, что Лаис сама себе удивляется. Так и хочется прикоснуться. Прикасаюсь.

– Какой-нибудь важный государственный секрет? – улыбается она.

Ирислав прищуривается, у него явно готов ответ, но тут открывается дверь и вместо этого князь требует завтрак у сонного хозяина. Тот на редкость миролюбиво для человека, разбуженного ни свет ни заря, слушает и кивает, и скрывается внутри, оставляя дверь открытой. Но ни Лаис, ни князь не хотят внутрь. Девушка глазееет на горы, Ирислав... на неё. Чем не прекрасное утро?

– Возможно, жених Русланы в этом как-то замешан... – говорит князь. – По крайней мере, у него был такой же амулет, как тот, что я вам приносил... Что вы любите, Лаис?

– Грозу, – после небольшой паузы отзывается девушка. – Дорогу. Горы. Фехтовать с Йаром. А вы?

Ирислав тоже молчит некоторое время, а затем выдаёт:

– Жизнь. Во всех её проявлениях.

И Лаис почему-то даже совершенно не хочется язвить о некоторых проявлениях жизни, которые князь особенно любит и привлекает. А хочется смотреть на него. Но смотрит она всё равно на горы. Они тоже красивые.

И вдруг ей что-то слышится. Даже не столько слышится, сколько ощущается. Вибрация. Может быть, толчок. Почти незаметный даже для альда, на грани восприятия. Глубинный, глубокий... страшный. Она до конца не уверена, даже не знает, как объяснить, но, кажется, князю объяснять и не надо.

Он тоже застыл. Настороженно. Напряжённо.

– Ваша Светлость, – начинает Лаис, но Ирислав поднимает руку, и она замолкает.

Вслушивается в звенящий от тишины воздух вместе с ним. Кажется, она даже слышит его сердце, и своё, разумеется, и вроде бы больше ничего... Может быть, показалось? Какой-нибудь камень свалился с гор. Большой камень. Гигантский. Или пещера какая-нибудь обрушилась подземная. Или... Лаис не знает, что ещё или, но очень хочется, чтобы тот звук ей просто померещился. А если не померещился, то был бы чем-нибудь другим.

Она больше ничего не слышит, но утро уже не кажется таким безмятежным, словно невидимая, но вполне реальная тень легла на деревушку и на них...

Ирислав встаёт.

– Подождите здесь, – приказывает, устремляясь куда-то в сторону гор.

Лаис не согласна ждать, она набрасывает отвод глаза и невидимой тенью скользит за Ириславом. Неизвестно, должен ли посол альдов, притворяющийся не альдом, повиноваться приказу князя, который притворяется не князем, но девушка просто не в силах оставаться на месте.

Слишком ей беспокойно, даже, честно признаться, немного страшно. Лаис может поставить пространственно-временной щит на себя. Может быть, на князя. Но не на всю деревню. Или же на всю деревню, но минут на десять, максимум, которые, увы, ничего не решат. Но она бы попробовала, вот только, чтобы не выгореть напрасно, нужен всё-таки какой-то план. А тот, с кем можно было бы его обсудить, припустил куда-то в сторону гор...

Нет, она ни на секунду не думает, что её спутник просто спасает свою жизнь, не таков князь, точно не таков... но всё равно, чёрт бы его побрал!

Ирислав останавливается у самой горы. Срывает с пальца кольцо, опускается на колени, кладёт правую руку на землю... затем левую...

Лаис закусывает губу от ужаса и восторга. Стихийные маги – они как единороги. Или драконы. В смысле, их точно так же не бывает. Говорят, уже сотни лет не было. А когда были... у каждого известного истории стихийного мага всегда был хозяин. Тот, кто управлял.

Натравливал и одёргивал, ибо стихийные маги не могут себя контролировать, дорвавшись до силы, они выплёскивают её в мир, уничтожая всё вокруг и самих себя... так что существовать они могут только на цепи, под строгим контролем ментального мага, просто как оружие, не самостоятельный человек...

И вот, князь. И Лаис поклясться готова, что никто его не контролирует. И гроза – такая ерунда по сравнению с тем, что Ирислав делает сейчас, и если тогда он ещё оставался в себе, то теперь у него нет шансов устоять. Всю силу собирающегося извергаться вулкана князь забирает себе... Девушку почти сбивает с ног закручивающимся вокруг Ирислава ветром, и она, вместо того чтобы бежать со всех ног, зачем-то идёт ближе.

Вот тебе и важный государственный секрет... куда уж важнее. Куда уж смертельнее.

Теперь Лаис слышит ещё толчки, слышит даже, как клокочет раскалённая лава внутри горы, клокочет, но не выходит... и, кажется, начинает отступать...

Девушка совсем близко к князю, и ей кажется, что она чувствует, как стихия сжигает его изнутри. Ирислав поднимает абсолютно чёрные глаза, смотрит прямо на неё, он не может увидеть, ведь она под отводом глаз, но ей жутко. Как будто бы видит. Как будто бы на неё смотрит сам вулкан.

Князь отрывает левую руку от земли, и от ладони в небо бьёт огромная молния. Она длится и длится, но взгляд князя не становится ни на каплю светлее. В небе же собирается гроза, и, наверное, это будет самая шикарная гроза в жизни Лаис, вот только как бы не последняя...

– Я просил подождать. Там, – говорит вдруг князь. Тяжело. Медленно. И, кажется, сама земля вторит его голосу. Лаис вздрагивает. Он всё-таки её видит. «Сама виновата» слышится ей, но кого и когда это утешало?

Ирислав поднимается и делает шаг к ней. Девушка швыряет в него заклятием, замедляющим время, оно должно замедлить обычного человека в тысячу раз, заморозить, остановить... Едва достигнув князя, оно просто рассыпается. Лаис хочет отступить, но некуда – вокруг бушует ураган, с которым ей не сладить, он не отпускает и на метр.

Девушка сжимает в руке нож, она готова продать свою жизнь как можно дороже, но вот беда – совершенно не готова напасть первой, перечёркивая тем самым свои вполне хорошие шансы. Не может и всё. Вдруг вопреки всему Ирислав справится? Совладеет. Останется прежним. Вдруг?..

Князь тоже медлит. Но стоит Лаис сделать движение, и на запястье её руки с ножом смыкаются его пальцы. Она всё равно делает, что задумано – опускается вниз, не отводя взгляда, нащупывает другой рукой кольцо, поднимает и сама поднимается. Медленно протягивает находку князю. Возьмёт? Наденет?..

Ирислав не берёт. Но молча протягивает ей руку, и Лаис, чувствуя себя немного странно – это, между прочим, часть брачного обряда в княжествах – надевает ему на безымянный палец кольцо.

Вихрь вокруг стихает, а вот напряжение между Лаис и князем только увеличивается. Девушка готова поклясться, что никто не знает секрет князя, и в большой степени только поэтому тот жив. Пройди хотя бы малейший слух, и тут же найдутся сотни ментальных магов, желающих заполнить себе такое мощное оружие. И с ними со всеми князь либо не сладит, либо захлебнётся своей собственной силой, превращаясь из человека в беспощадную стихию...

Главный козырь и одновременно проклятие стихийных магов – слишком большая сила. Сила, которую они не способны копить, зато в любой момент могут зачерпнуть у мира, но получают таким мощным потоком, что не способны совладать... Пытаться применить заклятие – всё равно что наливать воду в кружку, подставляя её под океанскую волну, смоем и унесёт...

Ирислав тянет её к себе, и Лаис поддаётся. Это неправильно, неуместно, неэтично, но какая, к чёрту, разница, если с этой поляны уйдёт всего один из них? У князя горячие губы, и, возможно, в нём бродят ещё остатки стихии – Лаис мерещится, что она целуется с самой грозой, и это невероятно-упоительно... Ирислав, кажется, готов пойти дальше, но девушка отстраняется:

– Не будем откладывать и усложнять грядущий бой, – просит она.

Князь молчит несколько секунд, а затем отпускает её талию и запястье. Отступает на шаг, глаза его становятся ледяными.

– Ты спасла мне жизнь, – тяжело роняет слова. – И, по-твоему, я собираюсь теперь тебя убить из-за этой... ерунды?

– А что вы собираетесь делать? – спрашивает Лаис, полностью игнорируя недовольство Его Светлости.

– Ничего, – говорит Ирислав. – Позавтракать. – Обозначает лёгкий поклон и направляется обратно в деревню. – С вашего разрешения, госпожа Аделаис.

Девушка провожает его взглядом и берётся за рубашку. Не пропадать же такой славной грозе. Хотя бы полчаса, пока князь успокоится, да и ей есть, что осмыслить...

Ирислав ждёт её возле трактира под навесом. Перед ним на столе – её нетронутый завтрак. Гроза только-только начинает успокаиваться, так что прогулка Лаис их путешествие никак не задержала, но взгляд князь бросает на неё близкий к ледяному. А затем отворачивается и рассматривает горы.

Лаис терпит это пять минут, пока ест, а затем подсаживается на скамью к Его Светлости, бесцеремонно кладёт руку на щеку князя и целует его. Со всей нежностью, благодарностью и восхищением, которые испытывает, а затем, не дожидаясь реакции опешившего мужчины, направляется к лошадям. Аи Ран Не, княже. Твоя тайна умрёт со мной.

– Чем так привлекательна гроза? – спрашивает князь, облачиваясь на перила рядом с ней.

Лаис с интересом всматривается в воду за бортом паррома, та невероятно прозрачная, и можно видеть рыбок, но отвечает сразу:

– Молниями.

– И что хорошего в молниях? – не скупится на второй вопрос Его Светлость.

– Они быстрые. Свежие. Настоящие, – Аделаис затрудняется с описанием ощущений от грозы, перечислять же полезные свойства грозы для альдов она не будет.

– А кто такой Йар? – спрашивает князь.

– Альд, – чуть улыбается девушка, скользнув взглядом по руке князя на поручне – очень близко к её ладони, так, что чувствуется тепло, но касаться – не касается. – Самый лучший. Самый красивый и самый искусный.

– Брат? – спрашивает Ирислав после секундной паузы.

– Брат, – соглашается Лаис – Младший. – И уже открыто улыбается. – Собираете на меня досье?

– Можно назвать и так, – хмыкает князь. – Переправа займёт не менее трёх часов. Может быть, поспите?

Девушка качает головой. Спать не хочется совершенно. После шикарной утренней грозы, она готова ещё сутки бежать, скакать и даже плыть. Тем более, раз тут наступил час расспросов и откровений...

– Ваша невеста... бывшая невеста жива?

Не то чтобы Лаис мучила совесть, в конце концов, за свои поступки каждый несёт ответственность. Рано или поздно, так или иначе, смотря насколько хорошо ты всё продумал. Но интересно. Официально было объявлено, что помолвка не состоялась, и совершенно ничего не было сказано о том, почему. И тут воображение и народное творчество развернулись во всю ширь. Говорили, что невеста князю банально не понравилась. Или понравилась, но оказалась не невинна. Потом шёпотом добавляли, что не просто не невинна, а ещё и последовательница какого-то древнего запрещённого культа, и потому Ирислав заточил её в монастырь, а весь терем сжёг. Другие спорили, что всё с княжной нормально, просто верховный князь по дороге встретил другую, в неё влюбился и тайно обвенчался с ней. И, выждав минимальный срок для приличия, представит её ко двору. А терем сама княжна и подожгла... Были и те, правда, их было удивительно мало, кто шипел по углам, что терем третьего князя сгорел по воле Творца, ибо связался тот с богопротивным верховным князем, который вообще никаких законов и запретов не чтит, и мало того что пустил в страну альдов, так ещё и любит с их девкой...

Ирислав пожимает плечами. Нет, в поджоге терема Лаис его не подозревает – у князя железное алиби в её глазах – он в это время еле-еле доползал до выхода из пещеры...

– Я думаю, жива.

– Вы поморщились, – отмечает-спрашивает девушка. Князь кивает:

– Если смотреть формально, и если девушка жива, то она до сих пор моя невеста. Не бывшая, а вполне настоящая, – неохотно признаётся он. – И ещё – каждый раз, вспоминая эту свою помолвку и саму невесту, я чувствую себя редкостным идиотом.

Лаис молча смотрит на воду и рыбок, и не улыбается, вот честно, совсем-совсем не улыбается.

Глава 10

Впервые за много лет Ирислав чувствует, что теряет контроль, и, честно признаться, понятия не имеет, что с этим делать. Кажется, все по отдельности поступки если не абсолютно правильные, то уж точно не самые плохие, но каждый новый день заставляет его всё сильнее сомневаться в себе. Интересы государства далеко не всегда идут рука об руку с честью отдельно взятого человека, но князь скорее покончит с собой, чем убьёт того или ту, что спасли ему жизнь. Здесь не о чем жалеть, и не о чем размышлять, надо только как-то избавиться от ощущения обманчивой близости. Аделаис знает теперь о нём больше, чем кто бы то ни было, но сама о себе не сказала ничего. И, наверное, это не сводило бы с ума так сильно, не поцелуй она его сама.

Лаис – идеальный спутник. Лучший, какого мог бы пожелать любой путешественник. Она не устает, не ноет, не задаёт лишних вопросов... и голыми руками ловит кролика на ужин. И на завтрак. И вообще ничего не стесняется. Даже слишком не стесняется.

– Мне надо встретиться с информатором, – говорит Ирислав, наблюдая как Лаис делает зарядку. Они спали всего три часа, но глядя на девушку-альда создаётся впечатление, что она не то что не устала, наоборот, засиделась.

– Имеете в виду, встретиться без меня? – девушка легко поднимается из мостика на ноги. – С информатором, который расскажет про амулеты с магией альдов?

– Но вы ведь не пойдёте со мной в бордель? – уточняет князь, уже начиная сомневаться. И не зря.

– Разумеется, пойду, – отзывается госпожа посол. И поднимает на него абсолютно серьёзные глаза, на самом дне которых князю всё же мерещится смешинка. – Если вам надо будет подкрепить легенду делом, я могу просто отвернуться.

Он молча рассматривает девушку. Любую другую в такой ситуации князь бы спросил «а присоединиться?», но не Лаис, только не её.

– Думаю, до этого не дойдёт, – сдержанно отзывается он, протягивает ей запечённое мясо. – Ваш завтрак, Аделаис.

Через полчаса они уже у ворот в город, и – князь начинает понимать тех, кто использует амулеты альдов, как же удобно! – легко проскальзывают внутрь никем не замеченные и не опрошенные. А уж если у тебя в союзниках сам альд... Нужен какой-то антиамулет. Сколько бы он ни стоил, раздобыть, выдать каждому стражнику, у Ирислава прямо-таки свербит от такой дыры в безопасности...

Они идут через шумную рыночную площадь, и Лаис берёт его за руку, просто чтобы не потерять, но Ирислав чувствует, как душа его и сердце начинают рваться пополам. Опасные, непредсказуемые, жестокие и воинственные альды. Он не имеет права им доверять, история показывает, что ни одной стране и ни одному народу нельзя полностью доверять. А на другой стороне – Аделаис. И то, что она занимает в его мыслях уже не меньше места, чем все его княжества – настоящая беда. И настоящий позор для правителя.

В бордель князь заходит уже видимым, стараясь не думать о том, что где-то рядом скользит незаметной тенью госпожа Аделаис. Её, может, ничего и не смущает, а вот самому Ириславу всё равно как-то неловко. Словно он гостя привёл не в парадный зал, а на задний двор, где очистки и отбросы, и все ведь знают, что задний двор есть, но приводить туда...

Князь называет неприветливой женщине имя, и его ведут длинными коридорами куда-то на самый верх, и вроде бы ничего не предвещает, но предчувствия у него почему-то плохие... и он снимает кольцо. Как показал недавний инцидент у вулкана, когда он не перекрывает силу, магия альдов на него не действует. До этого Ирислав знал только про приворот...

За дверью двое. В кресле сидит миловидная девушка, а в углу стоит невысокий смуглый тип, вооружённый практически в прямом смысле до зубов – четырьмя ножами и удавкой.

Надо бы назвать девушке пароль, но Ирислав медлит. Надевает кольцо и снова оглядывает комнату – тип исчез, а девушка осталась. Знает ли она о нём? И видит ли его Аделаис? Скорее всего, нет, как и этот тип девушку-альда. Разве что случайное совпадение сдвига времени, что крайне маловероятно...

Его заминку и метания с кольцом – Ирислав опять его снимает, девушка истолковывает по-своему.

– Господин первый раз? – нежно спрашивает она, поднимаясь из кресла и направляясь к нему.

– Первый, – с готовностью признаётся князь, позволяя девушке коснуться своей щеки и стараясь незаметно наблюдать за углом, в котором притаился тип.

– Что вы любите? Как вы любите? – продолжает расспрашивать хозяйка комнаты, запуская руки ему под рубашку.

– Я покажу! – Ирислав подхватывает девушку, делает несколько быстрых шагов и усаживает её на подоконник. Хороший подоконник. Широкий. Высокий. А главное – как раз в метре от угла, где притаился вооружённый тип. Плохо, что бить придётся левой... да и девица очень некстати обвивает его руками и ногами, изображая страсть, а ему нужна свобода манёвра и вторая рука – сдёрнуть болтающийся на шнурке амулет...

– Повернись, – приказывает он девушке, стягивая её с подоконника. Она с готовностью поворачивается, пытается прижаться к нему, но внимание князя уже целиком принадлежит другому.

Тип явно слишком расслабился, уверовав в свою невидимость и предвкушая пикантное зрелище, князь справляется с ним легко – лезвие под рёбра, заломить руку за спину, заставляя бросить нож, и потом уже сорвать амулет...

Мужчина хрипит, пытаясь извернуться, но князь достаточно силён, а стоит приставить лезвие к горлу, и тот затихает. Ирислав бросает взгляд на девушку – она перепугана, слишком

перепугана, чтобы быть информатором. Может, конечно, виной всему нож Аделаис, который та приставила к горлу хозяйки комнаты...

– Кто из вас хочет жить? – спрашивает Лаис. Девушка не может видеть, кто её держит, а вот мужчина, увидев, что сюда заглянул самый настоящий альд, начинает торопливо говорить. Он ничего не знает. Он просто наёмник. Ему дали амулет, велели присмотреть за Лиззи, когда придёт человек, который назовёт пароль – «на севере бывает жарко», его надо убить, вот и всё. Всё! Мужчина скулит и умоляет, и Ириславу противно. Если ты взял в руки нож и покусился на чужую жизнь, имей смелость отдать свою. Что за трусость? Наёмник не может толком ничего рассказать о том, кто его нанял, всё, чего удаётся добиться – время и место встречи, чтобы получить вторую часть оплаты.

Надо бы добить, но князь медлит, брезгливо разглядывая свою потенциальную жертву. Вряд ли наёмник заслуживает снисхождения, но тот, кого ты убьёшь, уже никогда не раскается и не исправится... может быть, этому хватило бы благоразумия завязать, хотя бы и из трусости... Аделаис делает взмах рукой, и мужчина застывает неподвижно, перестав дышать.

– Через пять часов очнётся, – говорит Лаис князю. И уже девушке. – Есть что добавить? Та мелко дрожит, но кивает.

– Я... я просто должна была передать записку, – шепчет срывающимся голосом. – Вот тут... в платье... – показывает куда-то в район декольте.

– Возьмёте сами? – немного ехидно интересуется девушка-альд у князя. Тот отрицательно качает головой. Л-л-лаис...

Впрочем, речь не идёт о том, чтобы шарить у девушки в декольте – она разрывает один из воланов и достаёт записку оттуда. Ирислав берёт, прячет в карман.

– Кто её передал?

– Н-н-не знаю! Мужчина какой-то. П-приходил ко мне два дня н-назад, ни... ничего не хотел, заплатил щедро... Велел вот записку взять... передать... Не убивайте меня, пожалуйста! Я же ничего не сделала! Я никому ничего не скажу, да я и не знаю... Пожалуйста! Я... хотите... я что хочу сделаю... я...

– Отпусти, – говорит князь Аделаис. Больше всего на свете он не любит смотреть как унижаются люди. – Пожалуйста. Пусть идёт. Через три часа.

Аделаис понимает его верно – замораживает девушку, и та статуей замирает на стуле.

Ирислав разворачивает записку... она пустая. Наверняка её можно как-то активировать, но это стоит делать явно не здесь.

– Первый раз, значит? – Лаис сидит на подоконнике. На том самом подоконнике. – Для первого раза вы были весьма напористы, господин.

Князь делает шаг, встаёт непозволительно близко к госпоже послу.

– Лаис, – говорит он. Поднимает руку, пропускает её волосы между пальцев. – Вы знаете, я ведь не железный.

– Нет? – изгибает бровь. И не делает ни малейшей попытки отодвинуться. Как, впрочем, и прижаться.

– Нет, – кается Ирислав, притягивая её к себе и впиваясь в губы. Кажется, в этой игре он безвозвратно проиграл.

Лаис отвечает. И... отстраняется.

– Мучаешь! – выдыхает князь, прижимаясь лбом к её лбу. Продолжить хочется и в самом деле так, что мучительно.

– Здесь? – спрашивает девушка. Ирислав достаточно уже знаком с ней, чтобы знать, что это её как раз не смущает, но отзывается:

– Где угодно. Когда угодно. Только скажи.

– И это при живой-то... предположительно живой невесте! – насмехается Лаис. Князь же серьёзен.

– Женой она мне при любом раскладе не станет. И при чём тут она?

– Вы не свободны, князь, – говорит девушка.

– Серьёзно? – недоверчиво переспрашивает Ирислав. Нет, в самом деле? Девушка, которая плевать хотела на скромность и все приличия...

– Серьёзно, – отзывается Аделаис.

Ирислав чуть отстраняется. В изумрудных глазах невозможно ничего прочесть.

Князю известно всего три способа разорвать помолвку. Смерть одного из помолвленных, обратный ритуал по обоюдному согласию и...

– Выходи за меня, – говорит князь.

...и сделать предложение другой. Проблема только в том, что это, второе предложение уже отозвать нельзя, если его примут. Так что прибегать к нему князь не спешил, рассчитывал справиться первым способом. В крайнем случае, вторым...

– Ну нет, – говорит Лаис. – Нет, нет и нет!

И Ирислав бы, наверное, оскорбился, но все слова в мире перестают иметь значение, потому что она целует его сама, прижимается, обвивает ногами...

Глава 11

На столе перед Лаис лежит совершенно пустая записка, девушка смотрит на неё так и сяк, но ничего не видит. Вроде бы и есть маленькое, тоненькое заклятие, но что оно делает? Скрывает надпись? Или наоборот – содержит? Альд может только разрушить заклинание, но что если заклинание – как раз и есть сообщение?..

Ирислав сидит напротив и тоже смотрит на записку. И на Лаис. И на записку, признаться честно, куда реже, чем на Лаис.

И от этого взгляда переворачивается всё внутри. Надо доложить, что она облажалась. По-другому и не скажешь. Одно дело – заигрывать с огнём, и совершенно другое – сунуть туда голову. Немного флирта с князем, сохраняя дистанцию и трезвый рассудок – вполне на пользу делу, влюбиться по уши – всё разрушить.

– Попробуйте полить кровью? – предлагает она, поднимая взгляд. И зачем-то упрямо добавляет. – Ваша Светлость.

От «Светлости» Ирислав морщится, но Аделаис кажется, что это необходимо. Сокращать дистанцию ещё больше она не будет. Хватит и того, где они сейчас. Надо быть осторожнее. С мыслями, словами и взглядами. Кто ж знал, что князь не отступит?.. Кто ж знал, что он настолько... беспечен? Заинтересован? Или настолько хорошо её изучил, что не сомневался – откажет...

– Жалеешь, – скорее говорит, нежели спрашивает Ирислав.

Лаис знает, что она должна жалеть. Нет уважения тому, кто руководствуется лишь своими сиюминутными желаниями, отринув достоинство и долг...

– Мне очень понравилось, – говорит она чистую, хоть и сильно приуменьшенную правду. С князем было настолько хорошо, вероятно, из-за его стихийной природы, что даже гроза как-то померкла. И девушка немного опасается, что любая гроза до конца жизни будет служить напоминанием о князе... И всё же, несмотря ни на что, пожалеть никак не получается.

Ирислав молча уходит вниз за вином, а Лаис, оглядевшись и убедившись, что на втором этаже таверны кроме неё никого, сжимает руку, активируя руну вызова. Ненадёжность, пристрастность и необъективность – совершенно не то, что позволительно скрывать от своего короля хоть сколько-нибудь времени. Руна пульсирует, наливаясь пронзительно-синим цветом, а девушка всё не может решить, что отправить дальше. Ей и слова-то трудно подобрать, а руны ограничены, с ними ещё труднее. Предательство? Нет, до предательства не дошло и Лаис клянётся, что не дойдёт. Требуется помощь? Нет, точно не требуется. Призыв? Дом? Сердце?

– Что ты делаешь? – спрашивает слишком рано вернувшийся князь, ставя перед ней кубок с горячим вином.

Аделаис поднимает глаза. Отвечает честно.

– Докладываю моему королю.

Взгляд Светлости темнеет и становится подозрительно-колочим.

– О чём? – спрашивает он. – Не говори, что все альды немедленно докладывают королю, с кем они переспали!

Лаис сдержанно улыбается, представив, как это выглядело бы. И ничего не говорит.

– Аделаис?

– Вы – не каждый, – вздыхает она.

– И?

Аделаис молча рассматривает руну на своей руке. Признаваться, что дело не в близости как таковой, а в нежданно захлестнувшей влюблённости, она не собирается. Не тот момент, да и князь – не тот человек, ему каждая после близости признаётся...

– Мы можем сделать вид, что последних нескольких часов не было, – холодно роняет Ирислав, – если проблема в них.

Аделаис на секунду опускает глаза. Как бы там ни было, это совсем не те слова, которые хотела бы услышать женщина после недавней близости... что бы она сама ни наговорила.

– Это прекрасная мысль, Ваша Светлость, – ровно отзывается она, посылая Ириславу ослепительную, ничего не выражающую улыбку. – То, что нужно.

Руна на руке ноет, требуя внимания. Лаис медлит и посылает всего лишь «сомнение». Если князь готов отступить, то и она вполне справится.

– Значит, не было, – подытоживает мужчина.

Лаис закрывает связь, кивает и переводит взгляд на записку на столе. Но сказать ничего не успевает.

– Выходи за меня, – говорит князь.

И всё с таким трудом достигнутое спокойствие Лаис летит в тартарары. Она качает головой, но в груди почему-то разливается тепло.

Девушка выразительно показывает глазами на предполагаемую записку, и Ирислав, наконец, следует её совету – прокалывает палец, поливает кровью. И печать свою княжескую сверху прикладывает.

Это работает – на записке появляются какие-то буквы, и Лаис с трудом удерживается от того, чтобы протянуть руку и подтянуть клочок бумаги к себе. Впрочем, Его Светлость, бросив мимолётный взгляд на открывшиеся слова, сам двигает секретное послание к ней:

– Адрес в Шестом княжестве. Едем?

– Как прикажете, Ваша Светлость, – Аделаис выскальзывает из-за стола, потягивается... тело отвечает сладкой истомой и жаркими воспоминаниями, но тон Лаис невозмутим и спокоен. – Ловить нанимателя не будем?

– Не будем, – Ирислав тоже поднимается. – Этим специально обученные люди займутся. А нам надо ещё вовремя влиться в кортеж...

Девушка согласно кивает и идёт к выходу. Чем скорее они «вольются» в кортеж, тем лучше. И уж конечно ей следует оставить при себе своё совершенно неуместное любопытство, и не выяснять ни один из крутящихся на языке вопросов: откуда у князя такое занимательное кольцо, как он выжил, как научился управлять своей силой, почему выбрал княжну Третьего княжества в невесты, и ещё десятки других таких же непозволительно лишних.

Утром следующего дня становится людно. Вернее, альдно. Разумеется, послание, тем более такое странное, не могло остаться без ответа. Но Лаис не ожидала, что реакция будет настолько быстрой... и многочисленной. Хватило бы одного альда, честно.

Она делала зарядку на берегу реки, пока князь купался по другую сторону холма в озере – они не стовариваясь разошлись в разные стороны, и Лаис кажется, что она почти примирилась с должным, остаётся надеяться, что и Ирислав тоже, надеяться и совсем чуточку сожалеть...

Девушка прыжком встала на ноги после стойки на руках, и тут же ощутила, что у неё за спиной кто-то стоит.

– Ищешь драки? – спрашивает она, не спеша оборачиваться. Кто бы это ни был, если бы хотел напасть со спины, уже напал бы. А никто случайный к ней так не подобрался бы, не смог...

– Сестру ищу. Уже нашёл, – отзывается самый красивый на свете альд. – Но и от хорошей драки не отказался бы.

– С ним не дерись, – требует Лаис, оборачиваясь. Невозможно перестать быть старшей сестрой, даже если брат уже давно выше и сильнее тебя. С Йара станется прикопаться к её спутнику, не вникая в тонкости политики и дипломатии.

– Кто он? – сверкает изумрудными глазами Йар. Кажется, указание сестры лишь подстегнуло.

– Князь, – немного злорадно улыбается Аделаис. Не найдя во взгляде брата должного смирения уточняет. – Верховный князь Шести княжеств, Ирислав.

– Ладно, – соглашается Йар и затейливо свистит на грани слышимости. – Как ты?

– Йар?.. – поднимает бровь девушка. Он что же, не один? – Сколько вас?

– Пятеро, – белозубо улыбается альд.

– А чего не все десять? – ворчит Лаис, усаживаясь к костру и раздувая его.

– Остальные следуют за кортежем, – скалится ничуть не смущённый Йар.
– Вам нечем заняться, – вздыхает девушка. Впрочем, она бы и сама на их месте рвалась посмотреть на закрытое ранее для альдов княжество. Тем более что тут и повод, и дозволение. К костру возвращается Ирислав. За ним следуют альды, и Лаис закусывает губу. Вот и первый этический конфликт. На князе нет кольца, и, значит, он прекрасно видит альдов, хоть и мастерски не подаёт виду. А ребята, уверенные в безотказности отвода глаз, не стесняются обсуждать всё подряд. И князя тоже. В принципе, ничего плохого они не говорят, но учитывая, что они не знают, что это князь... Самообладание Ирислава и в самом деле невероятно, даже Лаис почти сомневается, хоть и точно знает, что он видит.
– Ваша Светлость, – Лаис встаёт, обращается официально, задавая тон для всех, – это мой брат Рианйар.
Ирислав кивает, Йар обозначает поклон, остальные же, похоже, так и не собираются показываться. Вот ведь... Лаис пихает упрямого брата в бок, но без толку. В общем-то, всё логично. Зачем показывать князю лишних альдов... не крикнешь же, что князь и так всех видит. Остаётся только заставить Йара их отослать.
– Сколько у вас братьев, Лаис? – спрашивает князь. Вежливо, серьёзно, и только на дне тёмных глаз угадывается лёгкая насмешка.
«Умных или упрямых?» – хочется спросить Лаис. Умных, оказывается, ни одного, а упрямства и в одном на троих хватит.
– Один, Ваша Светлость, – невозмутимо отвечает она. – Я схожу к озеру, с вашего разрешения.
– Я с тобой, – тут же говорит Грид, тоже вроде бы не самый глупый альд, но излишняя уверенность в своих силах, видимо, делает идиотами всех.
Девушка делает вид, что не слышит, мелькает мысль – хорошо бы, и князь этого не слышал, но чуть вздувшиеся желваки на скулах Его Светлости говорят – чуда не произошло. Впрочем, ей как раз и надо, чтобы они пошли за ней. А Йар пусть развлекает князя и не мешается.
Дождавшись кивка, Лаис спускается с холма, усаживается на камень. Вопреки высказываниям никто за ней не последовал, так что девушка свистит, вызывая.
Появляется Грид и ещё один альд, девушка видела раньше его, но не помнит имени. Всего двое.
– Зови остальных, – требует она у Грида.
Ещё двое появляются мгновенно и теперь все четвером восхищённо на неё таращатся.
– Вы уходите, – говорит Аделаис. – Прямо сейчас. Трое из вас возвращаются домой, Грид, ты можешь прогуляться с Йаром до Шестого княжества. Присмотритесь к княгине и что там вообще происходит.
– Лаис... – осторожно начинает явно несогласный Грид.
Аделаис молча выгибает бровь. Ну? Посмеешь послушаться официально назначенного посла на территории Шести княжеств?
Альд замолкает, обозначая поклон. Что не мешает ему всё также обжигать девушку горячим взглядом. Альды вообще такие. Темпераментные.
– Мы разве мешаем, Аделаис? – спрашивает другой альд.
– Мешаете, – соглашается Лаис. – И вообще мешаете, и вот прямо сейчас. Я собираюсь купаться. Брысь!
Альды обозначают поклоны с рукой у сердца – позёры! – и испаряются. А девушка скидывает одежду и с удовольствием ныряет в холодную воду. Идти наверх не хочется. Она не знает, что сказать Йару. Нужен ли другой посол? Или она справится? Не хочется, очень не хочется уходить, уж до прояснения загадки с альдовыми амулетами так точно, это вообще вопрос чести... но может ли она остаться? Невозможно представлять одну сторону, когда твоё сердце рвётся на другую.
Натянув одежду прямо на мокрое тело и стянув мокрые волосы в хвост, Лаис идёт наверх. Мужчины сидят, беседуют... поднимаются при виде неё.
– Пять минут, – просит Лаис у Ирислава и тянет Йара к реке, на другую сторону холма. Могла бы вызвать свистом, но это неуважение к князю, которое она не имеет права, да и не хочет проявлять.
– Что не так? – спрашивает Йар. Серьёзно спрашивает. – Хочешь уйти?
– Всё так, – отзывается Лаис. – Хочу остаться.
– Он влюблён, – говорит альд. – Ты знаешь?

Девушка пожимает плечами. Сегодня влюблён, завтра – нет. Ошибка думать, что чувства статичны. Они появляются, пропадают, меняются... А вот долг и совесть – это навсегда.

– Ты ведь не делаешь ничего, что бы не хотела? – щурит зелёные глаза брат.

– Делаю, – признаётся Аделаис. – Ещё как делаю. Изю всех сил держу дистанцию, хотя хочется мне совсем другого!

Йар смеётся, кажется, с облегчением.

– Мы не нужны?

– Троиц я уже отослала, – Лаис невольно улыбается. – А вы с Гридом прогуляйтесь, пожалуйста, в Шестое княжество. Посмотрите на княгиню и её окружение. Потом расскажешь. Те, кто сопровождает кортеж... пусть дойдут до Шестого, а затем уходят. Альд обозначает такой же поклон, как и остальные, и растворяется в лесу. Лаис, улыбаясь, идёт вверх. Хорошо было повидаться с Йаром, вроде и перемолвились буквально парой слов, но как-то легче и проще стало.

Ирислав стоит на холме и взгляд его ничего не выражает.

– Простите, – говорит девушка. Не знает, что сказать ещё.

Князь чуть заметно качает головой. То ли не простит, то ли не за что извиняться.

– В путь?

Глава 12

Не всё, что пожелалось, можно получить сразу. Не всё в принципе можно получить, как бы сильно ни хотелось. Ирислав усвоил это давно и, как ему казалось, очень хорошо. Сколько было проиграно сражений, сколько соратников потеряно... и было бы потеряно в разы больше, не умеи он отступать. А в любви, говорят, как на войне. Да и Лаис – на диво достойный партнёр как в одном, так и в другом...

До адреса в Шестом княжестве они добрались быстро, по человеческим меркам, наверное, даже невероятно быстро... но всё-таки недостаточно. Возможно, отправься Лаис одна, она могла бы успеть – пространство и время до безобразия благоволят к разящим... но Ирислав не стал бы просить, даже знай заранее, что их встретит уже остывшее пепелище. Просить – вообще не дело. А уж просить лишний раз того, кто нравится...

Девушка молча соскальзывает с лошади, встаёт рядом с ним. В сумерках её силуэт кажется ещё более изящным и точёным. Наклоняется, пропускает пепел через тонкие пальцы, и князь некстати вспоминает, что альды без труда железо ломают такими вот тонкими с виду пальчиками... Впрочем, что касается госпожи Аделаис – это лишь добавляет ей очарования. Враньё, что женщина должна быть беспомощной.

– Прошлой ночью. Магический огонь, – сообщает Аделаис. – Больше ничего не могу сказать. Ирислав и сам видит, что огонь был магический – ровный круг, на котором лишь толстый слой пепла... и почему-то ему снова думается совсем не о том. Хочется дотянуться до шелковистых волос, собранных в длинный хвост, пропустить сквозь пальцы, как сама Лаис совсем недавно пепел...

Вместо этого Ирислав отдаёт девушке повод своей лошади, обходит выжженный круг, снимает блокирующее кольцо, опускаясь на колено... Земля отвечает охотно. Ластится к ладони, жалуется... рассказывает. Людей в доме не было, когда он горел. Никого живого не было. Князь поднимает взгляд на Лаис, собираясь поделиться, и у него замирает сердце, перехватывает дыхание. Наверняка, это лишь игра его воображения, ведь испытывай госпожа посол к нему хотя бы половину того, что мерещится сейчас в её глазах, не просила бы сделать вид, что ничего не было.

Стоит моргнуть, и наваждение схлынуло – во взгляде госпожи Аделаис не читается ровным счётом ничего. Даже вежливого интереса и того нет. Ровная изумрудная гладь. Стена.

Ирислав надевает кольцо обратно, переводит дыхание, унимая так некстати поглупевшее на четвёртом десятке лет сердце, и всё-таки сообщает:

– Никого живого не было.

– Хорошо, – отзывается девушка. Действительно хорошо. И лишних жертв нет, и допросить будет кого. Осталось лишь найти. – Возвращаемся?

Ирислав окидывает взглядом пустырь. Что бы здесь ни стояло, место было выбрано весьма уединённое. Земля знает, помнит, куда ушли люди, населявшие этот дом, но чтобы узнать, надо пропустить через себя слишком много запретной силы. Князь твёрдо знает, что он ещё жив и до сих пор в здравом уме лишь потому, что никогда не переходит грань. Не будет переходить и в этот раз. Завтра уже здесь будут его люди, всё осмострят, обследуют, всех опросят – кто бы здесь ни жил, ему нужны были продукты, дрова, возможно, слуги, когда-то лекарства или лекарь, а может быть, кузнец... Всё найдут, всё узнают, и пара недель не сыграет такой уж большой роли.

– Возвращаемся, – Ирислав забирает у девушки повод. – Отсюда всего пара часов до места ночёвки официального кортежа.

Сначала всё идёт как по маслу. До нужного постоянного двора они добираются даже часа за полтора, отчёт агента – прозрачен и чист, ничего подозрительного не происходило, всё штатно, всё по плану, и Ирислав желает госпоже Аделаис доброй ночи у дверей её комнаты, и поднимается на свой этаж, предвкушая, наконец, хотя бы пять-шесть часов сна в настоящей постели...

А постель занята. Там расположилась какая-то полуголая, а может, и вовсе голая девица, в лобом случае, у уставшего и, чего уж греха таить, влюблённого князя, она вызывает лишь раздражение. А ещё желание вернуть агента, которого он отпустил, и хорошенько допросить – не перестарался ли тот, изображая своего господина. Впрочем, девица могла прийти и по своей инициативе – всегда приходят.

– Убирайся, – Ирислав, отчаянно зевая, скидывает сапоги, снимает рубаху. Незваная гостья даже не шелохнулась, так и сидит на постели, уставившись на него.

Князь зажигает гусклый свет, и девушка, вспыхнув, прикрывается простынёй по самые глаза. Лицо кажется неуловимо знакомым, но это может быть как просто обычная схожесть, так и то, что они уже где-то встречались... на его полуголое тело она таращится с ужасом. Вот и чего пришла, разделась, разлеглась?

– Что тебе надо? – спрашивает князь. Больше всего на свете ему хочется без разговоров вышвырнуть девицу и использовать постель по самому прямому назначению. Поспать.

– Любви, – выдавливает из себя девица. Ирислав еле сдерживает смехок. От страха у неё прыгают губы, а тон, которым это сказано убил бы любое самое страстное желание близости у кого угодно. Ну, разве что кроме самых законченных мразей, которые находят наслаждение в чужих страданиях.

– Чьей? – вздыхает князь, наливая себе вина. Не поспать, так хоть напиток. На дне кувшина светится снежно-белым цветом амулет – не отравлено.

– Ва... вашей, – старательно пряча глаза, настаивает оккупантка.

И тут Ирислав её неожиданно узнаёт. В два шага оказывается рядом, сдёргивает простыню, не обратив ни малейшего внимания на отчаянные попытки удержать, и с мрачным злорадством разглядывает свою бывшую уже невесту. Впрочем, о том, что она бывшая, княжна Третьего княжества, вероятно, как раз и не знает. Иначе не пришла бы заключать брак таким вот способом. Интересно, на что она рассчитывала? Что он совсем слепой и озабоченный идиот? Или всё же было подкрепление в виде какого-нибудь особо действенного приворота, который он просто не почувствовал?

– Княжна, – ласково говорит Ирислав. И ужас в глазах девушки становится абсолютным. Она сползает с кровати, видимо, собираясь сбежать, но бежать ей некуда, да и князь не собирается отпускать.

– Замри! – тяжело приказывает он, и девушка замирает. Он протягивает ей простыню. – Прикройся, поговорим.

Бывшая невеста берёт простыню, комкает в руках... а затем швыряет ему в лицо и пытается сбежать. Ирислав без всякой жалости ловит её за косу одной рукой, в другой удерживая многострадальную простынку. Та сделана из крепкой, добротной ткани. Пригодится.

– Итак? – девушка надёжно примотана к стулу, а Ирислав, не в силах справиться с раздражением, наливает себе ещё вина. – Станный способ мести за погибшего возлюбленного! Вряд ли ты надеялась залюбить меня до смерти!

Княжна смотрит злобным, затравленным зверьком. Жадно и, кажется, даже с надеждой следит за тем, как Ирислав пьёт. Всё-таки приворот? На всякий случай князь снимает кольцо... и чуть было себя не выдаёт. Вездесущие альды, чтоб их! Блистательная госпожа Аделаис и её брат

господин Рианйар. Стоят в уголочке и переговариваются, словно бы не в спальню вторглись, где полуголый мужчина и обнажённая, примотанная к креслу девушка, а скучают на светском рауте в ожидании яств. Потом Ирислав замечает, что Лаис зевает, и гнев уходит, как не бывало. Девушка-альд явно устала, и понятно, что пришла сюда не забавы ради...

Князь надевает кольцо обратно и больше не смотрит в тот угол.

Смотрит на пленницу. Девчонка выглядит жалко... но чего-чего, а уж жалости в сердце князя точно нет.

– Что... что вы хотите? – дрожащие губы и срывающийся голос. Кажется, княжна до сих пор не уверена: что-то в плане перевести помолвку в брак пошло не так, или это у Верховного князя Шести княжеств пристрастия такие, и неизвестно, какой вариант её больше пугает...

– Айро, Лис, Илад... – начинает перечислять Ирислав. Имена горчат и колются. Подвёл. Не сберёт. Погибли ни за что... – Вилмир. Сайдо...

– Что? Кто это? Зачем?..

– Это мои люди, – очень спокойно поясняет князь. – Их убили на моих глазах, пока я умирал от яда. От твоего яда. И ты ещё спрашиваешь, чего я хочу?

– Нет, я тут ни при чём! Я не знала... Я сама не знала! Я тоже... Я чуть не умерла от яда, потом был пожар, и я чуть не умерла в огне, а позже с голоду, и теперь, когда я пришла к вам, к своему жениху, к тому, кто предложил мне руку и сердце, обещал быть опорой и защитой, теперь вы собираетесь убить меня за грехи своего же племянника?! Больше вам нечего мне сказать?! Я...

– Есть, – перебивает Ирислав. – Я расторг помолвку. Сделал предложение другой. Вы свободны от обязательств, княжна. И я тоже. Где ваш отец?

Толку от допроса княжны никакого. У Ирислава лишь начинает болеть голова от её всхлипов и настойчивых признаний в любви. Княжна убивается, что он ей не верит, как будто бы её чувства, поверь он в них, хоть на что-то повлияют. Кого бы она ни любила, в её кубке был яд для него, и князю плевать, хотела она или нет. Сделала и сделала... Скорей всего, княжна и в самом деле ничего не знает, даже где находится в данный момент её отец – она должна была лишь провести ночь с князем, а затем направиться в столицу и ждать там.

Когда княжну уводят, уже начинает светать. Ирислав устал. И на душе скверно. И воля даёт слабину.

– Лаис, – почти беззвучно выдыхает он. Она ещё здесь? Отзовётся? Совсем уж невероятное, но такое желанное – останется?..

Ни единого звука в ответ. То ли давно ушла, то ли не желает отзываться. Князь вытягивается на кровати – как был, в штанах и сапогах, поправляет кольцо, закрывает глаза. Иногда надо просто ни о чём не думать...

Утром с неба льёт как из ведра. Холодный дождь и никакой грозы. Лаис не понравится – усмехается сам себе Ирислав. Можно было бы добавить грозу, но тогда ливень затянется на целый день, а им в любом случае надо ехать. Сам Ирислав стоит под ледяными, тяжёлыми струями воды с большим удовольствием, даже закрывает глаза и подставляет лицо. Вода лечит усталость куда лучше, чем сон. По крайней мере, чем всего два часа сна уж точно.

– Простите меня.

Лаис, легка на помине. Насквозь мокрая рубашка не оставляет места воображению, но зато взгляд – сплошная череда загадок...

– Доброго утра, госпожа Аделаис, – чуть улыбается князь. – Вы кого-то убили?

– Вторглась к вам в спальню, – чуть морщится девушка. – Это было... лишним. Недопустимым. Простите.

На язык так и просится «вас, Лаис, я рад видеть в любое время в своей спальне», но слишком пошло получится, а искреннее «в любое время и в любом месте» уж точно ни к чему. Сбежит ещё.

Так что Ирислав просто кивает и снова закрывает глаза.

– И за Йара тоже простите.

Он снова кивает. И безошибочно угадав момент, когда девушка решила, что на диалог он не настроен и собралась уходить:

– Я лщу себе надеждой, что вы это сделали, потому что я вам не безразличен, госпожа Аделаис.

– Я лщу себе надеждой, что сумею это преодолеть, Ваша Светлость, – мягко отзывается Лаис.

Приложу все усилия, чтобы нет! – думает Его Светлость ей вслед.

В протоколе, который ложится ему в руки, стоит только вернуться на постоянный двор, практически ничего нового. Княжна – глупая пешка в руках своего отца, что, впрочем, отнюдь не смягчит наказание. Приворот в вине, запрещённый, безотказный... основанный на помолвке. Не потеряй он настолько голову от Лаис, был бы уже женат... И с одной стороны – хорошо, что сложилось так, а с другой – страшно. Долг перед девушкой альдом уже неоплатный, и то, что он продолжает расти... Ирислав много раз видел, как это происходит. Жизнь не любит неравновесие, и если один и тот же спас тебе жизнь несколько раз, будь уверен – вот-вот придёт твой черёд платить тем же. И остаётся только молиться Творцу, чтобы не оплошать и не подвести.

Глава 13

Замок княгини Шестого княжества похож на лабиринт. Узкие извилистые ходы, закручивающиеся, кажется, без всякой системы, низкие потолки и скудное освещение. Совсем скудное. Глазам альда – не помеха, но как сами люди там ориентируются – непонятно. Должно быть, многолетняя привычка. Зато сама княгиня на удивление хороша, и Лаис с удовольствием её рассматривает. Идеальная осанка, белоснежная кожа, тёмно-вишнёвые глаза...

Вдовствующей княгине Иршше тридцать семь, но даже самый пристрастный недоброжелатель вряд ли даст больше тридцати. Госпожа Аделаис совершенно беспристрастна, поэтому легко признаёт – княгиня выглядит на двадцать пять-двадцать-семь, всего на несколько лет старше, чем её дочери.

Йар рассказал, что одна из дочерей – приёмная, и Лаис с удивлением понимает, что так сходно и не угадать. Обе девушки одинаково не похожи на мать.

– Ваша Светлость, – почти по-военному склоняет голову Иршша, не делая ни малейшей попытки вручить князю руку для поцелуя. Определённо, Лаис княгиня нравится. Нет, она вовсе не забыла, что все странные следы везут именно в Шестое княжество, но что в друзьях, что во врагах, что просто в знакомых куда приятнее иметь тех, кто что-то из себя представляет.

– Госпожа Аделаис, – снова обозначает поклон хозяйка замка.

– Госпожа Иршша, – зеркалит полупоклон Лаис.

– В нашем захолустье, – чуть виновато улыбается княгиня, – до сих пор ещё не все последствия Кровавой Империи рассосались. Пожалуйста, не гуляйте без сопровождения, чтобы не пострадать.

Аделаис вежливо улыбается и молчит. Княгиня – не дура, и наверняка об альдах знает куда больше, чем тот же Ирислав. В частности, что вряд ли есть лучший способ подбить альда на глупости, чем предостеречь от них.

К счастью, торжественная часть длится недолго – Иршша прекрасно понимает, что гости устали с дороги, так что уже скоро Лаис, как и всех остальных, ведут в выделенные покои. Изысканное оскорбление, замаскированное под заботу – покои девушки-альда примыкают к покоям Его Светлости, и даже больше – соединены проходом. Незамужняя человеческая девушка должна от такого то ли лишиться чувств, то ли устроить скандал, то ли попроситься с репутацией... Лаис лишь пожимает плечами.

А умывшись и переодевшись, и вовсе стучит в полупотайную – скрытую за прозрачной занавеской дверь.

Ирислав открывает почти сразу. Видимо, он тоже умывался – обнажён по пояс, волосы ещё мокрые, в одной руке бокал с вином, в другой – кусок варёного мяса, к которому князь ещё, похоже, не приступал.

– Благодарю! – улыбается Лаис и, удивляясь собственной наглости, забирает бокал и кусок мяса из рук совершенно не сопротивляющегося князя. В конце концов, он сам велел ей ничего на официальном приёме и на балу не есть. А то, что из бокала князь уже пил... тем вкуснее вино.

– Зайди, – то ли предлагает, то ли разрешает князь, и Лаис идёт, набрасывая и на себя, и на князя отвод глаз. Пусть те, кто следит за покоями Ирислава, думают, что он пошёл к ней, а те, кто за её покоями – что она пошла к нему. А пока что можно и поговорить.

Оглядевшись, девушка усаживается на комод. Подоконники здесь узкие, а кресла – низкие и слишком мягкие. А князь – слишком хорош...

– Что скажете? – спрашивает он, направляясь к столу, где лежит ещё мясо. И сыр, и фрукты, и куча всего.

– Хорошее вино, – улыбается Аделаис, делая третий глоток и отставляя бокал на край используемого не по назначению комода. – Красивая умная княгиня. Непонятные дочери...

Ирислав согласно кивает, просит:

– Расскажите про Кровавую Империю, Лаис.

Девушка вздыхает и снова берёт бокал, делает ещё глоток вина. Кажется, отказать не выйдет. Вернее, не то чтобы не выйдет, но будет неправильно.

– Несколько веков назад это было, – неохотно начинает говорить она. – Альдам показалось, что они могут править миром. Жизнь наглядно продемонстрировала, что лишь показалось. Теперь мы не любим вспоминать то время – стыдно, но и забыть себе не позволяем. Было много крови с обеих сторон, поэтому так вот назвали...

– И что же пошло не так? – князь ставит на комод рядом с ней блюдо с самой разнообразной едой.

– Всё, – девушка берёт орех и колет его просто чуть сильнее сжав пальцы. – Люди не смирились. Чем жёстче были установленные альдами правила, тем яростнее было сопротивление. Численность и людей и альдов неуклонно и очень быстро снижалась... и нам хватило ума остановиться. Я не могу поручиться за каждого альда, но верю, что как раса мы это переросли.

– Вы будете осторожны, Лаис? – спрашивает князь, то ли по невнимательности, то ли намеренно – из жадности или из принципа? – отпивая из того же бокала, что и она.

– Разумеется, – легко обещает девушка. – А вы?

– И я, – так же легко соглашается князь. – У меня ещё несколько вопросов к княгине, которые я хотел бы решить до бала. Оставайтесь здесь, сколько хотите.

Лаис качает головой и спрыгивает с комода.

Ирислав галантно открывает перед ней дверь:

– Увижу вас на балу.

Занять два-три часа до бала, сидя в своих покоях, совершенно нечем, так что Лаис идёт гулять по дворцу. Осторожно, ведь предупреждение княгини нельзя сбрасывать со счетов, тем более что пока непонятно, чем она руководствовалась, его делая... Можно было бы привлечь Йара и ребят, но, решив не испытывать терпение князя, госпожа Аделаис всех отослала. Во дворце княгини нет никаких аномалий, что же касается всего княжества... у Лаис есть от Йара наскоро набросанная карта – какие места лучше обходить, какие проходы безопасны, и какая территория не изучена, и этого уже достаточно, чтобы благоразумный альд, а Аделаис – крайне благоразумный альд, не влип в какие-нибудь неприятности.

Для начала девушка под отводом глаз скользит по дворцу. Иногда достаточно послушать разговоры слуг и стражи, и всё становится понятно... Во дворце княгини слуги то ли отлично вышколены, то ли специально предупреждены. Ни одного лишнего слова, ни одной сплетни, всё сугубо по делу и о деле – о подготовке к балу. Даже девушке-альду никто кости не перемыл, хотя Лаис была готова услышать и «альдиха», и «альдянка», и ещё что похуже...

Тогда она присматривается к спальне Её Светлости вдовствующей княгини Иррши. На двери явно какое-то заклятие, и девушка могла бы его состарить и уничтожить, но это всё равно что оставить здесь свою подпись... международный скандал, да и только. На спальнях дочерей – то же самое, если Лаис правильно определила двери. И она уже собирается ни с чем повернуть обратно, но ей неожиданно везёт. Дверь покоев чуть приоткрывается, кажется, буквально на секунду, всего лишь мимолётное движение воздуха, кто угодно решил бы, что ему лишь показалось... но Лаис, повинувшись внезапно встрепенувшейся интуиции, задаёт смещение во времени ровно на столько же, на сколько оно было сделано в том альдовом амулете, и с замиранием сердца следует за появившимся вдруг в ещё недавно пустом коридоре альдом. Поддерживать двойное смещение – отнимает чёртову кучу сил, и у девушки моментально начинает болеть голова, но она слишком боится спугнуть нежданно-негаданно появившегося соотечественника.

Альд ей незнаком. Конечно, Лаис знает далеко не всех, но и народ альдов не такой уж многочисленный, и есть какие-то плохо различимые, но однозначно идентифицируемые подсознанием признаки, которые говорят – свой. Пусть и не знакомый, но свой. Этот альд был чужим. Словно бы с другого края земли. Другие повадки, другой стиль одежды, всё другое... Тем любопытнее было Лаис. Откуда взялся, что делал, куда направляется? Задать эти вопросы

она, вероятно, ещё успеет, но чем больше ты знаешь о собеседнике, тем меньше у него стимула и шансов тебе солгать. Так что сначала стоит за ним проследить.

О том, чтобы сообщить Ириславу, Лаис даже и не подумала. Впрочем, если бы эта мысль и пришла к ней в голову, она была бы решительно отвергнута. Не может быть и речи о том, чтобы поделиться чем-то, что с большой вероятностью альдам навредит. И возможная опасность – не повод поставить свою собственную шкуру выше благополучия народа и успеха своей дипломатической миссии.

Альд двигается быстро и уверенно, он явно не первый раз во всех этих коридорах, Лаис давно сбилась со счёта поворотов, и догадайся альд сменить отвод глаз, девушке пришлось бы знатно поплутать, чтобы выйти обратно. К счастью, объект слежки беспечен и самоуверен – общая черта альдов при общении с людьми. Даже не обернувшись ни разу, он выходит через потайной ход наружу, в уже наступившие сумерки, и лёгким бегом направляется куда-то на восток, примерно в ту сторону, где они ещё вчера любовались последствиями магического огня. Аделаис не может и не хочет терять столь шикарную зацепку, так что следует за ним. Хочется отбросить второе смещение, от которого уже слезятся глаза, но осторожность и предусмотрительность не дают.

Забег длится около часа, но это скорость альдов, человек на лошади добирался бы не менее пяти, а то и семи часов. Лаис кажется, что она близка к цели, она запрещает себе раньше времени ликовать, но ощущение, что разгадка вот-вот наступит, кружит голову и спутывает мысли... И тут альд пропадает.

Вот только что он ступил на ровную, хорошо освещённую поверхность... и вот его нет.

Неужели всё-таки понял, что за ним следят, и поменял отвод глаз? От разочарования хочется застонать... А главное – знать бы, как давно он что-то понял? Может быть, весь след был ложью?

Лаис, уже не торопясь, идёт на то место, где пропал альд. С виду – ничего, и в карте Йара этого места нет, да и с чего бы ему тут быть, если ничего не чувствуется... но стоит сделать пару шагов, и голову словно сжимает тисками, воздух выгорает в лёгких, а по коже прокатывается озноб... И проморгавшись после неожиданно заполнившего глаза тумана, Лаис видит перед собой совсем другой пейзаж.

Девушка инстинктивно делает пару шагов назад... но ничего не происходит. Лаис скидывает отвод глаз, чтобы не мешал, внимательно осматривает пустырь, на котором оказалась... ничего. Идеальная ловушка для альдов. Незаметная и непреодолимая.

Впрочем, отчаиваться девушка не спешит. Тот альд ведь как-то вышел? Значит, путь наружу есть, и его можно отыскать. А пока стоит пойти осмотреться.

В нескольких сотнях шагов располагается деревня. Вернее, остатки деревни. Даже в неверном свете луны и очень издалека Лаис видит, что целых домов почти не осталось, но это единственное место в обозримых окрестностях, где кто-нибудь мог бы жить. Так что девушка идёт туда. С близкого расстояния вид совсем удручающий, но зато и гадать не приходится – всего один дом производит впечатление обжитого.

Лаис замирает на несколько секунд под дверью, затем под окном, пытаясь на слух определить, что там происходит... не слышно ничего, лишь лёгкий, едва различимый скрип половиц...

Решив оставить обитаемый дом на потом, девушка направляется к заброшенным. Может быть, они помогут понять, что происходит...

– Кто ты?! – настаивает её заданный прерывающимся от волнения голосом вопрос. – Альд?!

Аделаис оборачивается в нескольких шагах от первого из домов, в которые собиралась наведаться.

– Альд, – чуть склоняет голову набок. – Аделаис. А ты?

– Альд... – недоверчиво повторяет объект её недавней слежки. И бухается на колени: – Будь моей женой!

Лаис достойно справляется с удивлением и, кажется, начинает догадываться, что происходит.

– Я – далеко не единственный альд на свете, – мягко сообщает она. – И даже далеко не единственная девушка-альд!

На лице её собеседника читается такое удивление, такая надежда, что Аделаис его жалко.

Жалость – оскорбление для взрослого альда, но этот, несмотря на внешнюю зрелость, производит впечатление потерявшегося ребёнка.

– Но где? Откуда? – растерянно говорит он. – Я знаю здесь каждый миллиметр, тут никого нет, и снаружи... она сказала, что альдов нет. Их истребили давным-давно, и я... мы – последние.
– Мы? – переспрашивает Аделаис. – Здесь есть кто-то ещё? Почему вы не уходите?

Глава 14

Княгиня Иршша и в самом деле умна. Пока был жив её муж, князь Виллад, Ирислав с княгиней не перемолвился и парой слов, и видел-то её мельком. Затем – особо не интересовался Шестым княжеством, ибо беспокойства оно не доставляло, налоги платило исправно, а располагалось на самой окраине, пусть и занимало обширную площадь. Не до того было. Слишком много трудностей от других княжеств было, слишком много дел...

– Почему не сложилась ваша помолвка с Третьим княжеством? – спрашивает Иршша, когда хозяйственные дела уже обсуждены. Склоняет голову набок, посылая князю завлекающую улыбку. Ириславу кажется, что на него открыта охота, но хочется думать, что охотница просчиталась и «дичь» недооценила...

– Почему вы считаете, что вас это касается? – интересуется князь.

– У меня две дочери. И обе они куда красивее, чем княжна Третьего княжества. И главное, – Иршша подаётся вперёд, демонстрируя безупречное декольте, и даже на секунду касается его руки, – у них умная мать. Куда умнее, чем князь Миклан и его жена вместе взятые.

– Вы делаете мне предложение? – Ирислав заламывает бровь в лучших традициях госпожи Аделаис.

– Да, – ничуть не смущается княгиня, тёмно-вишнёвые глаза смотрят в упор. – Подумайте, Ваша Светлость. Я могу быть очень хорошим союзником.

– Не сомневайтесь, что можете, Ваша Светлость, – отзывается князь. – Но я решил, что жениться по политическим соображениям – ошибка. Теперь – только по зову сердца.

– Тем более, – нежно улыбается собеседница. И уже непонятно, на дочерей она намекает или на себя. Хорошо ещё, если не на всех сразу.

Ирислав сдержанно улыбается, благодарит за оказанную честь, и встаёт, предлагая руку Её Светлости. Бал уже, вероятно, начался.

На балу Ирислав невольно ищет глазами Лаис. Ищет и не находит. Узнать бы, почему не пришла. Не захотела? Увлеклась чем-то другим? Нашла-таки какие-нибудь неприятности?

Князь танцует с обеими дочерьми Иршши – крайне молчаливыми, с самой княгиней, загадочно ему улыбающейся, ещё с какой-то тараторящей женщиной... а Аделаис всё нет. Разумеется, госпожа посол вовсе не обязана присутствовать на балу, но если бы не планировала, наверное, сообщила бы? Что-то, а правила дипломатической вежливости девушка-альд соблюдает железно...

Не в силах побороть беспокойство, князь отлучается на несколько минут с бала, идёт в покои, беспрепятственно заходит к Лаис... никаких следов ни девушки, ни борьбы, ничего. Где же ходит зеленоглазая красавица?

Возвращается на бал, а тревога грызёт хуже самого злого волка. Скорее всего, Аделаис просто отправилась «погулять», как она любит – с радиусом прогулки во всё княжество, если не более, но всё же – почему не предупредила? Даже в Первом княжестве, в его столице – отпрашивалась. Теперь же просто ушла?

Княгиня Иршша. Подходит ближе, чем требуется. Прикасается плечом. Вкладывает в его руку бокал с вином, спрашивает о Лаис:

– Где ваша... гостя?

Ирислав пожимает плечами:

– Вероятно, гуляет. Иршша, а о каких последствиях Кровавой Империи вы говорили?

Её Светлость загадочно улыбается:

– Есть несколько мест с магическими аномалиями... Ирислав. Мы примерно знаем, как они действуют на людей, но так как альдов давно на территории княжества нет, не можем угадать, как подействует на них... Нет, я уверена, что вашей... госте ничего не угрожает. Просто должна была предупредить... Потанцуете со мной ещё? Я давно не получала такого удовольствия от танцев, вы – превосходный партнёр!

Ириславу хочется поморщиться от такой откровенной лести, но благодаря выработанной годами привычке на лице его ничего не отражается. К тому же лучше с княгиней танцевать, чем пить её вино. Князь ставит бокал на поднос моментально появившегося рядом слуги и предлагает женщине руку. Танцевать – не целовать...

Впрочем, после одного танца Ирислав уходит, сославшись на усталость. Дело, разумеется, не в ней, дело в грызущей изнутри тревоге, а ещё княгиня – несомненно весьма привлекательная особа, если судить объективно и непредвзято – начинает раздражать. Она держится идеально в рамках приличий, и даже не повторяет больше свои предложения, разве что тёмные глаза смотрят слишком бесстыдно и откровенно, но у князя ощущение, что он в самом центре недружественной военной кампании. И то, что он пока не заметил, где на него нападают, делает только хуже.

Поэтому он уходит, и стоит выйти из душного, наполненного горящими свечами зала, сразу становится легче. А может, просто княгиня осталась там? Ирислав задумчиво крутит на пальце кольцо. Показалось ему, или оно и в самом деле нагрелось при разговоре и затем при танце с княгиней Иршшей? И если да, то что бы это значило?

В одном из многочисленных коридоров, где ориентироваться, по мнению Ирислава, может только настоящий крот, но вроде бы за пару поворотов до покоев ему попадает навстречу Лаис. Девушка дежурно улыбается, обозначив поклон, и собирается пройти мимо. Мимо?! – Вы не сочли нужным посетить бал, госпожа Аделаис? – резче, чем следовало, спрашивает князь. Признаться честно, непосещение бала и какого угодно мероприятия он простил бы ей гораздо легче, чем вот этот вот равнодушный взгляд.

– Прошу прощения, Ваша Светлость, – певуче отзывается девушка, сверкая изумрудными глазами. – У меня были дела. Готова отправиться на бал прямо сейчас!

Подобный вариант Ирислава совершенно не устраивает. Потому что он сам уже ушёл с этого самого бала, сославшись на усталость, и вернуться через пятнадцать минут – каприз, недостойный воина и мужа, а такой красивой девушке делать без него на балу совершенно нечего...

Пока князь раздумывает, как ей об этом сообщить, девушка хитро улыбается и делает шаг к нему.

– Могу не ходить на бал, – шепчет она, глядя снизу вверх. – Если у вас ко мне срочное... государственное... дело!

– Срочное, – соглашается князь, прищуриваясь. – Государственное.

Какое именно он ещё не решил, но что-нибудь уж придумает...

Впрочем, придумывать ничего не приходится. Девушка поднимает руку, гладит его по щеке. Почему-то вместо радости князь испытывает беспокойство. Происходит что-то не то. Лаис на редкость последовательна, и если попросила соблюдать дистанцию, вряд ли нарушит её вот так вот откровенно, почти напрашиваясь...

Дальше – больше. Руки скользят по его плечам, спускаясь вниз, до самых кончиков пальцев... и она опускается на колени. Не отводя взгляда и демонстративно облизнув губы.

Ирислав чувствует лёгкое касание к своей руке, а затем девушка берётся за пряжку ремня.

– Здесь? – спрашивает князь. Ощущение фальши зашкаливает, но мозг, приученный верить глазам, ещё цепляется за картинку. Ответь она «где угодно, когда угодно, только скажи», и он бы не устоял. Но девушка, кем бы они ни была, не знает и не может знать то, что слышала одна лишь настоящая Лаис.

– Никто не увидит, я позаботилась, – отвечает голос так похожий на голос девушки-альда.

Ирислав наматывает шёлковые волосы на кулак... и резко дёргает вверх. К горлу нож. И главный вопрос:

– Где настоящая Лаис?

– Я настоящая! – испуганно выдыхает девушка.

Даже не смешно. Настоящая Лаис уже давно вывернулась бы и приставила нож к его шее, если не куда похуже.

– Разожми руку, – требует князь – девица что-то сжимает в кулаке. А когда он её встретил, готов поклясться, ничего у неё в руках не было. Яд? Какой-нибудь амулет?

Девушка не спешит выполнять приказ, и князь надавливает, делая порез.

– Раз, – говорит он. – На «три» я перережу тебе горло и посмотрю, что ты прятала в руке, сам. Два. Тр...

– На! – выкрикивает девушка, выбрасывая руку вперёд. На ладони лежит его кольцо, и князь очень сильно раздосадован на себя самого, что даже не заметил, как лже-Лаис сняла...

– Сюда, – говорит он.

Девушка поднимает руку, и Ирислав забирает кольцо. Воспользовавшись тем, что нож убрал от шеи, девушка делает рывок, оставляя волосы в руках у слегка опешившего князя, и смазанным силуэтом исчезает за поворотом. Он отшвыривает парик, надевает кольцо и идёт следом – разумеется, никого. И след простыл.

И где искать настоящую Лаис? Видимо, где-то снаружи.

Ирислав выходит из замка: один, без охраны, провожаемый любопытными взглядами как своих, так и местных дружинников. Идёт в конюшню, самолично седлает коня, ведёт его в поводу через замковые ворота, по навесному мосту, перекинутому через широкий и, надо думать, глубокий ров. Застоявшийся в стойле конь фыркает, рвёт повод из рук, толкает хозяина мордой в плечо – садись, мол. Поскакали уже.

Князь продолжает идти пешком, и уже через несколько минут сворачивает с дороги в лес. На ходу снимает кольцо, подбирает немного силы, пока что просто осмотреться вокруг... Никого. Может ли быть, что наблюдение за ним не пошло? Или свои сработали как надо и перехватили людей княгини, если те и направлялись следом? Как бы там ни было, никого. А значит, можно зайти дальше.

Он привязывает начавшего нервничать коня к дереву, отходит на пятьдесят шагов... и медлит, решаясь. Тянет время, давая себе шанс передумать, вытащить из кармана кольцо, надеть, и поиски госпожи Аделаис оставить специально обученным людям. Ну и что с того, что они могут потратить на это не одну неделю? Можно было бы ещё обратиться к альдам... если их найти, вроде бы, все они покинули княжества. Варианты есть, положение не безвыходное... дело лишь только в том, что каждая секунда промедления причиняет почти физические страдания, стоит только допустить мысль, что Аделаис в беде, и что каждое мгновение, которое он медлит, уменьшает шансы на спасение.

Ирислав зачёрпывает теперь уже много. Много силы, много звуков, запахов, следов... Надо мыслями и силой вернуться к замку, чтобы нащупать след оттуда, это даётся очень легко, и именно лёгкость пугает. Как отказаться от могущества, которое само ложится в руки? От силы, которая ластится и льнёт... от возможности лёгким движением пальца создавать и разрушать горы. Разум помнит – это чревато безумием и гибелью, но так ли это на самом деле? А вдруг, это лишь придумка завистливых и слабых классических магов?

Сила искушает, и пока, к счастью, ещё не сильно, но что будет через несколько часов?..

След Лаис находится быстро. И, кажется, она шла не одна. Рядом шёл другой альд. Не Йар, нет. Кто-то ещё. Ирислав почти без сожалений надевает кольцо и идёт обратно к перепуганному коню. Направление на ближайший час известно, потом... потом придётся повторить.

Несмотря на опасения, Верховный князь Шести княжеств самонадеянно полагал, что с искушением будет не так уж сложно справиться. Как бы не так. Кажется, каждое следующее обращение к силе, погружение в неё, растит зависимость в геометрической прогрессии. Уже на исходе второго часа, когда он третий раз «слушает» мир, надеть кольцо обратно – почти непосильная задача. «Я твоя» – шепчет земля под ногами, – «прими!». «Я отнесу тебя, куда надо, отдай мне своё сердце целиком», – поёт ему в уши ветер. И даже вода в недрах земли зовёт. Говорят, что жизнь измеряется не количеством вдохов, а количеством моментов, когда перехватывало дыхание, и стоит ли бороться со своей сутью и предназначением, со своей судьбой, чтобы прожить дольше на какие-то несколько десятков лет, прожить тусклой, серой жизнью, отказавшись от красок мира... от самого мира и от всех удовольствий в нём.

Ощущение, что стоит надеть кольцо, и ты станешь предателем. Такой ласковый, такой открытый тебе мир, как можно закрыться в ответ?

Ирислав стискивает зубы и надевает кольцо. Найду – поцелую, что бы госпожа Аделаис об этом ни думала, – обещает себе. И посеревший было мир становится чуть веселее.

Четвёртый раз он оттягивает, как может. Едет около двух с половиной часов, рискуя проехать точку назначения, но понимая, что его хватит ещё на один, самый максимум – на два раза, и то риск стать неуправляемым, невменяемым воплощением стихии слишком велик... он не имеет права так рисковать. Знает, что нельзя, что неправ, неправ перед собой, перед своим народом, перед всеми людьми... но и остановиться не может.

Теперь силу уже не надо звать. Стоит снять кольцо, и она тут как тут, ложится в руки, и захочешь не взять – не сможешь. Вот и конь уже, привычный ко многому, начинает шарахаться от него даже когда он с кольцом...

И всё-таки приходится рискнуть и в пятый раз.

Вот место, где Лаис просто исчезла. Ирислав подходит к нему уже пешком – коня он не стал привязывать, расседлал, снял уздечку, и тот пустился с места в галоп ещё до того, как князь снял кольцо...

Он берёт силу ещё и ещё, кажется, резервы стихий неисчерпаемы. Стоило ли ограничивать себя столько лет? Ирислав уже не может точно вспомнить почему, но до сих пор твёрдо уверен, что стоило. Кажется, это что-то про самоуважение и про то, что сиюминутный кайф не стоит того, чтобы предавать самого себя... но чем дальше, тем больше слова теряют стоявший за ними ещё недавно смысл.

На месте исчезновения Лаис лабиринт из полупрозрачных стен. Как будто мир заворачивается в этом месте сам в себя... и выхода в этом лабиринте нет. Не предусмотрено. Ни альд, ни человек не покинут идеальную ловушку, и даже не увидят, пока не зайдут внутрь. Вероятно, это одно из наследий Кровавой империи, и Ирислав чувствует совершенно неуместную гордость за свою расу – неизвестно, сколько крови и сил стоило создание ловушки, но люди, похоже, и в самом деле сопротивлялись яростно. Впрочем, сейчас любое чувство, не связанное со стихиями – хорошо.

Можно сделать в лабиринте дверь... наверное, даже нужно сделать дверь... но сделал её размером больше, чем устоявшие полстены, стоит ли оставлять остальное?

Угадывавшиеся внутри лабиринта фигуры превращаются в Лаис и ещё двоих альдов, и даже в какого-то человека, и все они что-то говорят, но это не имеет никакого значения. Когда это стихию волновали людские или альдовы разговоры?

Не замечая, что вокруг него ураган, а тело начинает светиться бело-синим пламенем, словно Ирислав – сам по себе молния, он идёт к Аделаис. Альды и человек бросаются враспынную, а она стоит. Смотрит своими невероятно зелёными глазами, и произносит какие-то не имеющие уже никакого значения слова...

Он делает, что обещал сам себе. Притягивает, целует... и как ни странно, именно от этого становится легче. Словно Лаис забирает лишнее. Лучше становится настолько, что Ирислав даже находит в себе силы достать из кармана кольцо и надеть на палец.

Краткий миг покоя и тоски по силе... а затем кольцо, не выдержав уже установленного притяжения, разлетается на осколки, и между князем и силой нет никакой преграды. Она снова вся его.

Глава 15

Чего только ни перепробовали люди во времена Кровавой Империи, пытаясь скинуть ненавистное иго. И яды, и заклятия, и самые разные ловушки... Лаис читала в летописях, что более или менее значимого успеха человеческая раса не добилась ни в чём, несмотря на единичные удачные случаи. Те же ловушки, как правило, не удавались, не обладали достаточной стабильностью, распадались под объединёнными усилиями альдов, или даже сами по себе, по прошествии определённого времени...

Лаис пятый раз, уже без всякой надежды и на чистом упрямстве пытается выйти за пределы деревни больше, чем на сотню шагов. Ничего. Пространство упрямо сворачивается, замыкаясь само на себя, и она лишь напрасно тратит силы... Рядом топает несостоявшийся жених, впрочем, кажется, до сих пор не теряющий надежды. Он смотрит на неё с таким восторгом и обожанием, что Аделаис неловко. И очень его жалко, и не получается перестать жалеть, даже если напомнить себе, что жалость – оскорбление для альда. Этот не воспринимается альдом. Не бывает настолько не уверенных в себе, настолько не любящих себя альдов, ищущих опору в любом рядом подвернувшемся.

– Грозу любишь? – спрашивает Аделаис просто чтобы что-то сказать. Невозможно молчать под этим щеняче-преданным взглядом. Хочется встряхнуть парня за плечи и приказывать быть мужиком, как будто это может помочь, а потом найти кладбище, где похоронен тот, кто создал ловушку много столетий назад, и надругаться над его могилой.

– Грозу? – растерянно переспрашивает Торм. – А что это?

Аделаис вздыхает. Лишить альдов ещё и грозы – немислимо...

История, которую поведал Торм, простая и незамысловатая. Впрочем, возможно, все самые нужные и интересные детали просто потерялись за несколько веков. Ближе к закату Кровавой Империи был крупный мятеж, и был выслан отряд разящих – альдов – карателей... и вот они-то и попались в расставленную ловушку. Вместе с несколькими сотнями людей – жителей деревни, вокруг которой неизвестный маг закрутил пространство. Как люди и альды ужились

вначале – история умалчивает, зато очень хорошо известно, что было потом. От союза альда и человека всегда рождается альд. У альдов девочки рождаются в разы реже, чем пацаны. И очень редко рождается больше двух детей, да и двое, честно говоря, уже много... В какой-то момент людей в деревне не осталось вовсе – только альды, а потом и их количество начало снижаться, пока не осталось всего двое. Торм и его пожилая мать.

Он с детства знал, что последний. Что ему доживать свой век в полном одиночестве, без возможности поговорить хоть с кем-то... поэтому, когда полгода назад в его ограниченном мирке появилась человеческая девушка, это было настоящее чудо. Девушка могла приходить и уходить, и она обещала вывести альдов, но надо было тщательно всё подготовить. Она же сказала, что других альдов не осталось, что их победили и истребили, что люди нашли безотказное оружие против альдов, и теперь каждый, стоит ему встретить альда, может его убить. Торм очень хотел выйти и вывести мать. Ради этого он был готов ждать, делать амулеты по забытой уже всеми технологии, он вообще был готов на что угодно... Впрочем, даже его стали одолевать сомнения. Так что девушка устроила ему вылазку в большой мир и беседу с княгиней. В том, что Торм вернётся обратно, никто не сомневался – тут его мать, да и большое количество страшилок о современном мире бесследно не прошло...

– Когда она придёт в следующий раз? – спрашивает Аделаис, осознав, что самостоятельно выбраться, похоже, и в самом деле не выйдет.

Ответ «через месяц-полтора» совершенно не утешает. К тому же княгиня достаточно умна, и, скорее всего, догадается, куда запропала гостя. А значит, скоро здесь будут маги, чтобы всех уничтожить. От альдов, узнавших, что они не одни, и что их обманули – один лишь вред. И от госпожи посла, сунувшей свой нос куда не следует – уж тем более...

Некоторое время Лаис мародёрствовала – прошлась по всем домам в поисках каких-нибудь интересных вещей или записей: улов, увы, оказался крайне скудным. Оказывается, Торм успел почти всё что было отдать этой таинственной девушке, как раз вот в обмен на экскурсию за пределы осточертевшей уже деревни. С одной стороны, Лаис помнила: он верил, что альдов больше нет, с другой – бесилась. Масла в огонь подливало то, что парень так и ходил за ней, и ещё раза три успел повторить своё предложение, словно не мог поверить в отказ. Аделаис, потеряв терпение, но стыдясь рявкнуть на убогого, соврала, что обручена с человеком, после чего на полчаса воцарилась тишина – видимо, альд отходил от душевного потрясения.

Мать Трома понравилась девушке чуть больше – она хоть и смотрела с плохо скрываемым обожанием и надеждой, по крайней мере, не делала предложений.

Ещё обнаружился человек – он старательно прятался по углам от альдов, пользуясь их же амулетом, альды молча за ним наблюдали, никаких попыток сблизиться не делая. И так ясно, что он выбраться не может. Иначе давно бы ушёл, а не воровал еду с огорода, каждый раз трясясь от страха почище любого зайца... По словам Трома парень появился здесь около двух недель назад. С ним определённо стоило побеседовать, но после того, как у неё появится хоть что-то, что можно будет противопоставить явившимся схлопнуть ловушку магам...

А потом ловушка рухнула сама. Половина непреодолимого для Лаис пространства выпрямилась, не то что открывая дверь, практически вытряхивая обитателей наружу. Просто потому, что один стихийный маг так захотел.

Лаис должна бы быть рада, что ловушка распалась, но тревога заслоняет всё остальное – кажется, чтобы сотворить такое стихийный маг должен впустить в себя много силы. Очень много. Далеко за той гранью, которую благоразумным стихийникам переходить не следует... Собственно, князь уже и не похож на разумного стихийного мага, да и просто на разумного. Он – воплощение стихии и стоять рядом с ним также опасно, как заглядывать в жерло извергающегося вулкана. Он идёт к ней, и Лаис знает, что надо бежать, но не в силах сделать и шага. Не столько от страха, сколько от нелепой, но такой сильной надежды. Отчаянно хочется верить в невозможное и несбыточное – а вдруг сила ещё не выжгла Ирислава, а вдруг он ещё здесь?..

– Ирислав, – беззвучно шепчет Аделаис, сама того не замечая. – Зачем? Ну зачем?..

Вместо ответа – горячие губы на её губах, прожигают как десяток молний сразу. Слишком много силы для Лаис, и она сбрасывает её в никуда, отчего вокруг начинают появляться синие снежинки...

Князь делает-таки невозможное: медленно достаёт кольцо и надевает на палец, и Аделаис уже готова петь от того, что из взгляда Ирислава потихоньку уходит первозданная мгла, и от того, что он справился, и она сейчас обожает его как никогда за стойкость и волю...

Кольцо рассыпается.

Мгла возвращается в глаза Его Светлости, а притихший было ураган начинает раскручиваться с новой силой.

Аделаис делает четверть шага вперёд и изо всех сил бьёт князя головой. Против грубой силы беззащитен любой маг. Ей мерещится, что стихия взволнованно крутится вокруг, но Лаис уже «запеленала» свою жертву в пространственно-временные потоки, отсекая от всего. Вот только что делать дальше? Стоит князю прийти в сознание, и все преграды рухнут так же, как и ловушка...

Она переводит взгляд на невольных свидетелей. Альды, может, и будут молчать об увиденном, хотя она за них и не поручилась бы – они всё же совсем другие, человек же точно не будет, так что упускать его нельзя.

Молодой, черноволосый мужчина замер неподвижно в хватке Трома, и Лаис чуть-чуть к последнему оттаивает – может, ещё и получится из мальчишки нормальный альд. Через пару лет.

– Ты кто? – зло спрашивает она. И, кажется, у неё получается по-настоящему страшно – мужчина ощутимо бледнеет. Злитесь девушка не на него, а на недружелюбные обстоятельства в лице княгини, которые, кажется, обставили её по всем фронтам, но и тип этот весьма подозрителен.

– Человек, – отзывается он, умудряясь не стучать зубами, хотя голос немного дрожит.

Действительно совсем немного, почти незаметно. – Я случайно проходил мимо... ничего не видел, ничего не запомнил... у меня тут тётушка недалеко живёт... пустите, дамы и господа альды, а?

– Имя? – спрашивает Аделаис, делая шаг вперёд. – Учти, у нас мало времени, так что у тебя одна попытка, человек. И я прекрасно знаю, где и как ты провёл последние две недели. И они, – кивок на альдов, – тоже знают.

– Ри... – начинает врать мужчина. Затем замолкает и называет, похоже, уже настоящее имя: – Яромир, госпожа. Я... я пригожусь!

Надо бы его допросить, но сейчас гораздо важнее убраться отсюда, чтобы не попасть в руки магов княгини, ибо от неё ничего хорошего ждать не приходится...

– Пойдёшь с нами, – говорит Лаис. – Если мне покажется, что хочешь сбежать – лишишься ноги. Я мнительная, так что не отставай!

Князь несёт Тром, пожилая женщина-альд, её зовут Алана, бодро идёт рядом, человек запыхался, но пока что поспекает, но Лаис всё кажется, что они идут недостаточно быстро. Она укрыла отряд двойным отводом глаз – спасибо Ириславу, сил у неё пока что через край, но если у княгини есть стихийный маг, то это всё напрасно, и как знать, не шагают ли они в уже расставленную ловушку? Стихийный маг обнаружит их, если уже не обнаружил, так же быстро, как отыскал Ирислав. Направление Лаис не меняет – без толку, единственное преимущество, которое у них может быть – это расстояние. Люди не способны двигаться с такой же скоростью, как альды. Конечно, задерживает Яромир, но не тащить же его на себе, пусть он и легче князя в полтора раза, как минимум...

– От кого ты прятался, Яромир? – спрашивает Аделаис у пытящего рядом мужчины. Имя кажется смутно знакомым. Кто-то не так давно что-то про Яромира говорил, но она не помнит. Да и мало ли на свете людей с одинаковыми именами...

То ли от вопроса, то ли от усталости, тот оступается, но не падает – Лаис резко дёргает его за ворот куртки вверх. Как котёнка за шкуру.

– Это не было попыткой побега, прекрасная госпожа, – заверяет мужчина, оправляя одежду и потирая шею. Надо же, до сих пор не потерял присутствия духа.

Девушка выразительно молчит, и Яромир, переведя дыхание, отзывается:

– Её Светлость... княгиня Иршша...

– Чем ты ей насолил? – Лаис легко перепрыгивает через поваленное дерево, ждёт, пока человек перелезет.

Яромир то ли не может справиться с дыханием, то ли замялся, подыскивая ответ на неудобный вопрос... и чем дольше он молчит, тем больше Аделаис уверяется в последнем.

– Ну? – подгоняет она его.

– Узнал кое-что лишнее, – неохотно пыхтит в ответ мужчина, и снова спотыкается.

Лаис бросает взгляд на Трома – тот не жалуется, хвала Творцу, впрочем, он кажется, вообще ни слова не произнёс после эффектного появления князя, так что, может, отойдёт от шока и начнёт... но пока что не жалуется, однако выглядит уже усталым. А тут и ручеёк журчит неподалёку...

– Привал, – командует девушка-альд. Её спутники кидаются к ручью умываться и пить, Лаис же задумчиво рассматривает Ирислава, удерживая себя от того, чтобы провести рукой по щеке. За последнюю пару дней у Его Светлости отросла небольшая щетина, но теперь в глазах Лаис его ничего не портит...

Она вздыхает. Время на исходе, а так ничего и не придумалось. Ирислав вот-вот очнётся, и хорошо ещё если она сможет вырубить его ещё раз, но это ведь никак проблему не решит. Знать бы, где верховный князь взял своё кольцо. Получил в наследство? Купил? Отнял?

Разграбил гробницу какого-нибудь древнего стихийника?.. Лаис чувствует усталость и острую ненависть к собственной беспомощности. А ещё зудящую потребность немедленно действовать. Вот только как? Позвать Йара? Бесплезно. Василину? Как? Да и добираться долго... не говоря уже о том, что это ещё более бесполезно, чем звать альдов.

Айвор. Айвор-ветер. Имя само ложится в память, и Лаис не может до конца сформулировать, почему именно он, но где-то внутри живёт ощущение, что это единственный шанс. Менестрель милостью самого Творца, получеловек-полудемон, знающий бесчисленное множество легенд, и по какой-то странной прихоти судьбы благоволящий к ней. Или благоволивший. Но сейчас это неважно. «Позови, и я приду» – говорил синеглазый бард. И она зовёт, закрывшись от своих спутников отводом глаз. Неправильно просить, ой как неправильно, но и не предпринять ничего – немыслимо.

– Айвор, – шепчет девушка вслух. – Айвор-ветер. Помоги!

Она не ждёт мгновенного чуда, вернее, ждёт, но совсем небольшого – что ветер подхватит и отнесёт её слова ему, а его ответ ей, или письмо прилетит как осенний лист и ляжет к её ногам, или ещё что... Но менестрель появляется сам. В нём нет ни капли альдовой крови, и пространство и время непокорны ему, но демонам и не надо, они перемещаются по-другому. Просто распадаются в одном месте и собираются в другом. Вот только Айвор – наполовину человек, и Лаис до боли стискивает руки, наблюдая, как мучительно медленно проявляется менестрель, из носа у него течёт кровь, а синие сапфировые глаза сейчас куда больше похожи на рубины... Переход отнял у Айвора не один год жизни, и кто бы мог подумать, что ответ на крик о помощи способен так горчить...

– Аделаис, – как ни в чём не бывало устремляет на неё взгляд менестрель, обволакивая серебряным голосом. – Ты звала.

– Звала, – соглашается Аделаис, бережно вытирая кровь с его лица. – Спасибо, что пришёл... Ириславу ещё можно помочь?

Глаза Айвора снова наливаются красным, и Лаис кажется, что она физически чувствует, как тают его годы. Он неспроста не пользуется никогда силой, слишком дорого это обходится. Разве можно было просить его о такой жертве? И пускай речь идёт не только о жизни Ирислава, а о жизнях не одной тысячи людей, ибо безумный стихийный маг – это стихийное бедствие, возведённое в десятую степень, но отделить чувства никак не получается, и сложно избавиться от мысли, что она меняет жизнь одного мужчины на жизнь другого, не имея на это никакого права...

– Он выгорел, – говорит Айвор, переводя на Лаис рубиновые глаза. – Там нечего спасать, Лаис Разящая. Только оболочка.

– Пожалуйста, – тихо отзывается Аделаис. – Попробуй.

– Он не будет прежним, – всё ещё смотрит на неё менестрель. – Но я сделаю для него ограничитель, раз ты просишь. С одним очень простым условием.

Глава 16

Глаза Ирислав открыл не сразу. Казалось, что он ещё не до конца очнулся, на половину, может, даже на треть, и вот-вот полностью придёт в себя... Но время шло, ничего не менялось, и глаза пришлось открыть, невзирая на пронзительное ощущение неполноты и неправильности происходящего.

Отправляясь в беспамятство, люди вряд ли задумываются о том, кого увидят очнувшись, вот и Ирислав, разумеется, не загадывал и не размышлял об этом, но всё же почему-то подсознательно был уверен, что, открыв глаза, увидит Лаис.

Вместо девушки-альда над ним склонился какой-то мужик, неопределённого возраста, и до отвращения напоминающий одного назойливого менестреля. Впрочем, воспоминание о поклоннике госпожи Аделаис не вызвало привычного раздражения, вместо него повеяло пустотой и такой тоской, что князь поторопился подняться на ноги. И только потом спросил: – Ты кто?

– Видишь? – говорит мужчина, оборачиваясь к... Аделаис. В голосе его сквозит облегчение и, кажется, неловкость. Словно испытывать это самое облегчение – стыдно.

– Вижу, – ровно и глухо отзывается Лаис, отодвигает то ли изрядно постаревшего Айвора, то ли его старшего родственника, и подходит вплотную. – Ваша Светлость, что вы помните?

Ирислав помнит всё. И глядя в глаза Лаис, он точно знает, что перед ним самая прекрасная девушка на свете, знает, что стоило рискнуть всем, чтобы увидеть столько нежности и беспокойства в таких непроницаемых обычно изумрудных глазах, знает, что его сердце вот-вот зайдётся от счастья, а в крови разгорится пожар, как всегда бывает от близости госпожи Аделаис...

Сердце бьётся до отвращения ровно. И собственная кровь кажется Ириславу студёной, застоявшейся водой. Ничего не отзывается внутри. Только какая-то запредельная тоска.

– Всё, – заставляет себя выдохнуть Ирислав. – Всё помню, госпожа Аделаис. До того момента, как вы меня вырубili.

Беспокойства в глазах девушки-альда становится ещё больше. Наверное, надо сказать ей, что всё хорошо, но князь ничего не чувствует, а значит, не понимает, зачем бы ему врать. Мир кажется серым и бессмысленным. То, что Ирислав помнит каково это, когда стихии – продолжение тела и мыслей, только всё усугубляет. Чтобы стоять, разговаривать, да и даже просто думать, приходится делать над собой усилие. Есть долг перед страной, который пока ещё не превратился в пустой звук, есть годами выработанные правила, а значит, есть ради чего терпеть. В конце концов, лечь и сдохнуть от тоски никогда не поздно.

– Кольцо – это ограничитель, – говорит мужчина. Ирислав почти уверен уже, что это Айвор-ветер. Голос – один в один, вот только лицо подводит. Возможно, госпожа Аделаис перестаралась и отправила буйного князя в беспамятство лет на тридцать, почти что как спящую красавицу? Остаётся только надеяться, что в чувство постаревший Айвор приводил его не поцелуем...

Мысли текут по привычке, но не найдя никакого отклика в душе, кажется, не найдя души вовсе, теряются и размываются...

Князь переводит взгляд на кольцо. Вместо тонкого, изящно-витого – массивное, серое, тусклое.

– К сожалению, – продолжает Айвор, – ваша душа необратимо пострадала от слияния со стихиями, Ваша Светлость. И я должен предупредить – если вы снимете кольцо, умрёте.

– От чего? – равнодушно спрашивает Ирислав. Менестреля надо бы убить. Хватит и того, что его тайна известна Лаис, княгине Иршше, и чёрт знает, кому ещё. Убить Айвора просто. У князя на поясе болтается нож. Протянуть руку, как бы благодаря, и вонзить под рёбра клинок. Вряд ли Аделаис успеет помешать. Альды быстры, но эффект неожиданности даёт фору даже перед альдом. Ну и что с того, что Айвор, похоже, приложил руку, а то и пару десятков лет, для его, Ирислава, спасения? Благодарность, как и благородство остались там, за гранью. Здесь есть только цель и средства для её достижения.

И всё же он медлит.

– Кольцо вас убьёт, – говорит Айвор, выдерживая пристальный до невежливости взгляд.

Князь бросает взгляд на Аделаис, и она опускает глаза. Нет, всё правильно. Если нашёлся безумец, который слился со стихиями до такой степени, что его душа ему уже не принадлежит, его надо ликвидировать. В прошлом он бы согласился. Сейчас же.... Сейчас ему стало неожиданно легче от того, что всё это можно быстро закончить.

– Я должна вернуться домой, – говорит Лаис. – Вам нужна помощь?

Ирислав знает, что можно и в самом деле попросить помощи. Попросить... и отдать свою страну в руки альдов? Вот уж нет.

– Не нужна. Прощайте, госпожа Аделаис.

Она медлит ещё несколько секунд, не отводит взгляд, словно ждёт, что он скажет что-то ещё. Ирислав молчит. Ему нечего сказать. Пустота внутри, кажется, становится всё больше, стремительно обесцвечивая все воспоминания. Скоро ему будет казаться удивительным, а то и вовсе небывалым, насколько жизнь была яркой всего несколько часов – или дней? – назад... – Идём, – говорит Айвор-ветер, трогая девушку за руку. Она вырывается, делает шаг вперёд, поднимается на цыпочки, и целует князя, на мгновение сжав его ладонь прохладными пальцами. Ему бы хотелось, чтобы это вызвало хоть какой-то отклик в душе. Или если не в душе, то хотя бы в теле... Увы.

Альды уходят вместе с менестрелем, зачем-то Ирислав смотрит и смотрит им вслед, Аделаис не оглядывается, и от этого почему-то становится ещё тоскливее... Наконец, князь переводит взгляд на мнущегося рядом человека. Молодой мужчина, ростом чуть выше среднего.

Преклоняет колено:

– Ваша Светлость!

– Яромир, – услужливо подсовывает имя память – портрет в досье был на диво хорош. Так что сомневаться не приходится – перед ним таинственно пропавший жених Русланы. Вот чуяло же сердце, что что-то с женишком этим нечисто, что бы иначе он тут в лесу сейчас делал? И уж тем более там, в ловушке для альдов.

– Отчего не бежишь? – спрашивает князь, берясь за меч. Не то чтобы парня было жалко, сейчас – нет, никого не жалко, ни Яромира, ни Руслану, ни даже себя, но, вероятно, у того есть какая-то причина, чтобы остаться. Не совсем же он идиот?

– Я дал слово госпоже Аделаис, – мрачно отзывается слегка побледневший идиот. – Я должен рассказать.

– Рассказывай, – соглашается Ирислав, убирая меч. – Надеюсь, идти и рассказывать ты можешь?

– Я всё могу, Ваша Светлость! – радостно бахвалится парень. Зря бахвалится. И радуется зря. Вполне возможно, что смерть отступила всего на несколько минут, пока длится рассказ, да, может, и вовсе не отступила, так и маячит рядышком, всего в полушаге...

Князь молча начинает идти, и бывший жених Русланы – Ирислав ничуть не сомневается в том, что бывший – бросается следом, начиная рассказывать.

– Я... признаться честно, Ваша Светлость, я был не самым законопослушным жителем княжеств...

Начало, прямо скажем, так себе. С другой стороны, может, это и хорошо, что врать не пытается.

– Нет-нет, Ваша Светлость, вы не подумайте, ничего такого, просто доставал разным людям всякие редкости, древности, то, сё... для княгини Иршши кое-что делал, всякие занятные вещицы доставал... Она любит их, платила щедро. Но у меня невеста появилась, так что я завязать решил... Последние пару заказов, думал, сделаю. Ну, то есть крайние. И прямо сглазил как будто!

Яромир делает паузу, явно провоцируя собеседника на вопрос, втягивая в разговор, но Ирислав, которому нынче чужды и куда более желанные чувства, чем нетерпение и любопытство, просто молча продолжает идти вперёд. Так что бывший Русланин женишок, чуть попрыгав, выдаёт-таки свою сенсацию:

– Она ненастоящая! Княгиня Иршша!

– В каком смысле? – всё же уточняет князь. Это полезная информация, её надо узнать, она может пригодиться. Надежды, что этот позёр сам выдаст всю нужную информацию, практически нет, так что оптимальнее спросить.

– Мы разговаривали. Она даже глазки мне строила, я, конечно, польщён, хоть и влюблён в другую. И вдруг чувствую – в кармане за пазухой словно огонь разгорается. Сразу даже и не понял. А у меня с собой был ещё один заказ, для параноика одного. Он уверен был, что жену ему подменили, хотя она разлюбила его просто, ну да неважно. В общем, амулет у меня был для него, специально по заказу сделанный, который распознаёт, если кто чары, внешность меняющие использует, а если поднести его поближе, то и разрушает. Я сначала решил – ну, ерунда. Княгине-то уже не двадцать пять, а вон как выглядит, наверняка, пару морщинок каким-нибудь амулетом скрывает. Правда, думаю, уходить скорее надо, а то амулет ведь одноразовый, сейчас как разрядится впустую, а я за него денег заплатил, всё по-честному... Да не тут-то было. Он так раскалился, что я терпеть уже не смог, вытащил из-за пазухи, а он руки жжёт, вот я и бросил непроизвольно на столик перед княгиней.

Ну, он там и рассыпался. А она... она возьми и превратись в совершенно невзрачную девушку. И глаза другие, и волосы, да и ростом, кажется, меньше стала, так что прямо платье на ней повисло как на вешалке...

Понял я, что подписал себе смертный приговор, и бежать надо срочно. Пока она опомниться не успела, бросил в лицо ей сонного зелья, амулет альдов активировал, и был таков.

– Дальше что? – спрашивает князь замолчавшего спутника. Рассказ крайне любопытный. Он ведь был уже почти уверен, что Иршша – ментальный маг, и главный его враг в текущий момент, теперь же получается, что княгиня – подставное лицо. Не бывают метаморфы менталистами. И никто кроме метаморфа не способен настолько изменить внешность. Чуть-чуть подправить лицо, визуальное возраст убрать или добавить – могут, многие могут, но так чтобы и рост, и конституцию и вообще всё... Получается, противников больше, чем он думал. Либо противник один, но куда хитрее и могущественнее, чем князь самонадеянно предполагал. – Дальше меня обуяла жадность, – вздыхает Яромир. – Я хотел напоследок разжиться амулетами альдов, но попал в ловушку, из которой не было выхода... пока вы не пришли. Ирислав сухо кивает, давая понять, что услышал. Пусть пока поживёт, женишок. Если попробует бежать, тогда князь его убьёт. Если не попробует, всё равно погибнет, только чуть позже.

Кто же ключевая фигура во всём этом? Иршша – очевидно, маг-метаморф. Она же попалась ему тогда в коридоре под видом Лаис в надежде утащить кольцо. Ибо кольцо мешало магу-менталисту приобрести себе ещё одного раба-стихийника. И княжество в придачу. Госпожа Аделаис говорила, что дочери странные. Ирислав особого внимания на их странности не обратил, легкомысленно и высокомерно списав всё на нелюдимость, застенчивость и волнение молодых девушек. Теперь же стоило вспомнить и бесстрастно обдумать, не отвлекаясь на терзающее чувство тревоги за Лаис, да и вообще ни на какие чувства не отвлекаясь, и выходило, что и правда странные. Одна из них, наверняка, стихийница. Понять бы только кто! А вторая... возможно, вторая и есть настоящий правитель Шестого княжества и тайный кукловод? Менталист может контролировать нескольких людей одновременно лишь в очень небольшой степени и очень недолго. Если требуется полный контроль, а не просто присмотр и «импульс» в нужный момент, менталист буквально влезает в голову другого человека. Тут уж не до того, чтобы с кем-то беседовать или танцевать...

Ирислав бросает взгляд на клонящееся к закату солнце, и ускоряет шаг. Нет никаких причин сомневаться в том, что скоро его настигнут люди княгини, и если он не упустил ещё что-то важное, то маг-менталист и стихийница должны быть среди них. Иначе не найдут. А контролировать стихийницу маг-менталист с большого расстояния не сможет, так что тоже приедет, как миленькая. Или миленький. Не следует пока исключать из рассмотрения никакую возможность.

– Какие ещё амулеты у тебя есть? – спрашивает князь.

– Осталась только защита от ментального воздействия. В нашем деле без неё никак. Окрутят, облапошат только так...

– Радиус действия? Надо надевать?

– Нет, надевать не надо, – неохотно отзывается Яромир, видимо, понимая, к чему всё идёт. – Метр вокруг где-то действует, может, полтора.

– Давай, – тоном, не допускающим возражений, говорит князь.

Парень отдаёт. Удивительное послушание от незаконопослушного прежде гражданина. Не в том ли дело, что госпожа альдов посол намекнула, что Руслана под его опекой?

– Ещё... вот. Госпожа Аделаис оставила для вас и для меня. Я не знаю, что эти амулеты делают. Вероятно, отводят глаза, но они не такие, как я видел до этого. Госпожа Аделаис сама их сделала...

Ирислав молча протягивает руку.

– Куда мы идём? – интересуется Яромир. Поколебавшись, добавляет: – Ваша Светлость.

Удержавшись от честного ответа «на смерть», князь отзывается:

– Туда, где у меня будет шанс сравнять счёт.

Впрочем, этот ответ тоже честен. Несмотря на ограничитель и угрозу от его снятия, Ирислав вовсе не чувствует себя загоняемой дичью. Если удастся достигнуть выбранного места, то он в случае смертельного исхода сможет забрать с собой всех. Хотелось бы, конечно, верить, что его люди идут по пятам за людьми княгини, но, учитывая амулеты альдов, вряд ли. Другое дело,

что людей княгини будет совсем немного. Слишком много секретов для широкого круга действующих лиц...

– Ты можешь не ходить, – внезапно говорит Ирислав. Нет, это не жалость, скорее привычка, или бессмысленная и отчаянная попытка остаться прежним, не выжженным изнутри. Как будто бы «казаться» может хоть частично заменить «быть».

– Я с вами, мой князь, – впервые совершенно серьёзно отзывается парень. – Так правильно. Князь молча ускоряет шаг. Пожалуй, он всё же отошлёт этого идиота. С каким-нибудь архиважным поручением.

Дойти до нужного места – вчерашнее единение со стихиями подарило ему ясную картину того, что есть на земле и под землёй – князь не успел совсем немного. Уже начался подъём, и растительность стала гораздо реже, но до намеченной цели оставалось ещё не менее нескольких тысяч шагов, когда в отдалении послышались звуки погони. Пришлось искать укрытие немедленно. Шанс, понятное дело, мизерный. Сам ведь проверил – стихийный маг найдёт кого угодно, хоть на земле, хоть в воздухе, хоть и на дне морском. И всё же... Даже если и заметят, не стоит упрощать задачу противнику и подставляться под стрелы и копьё.

Увы, максимум, что попало на глаза – огромное дупло, туда князь и забрался. Если повезёт, оттуда можно метнуть пару ножей, а дальше уже мечом... О том, что дерево стихийный маг может вырвать с корнем, лучше не думать.

Через несколько минут мимо, не замедлившись ни на секунду, даже не бросив взгляд в его сторону, пронеслись две девушки, вдвоём на одной порядком уже уставшей лошади, а за ними четыре всадника. Ирислав прислушался к затихающему вдали стуку копыт... выждал ещё пару минут и вылез из своего убежища. Вот как, оказывается...

Вариант, что эта встреча случайно князь не рассматривал. Просто княгиня – несмотря на рассказ Яромира, Ирислав продолжает мысленно называть своего противника княгиней, хоть и понимает, что за этим названием скрывается вовсе не Иршша, так вот княгиня не в курсе, насколько он беспомощен теперь, так что действовать решила, видимо, хитростью, а не силой. А «сила», вероятно, ушла в погоню за альдами.

Дальше деревья становились совсем невысокими и редкими, и Ирислав прекрасно видел, что происходит с девушками и их преследователями – девчонки добрались до скалы, к которой шёл и он сам, спешились, несмотря на уже очень близкую погоню... а дальше со скалы полетели камни, прямо в головы всадникам, и перепуганные лошади бросились враспынную, увозя безвольно свисающие тела.

Значит, стихийный маг здесь. Наглядная демонстрация, чтобы он «клянул»?

Князь не успел рассмотреть девушек, когда те пронеслись мимо, но теперь ничуть не сомневался – дочери княгини. По крайней мере, одна из них – стихийница. Второй должна быть менталистка. Спрятав ножи и активировав отнятый у Яромира амулет – вряд ли ограничитель способен защитить от ментальной магии, Ирислав направился к ним.

Надо отдать должное, выглядело всё очень убедительно: и брызги крови на земле, и валяющиеся вокруг камни, да и вид у девушек был крайне измученный. Одна из них лежала на земле, прикрыв глаза и поглаживая землю вокруг руками, другая стояла, выставив нож и настороженно вглядываясь в приближающегося мужчину. Затем выдохнула изумлённо:

– Ваша Светлость?! Князь Ирислав, это вы?! Хвала Творцу! – девушка отбросила нож и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

Князь остановился в паре метров от девушек. Наверное, хорошо, что у него не осталось никаких чувств. Если это ловушка, то выстроена она идеально. Ни один мужчина, мнящий себя защитником – а плох тот правитель, который себя в этой роли не видит – не устоит.

– Что случилось? – спросил он.

– Наша мать, – открыла глаза вторая девушка, – чудовище! Мы просим у вас защиты, Ваша Светлость. Как у Верховного князя Шести княжеств.

Ирислав молчит, поднимает одну бровь – кажется, при этом движении его всегда будет преследовать видение госпожи Аделаис. Жаль только, что теперь каждое воспоминание о ней отзывается лишь болезненной пустотой...

– Она ментальный маг, – снова говорит первая девушка. – И она заставляла Алсуру делать ужасные вещи!

Девушки говорят. Всхлипывают. Смотрят на него полными слёз и надежд глазами. И рассказ их звучит логично и, наверное, трогательно. Не поведай Яромир свою историю, было бы и вовсе

не за что зацепиться, вот разве что за тот факт, что Алсура пользовалась стихийной магией на его глазах, а сейчас выглядит вполне вменяемой. К несчастью, про стихийных магов известно очень мало, и самым стихийным магам в том числе, и Ирислав без понятия, возможно ли это – быть полностью или частично под ментальным контролем и остаться после этого в своём уме, и даже пользоваться силой, не захлёбываясь и не растворяясь в потоке. Судить по себе – не дело, у него и ситуация другая, и вообще – он давно выучил, что по себе равняют всех только совсем недалёкие люди. Мир гораздо разнообразнее, чем человеку кажется из своего ограниченного тела...

Соврал ли Яромир? Если да, то зачем? И кто из девушек на самом деле стихийный маг? Так ли на самом деле распределены роли, как ему показывают?

Вопрос «зачем затевать это представление» Ирислав не рассматривает. И так понятно – менталистка хочет получить разом и власть над Шестью княжествами, и сильного стихийника себе в подчинение. Рвануть если не из пешки, то из Ладьи прямо в Ферзи. И для этого ей всего-то надо оказаться возле князя, когда на нём нет защиты от ментальной магии. К счастью, защита у князя есть, плохо, что непроверенная, но что есть, то есть.

Девушка, если князь правильно помнит, то её представляли ему как Равенну, делает несколько шагов к нему. Невысокая, тоненькая, безоружная, с тонкой, бледной кожей, через которую просвечивают сеточки сосудов. Кому бы пришло в голову её опасаться? Ирислав молча смотрит, как она приближается. Ну, Яромир, проверим твой амулет...

Амулет работает. Причём, работает куда лучше, чем князь ожидал. Но этот тот случай, когда слишком хорошо – это уже очень даже плохо. Ирислав был уверен, что амулет, в лучшем случае, защищает того, кто его активировал, но оказалось, что он просто глушит любое ментальное воздействие. Вот только понял это он, уже когда было слишком поздно.

Равенна оказывается почти вплотную к нему, кажется, намеревается взять за руку, но в последний момент её словно подменили. Глаза, только что ещё светло-голубые, становятся темнее, почти чёрными, и хотя князь никогда не видел со стороны, как это происходит, лишь ощущал сам, он безошибочно определяет, что перед ним полностью невменяемый стихийный маг. Видимо, амулет перекрыл ментальное воздействие, и стихийница в прямом смысле сорвалась с поводка.

Ирислав старается действовать быстро, однако события обгоняют, пусть и всего на полсекунды, но при такой скорости это слишком много. Князь ещё только схватился за рукоять кинжала, а рядом уже звучит надрывный крик, полный ужаса и боли, и обрывается почти мгновенно: менталистку, потерявшую управление, стихийница скрутила воздушными потоками в жуткую спираль, а затем от души приложила о скалы, с такой силой, что земля, кажется, содрогнулась. Ирислав недостаточно быстр и точен, увы, кинжал лишь чиркает по руке стихийницы, а сама она уже в метре над землёй и в трёх метрах от князя. Нет никаких сомнений, что сейчас его постигнет та же участь, что и менталистку.

Если всё равно умирать, какая разница от чего? Нет, предупреждение Айвора он не забыл, но как не попытаться?

Князь рвёт с пальца тускло-серое толстое кольцо.

Глава 17

– Что ты сделала?..

Вопрос лишь добавляет напряжения и так уже почти звенящую неприязненную тишину, нарушаемую лишь лёгким шорохом травы да изредка похрустыванием веток под ногами менестреля. Альды идут совершенно бесшумно.

Лаис отвечает непроницаемым взглядом и поднятой бровью. Уж кто-кто, а всемирно известный менестрель мог бы сформулировать вопрос и получше, если желает получить ответ. Впрочем, как ни формулируй, отвечать Аделаис не хочет, но Айвор догадывается сам:

– Скажи, что ты не разрушила заклитие... Лаис... Лаис? Серьёзно?! Теперь он снимет кольцо, и всё, конец всему или, как минимум, этому континенту!

– Он не снимет, – говорит девушка вслух. Про себя добавляет: «без веской причины».

Айвор издевательски смеётся. Впрочем, горечи в его смехе больше, чем издёвки:

– Я отдал двадцать лет жизни, двадцать лет, Лаис! По одной лишь твоей просьбе. А ты... ты всех предала. Альдов... людей... всех. И ради кого? Ради марионетки стихий, в котором и от человека-то уже ничего не осталось! Ты же видела, какой он! Пустышка! Скорлупка!

Аделаис бросает взгляд на альдов, шагающих впереди. Делают вид, что ничего не слышат, но получается у них так себе. Уши разве что не шевелятся от любопытства.

Ей хочется огрызнуться, но она чувствует себя в западне. Поэтому и ненавидит любой здравомыслящий альд просить, что потом ты в кабале. И пусть тот, кого ты просил сто раз прав или тысячу раз неправ, нет никакой разницы. Ты ему должен, и на этом всё.

– Яромир его убьёт, – неохотно роняет, наконец, девушка. – Если надо будет.

– Человек? Стихийного мага? Даже не смешно, – огрызается менестрель.

Лаис молчит. Смешного и в самом деле ничего нет – с амулетом альда, ускоряющим в сотни раз, стихийного мага убьёт кто угодно. Впрочем, вполне возможно, что Айвор во всём прав, и она совершенно зря всё это затеяла... но по-другому, наверное, и не смогла бы. Да, всё стало зыбко, слишком много неизвестных, и, вероятно, не всякая прорицательница увидит, к чему всё идёт... но зыбкий, даже призрачный шанс куда лучше гарантированной серой безнадёжности.

– Лаис... – снова начинает Айвор. И замолкает. И, кажется, что-то осмысливает, небыстро и мучительно. Потому что через полчаса, когда путники уже почти вышли к реке выдыхает: – Прости!

Она молчит: не простила и не простит, за что бы он там ни извинялся.

Дальше они идут вдоль реки в поисках моста, чтобы перейти на другой берег, а там уже рукой подать до скал, за которыми начинается другое княжество, и откуда уже легко можно попасть к альдам.

Мост догорает у них на глазах. Княгиня по всем правилам военного искусства отсекает пути отступления. Можно пойти дальше или обратно, в поисках паромы или другого моста, но сомневаться не приходится – облава будет и там. Даже если не присматриваться, на крутом противоположном берегу видны огни костров, слышен шум лагеря... а если присмотреться, то видно и магическое плетение, которое обмануть уже куда сложнее, чем человеческий глаз. И Лаис уверена – наверняка, припасена там ещё пара ловушек на альдов, что-нибудь этакое, по лучшим рецептам времён Кровавой Империи.

Сама бы рискнула перебраться вплавь и попробовать уйти. Тащить Трома, Алану и Айвора с собой – верная смерть всем...

– Подождём, – говорит Лаис, на всякий случай накрывая отряд ещё одним отводом глаз и отступая вглубь леса на своём берегу. Есть ли у них здесь стихийник? Скорее всего, нет. Но как знать...

В любом случае, они не смогут стоять тут лагерем долго. Отправятся на поиски. Сами и сделают мост, который разрушили, надо только подождать...

Хотя ей ждать невыносимо. Сердце ноет и заходится от страха. Не за себя. За другого. За того, кто вопреки её убеждённости поместился в сердце и занял там, оказывается, столько места, что теперь она чувствует себя разбитой пополам. Неизвестность сводит с ума, а навязанные Айвором условия заставляют ненавидеть его так, как Лаис даже и не предполагала, что умеет. Чёрт бы побрал демонов, полудемонов и всех, кто с ними связан, вместе с их дурацкими «простыми» условиями!

Ужин ловит Тром, он же разделывает и жарит. Во взглядах, которые он бросает на неё, Аделаис читает жалость, и от этого ей хочется всем им врезать. Кроме, пожалуй, Аланы. Пожилая женщина-альд глядит равнодушно, и это лучше всего.

Лаис сидит на заботливо притащенном Тромом дереве и смотрит в костёр, сжимая в руках полную миску, к которой не притронулась. Стоит ли чего-то слово альда? Её слово?

Где-то неподалёку собирается гроза. Лаис косится на красные тучи, хотя закат в другой стороне, и сердце замирает от дурных предчувствий. Ничего хорошего красные тучи значить не могут.

– Красная, – задумчиво произносит Алана. – Где-то умер стихийный маг...

Она вскакивает, кажется, раньше, чем Алана успела договорить. Миска, до которой и раньше не особо-то ей было дело, летит на землю.

– Я должна знать, – говорит Лаис, поднявшемуся тоже на ноги Айвору. – Я. Должна. Знать.

– Ты обещала, – говорит в ответ менестрель. То ли соглашаясь и просто напоминая, то ли наоборот, желая не пустить. Впрочем, Аделаис плевать.

– Обещала, – соглашается девушка, срываясь с места.

Альды бегают очень быстро, альды умеют даже играть со временем, но всё же и они не способны отыскать человека мгновенно. Лаис чувствует свои амулеты, вернее, один из них, но

очень слабо. Только примерное направление, и то – оно сбивается, плывёт, отражаясь от каких-то магических вспышек, а затем и вовсе пропадает, стоит ей попасть в грозу. Вопреки обыкновению девушка не гоняется за молниями, а уворачивается от них – кажется, что одна молния этой необычной грозы способна разрушить саму суть Лаис за считанные секунды... Ей мерещится, что даже и капли жгут кожу, но это, наверняка, всего лишь мерещится, да и какая разница? Сейчас важно всего лишь одно: жив?..

В скалах ориентиры теряются окончательно, и Лаис просто с маниакальным упорством носится по камням, разыскивая хоть что-то. Что-то и находит.

Уже стемнело, но она видит и засохшие брызги крови, и разбросанные в разных местах тряпки, бывшие когда-то чьей-то одеждой.

Чьей-то. Не его, не Ирислава – в этом Лаис уверена, но этого, разумеется, мало. Поэтому она ищет дальше. Если князь жив, вероятно, он собирается вернуться в замок княгини Иршши, или хотя бы в город, так что девушка бежит в этом направлении. Чем больше она удаляется от места предполагаемой битвы, тем легче становится дышать, и вскоре даже начинает различаться её амулет. Тот, который у Яромира. Совсем недалеко, буквально полтора часа перехода для человека и всего несколько минут для альда, который сильно торопится. Лаис устала. У неё уже давно не осталось сил: многое было вложено в амулеты, остатки давно сгорели в попытке обмануть время и пространство и получить ответ на самый главный вопрос в один момент... Но она всё равно продолжает, остановиться уже невозможно, а каждая секунда неизвестности приносит куда больше боли, чем уставшее тело.

И вот, кажется, она у цели: костёр. Он мирно потрескивает, посылая искры в небо. Вокруг сидят люди: пятеро мужчин, одна женщина. Сердце Лаис болезненно сжимается – не то. Нет здесь ни Яромира, ни князя, но почему же тогда амулет?..

Ветер доносит обрывки слов откуда-то слева, из темноты леса, и уже особо ни на что не надеясь – сил на надежду не осталось, девушка идёт туда.

Его Светлость Верховный князь Шести княжеств сидит на корточках и ест чернику, а Яромир смущённо топчется рядом, разрываясь между князем и какой-то девушкой, которая тоже собирает чернику. В свете выглянувшей луны особенно хорошо видно, что у князя совершенно не по-княжески вымазан рот и ладони, а в глазах его столько удовольствия от жизни, столько жажды этой самой жизни, что у Аделаис перехватывает дыхание. Кольцо тускло мерцает на пальце Ирислава, и всё это может означать только одно. Совершенно невероятное и удивительное, как, впрочем, и всё, что связано со стихийными магами вообще и Ириславом в частности: он как-то отвоевал у стихий часть себя. Вероятно, потому лишь, что второй стихийный маг оттянул часть силы, но это всё равно удивительно и прекрасно. Настолько, что Лаис позволяет себе постоять незаметно под прикрытием отвода глаз ещё несколько минут... Посмотреть. Убедиться, что не почудилось. Попрощаться.

Девушка тем временем, собрав чернику в ладони, подходит к князю, протягивает ему:

– Говорят, из женских рук вкуснее всего!

У неё низкий, грудной голос, в котором явственно сквозит предложение не только черники.

Лаис улыбается и идёт прочь, сорвав с шеи Яромира свой амулет, которым он так и не воспользовался. Ей пригодится, чтобы быстро вернуться назад.

Теперь условие Айвора её ничуть не заботит и не раздражает – Аделаис и сама собиралась покинуть княжества, как только выяснит, откуда берутся амулеты. Выяснила. Так что самое время исчезнуть.

Возвращается Лаис ближе к рассвету. Их маленький лагерь спит, и даже Тром, вызвавшийся, вероятно, быть часовым, клюёт носом. На другом берегу подозрительно тихо и кажется, что пусто. Девушка идёт вниз к воде, умывается, заодно всматривается и вслушивается – похоже, на том берегу и в самом деле никого. Чудеса...

Вернувшись, легонько трогает Трома за плечо. Тот испуганно вскидывается и начинает неуверенно оправдываться, Лаис жестом его загибает.

– Где они? – спрашивает, кивая в сторону, где ещё несколько часов назад была облава.

– Ушли, – немного растерянно отзывается альд. – Просто собрались и ушли. Судя по всему, получили такой приказ...

Аделаис сдёргивает с Айвора плащ, которым тот укрывался, и стелет на землю по другую сторону давно погашенного костра. Вытягивается во весь рост, закрывает глаза – надо поспать хотя бы несколько часов до того, как они двинутся дальше. Тело ноет от избыточных нагрузок,

голова болит от перенапряжения, но девушка улыбается. Совсем не обязательно присваивать того, кого любишь. Иногда достаточно просто знать, что он есть, что у него всё хорошо.

Глава 18

– Могу я узнать причину, Ваша Светлость?! – голос госпожи посла дрожит от негодования, тёмно-синие глаза мечут молнии.

– Разумеется, госпожа Роксана, – спокойно отзывается князь. – Я полагаю, что вы недостаточно знаете о нашей стране, не интересуетесь и не уважаете традиции. Поэтому вынужден просить заменить вас.

– Но... но... я же только приехала! Я даже вещи не успела распаковать!

– Значит, вам будет легко собраться в обратный путь, – холодно улыбается Ирислав. – Мне очень жаль, что всё так получилось. Прощайте, госпожа Роксана.

Девушка-альд и не думает уходить, наоборот, делает шаг вперёд.

– Предыдущего посла, Мирейну, вы также выставили с порога, за то, что она знала слишком много, и вы подозревали в шпионаже! – шипит она. – А до этого Шиалли – за то, что она якобы кокетничала с женихом вашей названной дочери, хотя она его в глаза не видела! Так может сложиться впечатление, что вы не хотите поддерживать дружеские отношения с народом альдов, Ваша Светлость!

– Я очень уважаю народ альдов и очень хочу поддерживать дружеские отношения, – спокойно отзывается Ирислав. – И уверен, что вскоре мы решим это затянувшееся недоразумение со сменой послов...

– Она не приедет, – тихо, но очень веско говорит девушка. – Она не хочет приезжать! Остановитесь!

– Прощайте, госпожа Роксана, – холодно и с нажимом говорит князь, сложно не понять, что следующей фразой он прикажет страже вышвырнуть гостью вон.

До этого девушка предпочитает не доводить.

Пару секунд Ирислав смотрит на захлопнувшуюся за очередным послом дверь, а затем дописывает несколько слов в письмо с извинениями, предназначенное королю альдов.

Не хочет приезжать? Что ж, вероятно, пора нанести неформальный визит уважаемым соседям. Кажется, теперь он уже к этому готов.

Ирислав понимал, что ему повезло. Несколько раз и так сильно, что в это вообще сложно поверить. А ещё, что этим везением он обязан Лаис. Она каким-то непостижимым образом раздобыла ограничитель посреди леса. Убрала смертельное заклятие, которое должно было убить его, если он только попробует снять кольцо... то, что при этом она велела Яромиру добить своего князя, если что-то пойдёт не так, князь тоже оценил. Не только добрая, но и прудумовательная. Что ещё нужно простому верховному князю для счастья?

Встреча и сражение со стихийницей также обернулись большой удачей. Она так отчаянно тянула на себя силу, что Ирислав разом вернул часть себя. После вынужденного существования без эмоций, в сером, унылом мире, вернуть даже часть – было подобно разноцветному взрыву.

Он чуть не пропустил удар от стихийницы, пытаясь сориентироваться в обрушившимся водовороте, но всё же успел – вырвал уже закрученный воздушный поток у неё из рук, и тот, вместо того чтобы скрутить Ирислава так же, как менталистку, просто поднял его над землёй.

Шансов у стихийницы не было. Слишком давно она была под полным контролем менталистки, а может, дело в том, что она давно уже всю себя отдала стихиям, так или иначе, но думать несчастная девушка не могла и даже не пыталась – вместо того, чтобы создать новый поток, швырнуть камнем, или ещё что, она просто вцепилась в тот, что Ирислав у неё вырвал, пытаясь отобрать, вернуть себе обратно. Князь не стал её мучить – кинжал прямо в сердце, она, кажется, даже не поняла, что произошло, Ирислав же торопливо опустился на землю и надел кольцо, едва успев до того, как стихии снова обрушились на него.

Он был готов, вернее, пытался подготовиться к тому, что мир снова станет серым, но нет. Дело, видимо, действительно не в кольце как таковом, а в том, сколько у самого Ирислава осталось власти над собой.

На фоне предыдущего фантастического везения встреча с одной из групп своих дружинников, прочёсывающих лес, уже казалась чем-то обыденным, почти закономерным, хотя тоже пришлась к стати.

Не повезло только с княгиней Иршшей – она пропала. А в её покоях обнаружили невзрачную девушку с перерезанным горлом, и полный беспорядок – как будто кто-то в спешке что-то

искал. Вероятно, у менталистки был сообщник, и теперь он сбежал, прихватив документы и артефакты, и ликвидировал ценного свидетеля, переметнувшегося на другую сторону: как только умерла менталистка, княгиня Иршша отозвала всех своих людей, направленных на поиски альдов и князя.

Увы, стража, неотлучно стоящая у дверей, клялась и божилась, что никто не входил и не выходил, Ирислав не пожалел времени и денег, отыскал двоих магов-менталистов, и те, просканировав сознание стражников, подтвердили: не отлучались, не спали, никого не видели... Это лишь укрепило князя в необходимости найти управу на альдов отвод глаз, так что когда Василина пришла с каким-то магом из королевства Син, предлагавшим свои разработки в данном направлении, он согласился. Как бы ни был он сам лично расположен к альдам, как бы прекрасна и благородна ни была госпожа Аделаис, негоже оставлять свой народ беззащитным. В делах и заботах минул уже целый месяц, время летело незаметно днём, его еле хватало, чтобы поесть и выкроить хотя бы полчаса на тренировку, но ночью неизменно приходила тоска. Чем больше князь возвращал себя – по маленькому кусочку каждый день, иногда проигрывая стихиям, иногда буксуя на том же месте, но иногда и продвигаясь сразу на несколько шагов вперёд, тем чаще приходили и тем жарче были сны об Аделаис.

Альды же словно в насмешку назначали в послы сплошь девчонок – одна другой краше и изящнее, князь отсылал их обратно, даже не давая себе труд запомнить имя.

А теперь он поедет за ней сам.

В канун отъезда пришла Василина. Поздно пришла, уже затемно. Ирислав даже из кабинета успел уйти, и ко сну раздеваться начал...

– Мой князь, – улыбается ведунья, проскальзывая в собственноручно открытую Ириславом дверь.

– Что стряслось? – ровно спрашивает он, хотя, кажется, понимает, к чему всё идёт. И, честно признаться, не рад. Когда в мыслях господствует одна, остальных уже и не надо...

– Соскучилась, – шепчет девушка, и тянет как когда-то шнуровку на платье, увеличивая и так вполне откровенное декольте.

– Василина, – Ирислав качает головой, отступает. – Не нужно.

– Нужно, – девушка настроена решительно: подходит к князю и хватается за руку, кладёт себе на грудь. – Это сердце бьётся для тебя, мой князь. Я знаю, куда и зачем ты едешь. Но она не родит тебе наследников, как бы вы друг друга ни любили!

– Наследников? – переспрашивает князь, мягко высвобождая руку.

– Наследников. Все дети альдов – всегда альды, с кем бы они их ни делали. У Аделаис могут родиться только альды. Ты же не поставишь альда над людьми, князь?

– Не поставлю, – соглашается Ирислав, и руки на всякий случай прячет за спину.

– А я рожу тебе сына. Сильного и смелого, такого же как ты! Я никому ничего не расскажу, никто до его совершеннолетия и не узнает ничего, а потом ты его признаешь! Ирислав... Мы ей ничего не скажем, но у тебя будет ребёнок! Человеческий ребёнок! А ведь она может и вовсе не родить, говорят, альды через одного бесплодные...

– Василина, не нужно, – повторяет князь. Слушать рассуждения о том, будут ли у них с Лаис дети он не готов ни от кого, кроме, пожалуй, самой Аделаис. Но говорить об этом сейчас – делить шкуру не то что не убитого, ещё не родившегося медведя.

– Я люблю тебя! – всхлипывает ведунья, прижимается, обхватывает его руками.

– Прости, – тихо говорит князь.

Василина – друг, одна из немногих, она – его человек, как он говорил, кажется, госпоже Аделаис, и между ними был простой, пусть и негласный, договор, что за близостью ничего не стоит... Так почему же теперь ей больно, а ему ужасающе неловко и за себя, и за неё?

– Я просто хочу от тебя ребёнка, – поднимает на него заплаканные глаза Василина. – Пусть он и не будет наследником, можешь не признавать, просто сделай это для меня! Пожалуйста!

Ирислав... пожалуйста! Я любую клятву принесу, что никто ничего не узнает, скажу, если хочешь, что от твоего племянника нагуляла... всё, что угодно! Ты же знаешь, я буду хорошей матерью! Всего одна ночь, мой князь, неужели я не заслужила такой мелочи?

Детей князь хотел. И, положив руку на сердце, хотел бы, чтобы дети его были людьми. Впрочем, если выбирать между стихийниками – а велик шанс, что его дети унаследуют его дар, больше подходящий на проклятие, и альдами, то он бы выбрал второе. Но сейчас дело даже не в этом.

Ирислав ни при каком раскладе не хочет, чтобы его ребёнок рос без его участия...

Вот только слова найти удивительно тяжело.

– Василина... – вздыхает князь. Как сказать «уйди»? Не тяни душу, не мучай меня и себя. Возможно ли отказать так, чтобы не обидеть хорошего человека, но и напрасной надежды тоже не оставить?

– Всего одну ночь, – просит она. Слезы уже исчезли из голоса, на смену им пришла страсть, причём князю кажется, что это больше страсть сделать по-своему, как задумано, нежели любовное желание. Василина же, видимо, думает, что она почти у цели, что надо только лишь чуть-чуть поднажать... И она поднажимает: поворачивает кольцо на пальце, и князя окутывает серебристо-розовый туман, в нос бьёт резкий запах роз и ещё чего-то, приторно-сладкого и оттого отвратительного.

Голова начинает кружиться, а прижимающаяся к нему женщина вдруг каким-то противоестественным образом начинает казаться самой желанной на свете. И кажется – а действительно, ну что в этом такого, подумаешь – одна ночь. Ведь они с Аделаис ничего друг другу не обещали, более того, она сама просила отступить. Может статься, что она влюблена в какого-нибудь альда, или в принца Александра, и всё, что было – было притворством, политической игрой, а может, и вовсе ничего не было, и он сам себе сочинил... Да если подумать, с Аделаис он был всего лишь раз, а с Василиной – десятки, и ведунья точно хранила ему верность, а с девушкой-альдом ничего и не разберёшь...

Василина бесстыдно вжимается всем телом, обхватывает за шею, заставляя нагнуться, прижимается к губам... и именно это почему-то отрезвляет. Вспоминается поцелуй Аделаис. Зелёные глаза, в которых никогда ничего не прочесть, и в то же время всегда столько всего... Он скидывает руки Василины, резко отступает... и молча уходит из своих покоев. Как был – без рубахи, в одних лишь штанах, и хорошо ещё, что не успел снять сапоги, а то ведь ушёл бы и босиком. Просто чтобы не прибить настырную ведунью. Или правильнее говорить ведьму?..

– Арестуйте, – с трудом выталкивает из себя дружинникам, невозмутимо приветствующим его у дверей. – Арестуйте ведунью.

Свежий воздух горчит, и Ириславу хочется пойти и побиться головой о какое-нибудь дерево... или нет, дерево жалко, лучше о скалу. Или сдёрнуть кольцо и устроить ураган.

Казалось бы, междоусобица давно закончилась, и все, кто прошёл с ним смутные времена, должны жить теперь долго и счастливо, ибо лишений и страданий на их долю и так выпало достаточно. Ан нет. Умирают, уходят... предают.

Глава 19

Королевский зов застал Лаис как раз в тот момент, когда она ухватила снежного барса за хвост. Не то чтобы она имела что-то против данной конкретной особи или барсов вообще, просто... изнывала от скуки. За молниями гоняться, конечно, куда интереснее, но что же делать, если гроза в принципе не часто посещает королевство альдов, а в последний месяц не приходит вообще... Словно обиделась.

А дела у неё никакого нет, и уехать куда-нибудь, в то же королевство Син хотя бы, король ей не позволил. Так что всего и развлечений-то: погонять снежную кошку, да послушать очередную сплетню – как Верховный князь Шести княжеств очередного посла отослал. Альды болтливостью не отличаются обычно, но обсудить с ней эту тему считал своим долгом чуть ли не каждый второй. Лаис отмалчивалась. Сказать ей было нечего, рассчитывать тоже не на что, хоть сердце и замирало при одном лишь упоминании княжеств...

Лаис отпустила хвост и, укрывшись отводом глаз от беснующегося и шипящего кошака, направилась во дворец. Может быть, Ирислав, наконец, принял посла – Роксана чудо как хороша, и очень даже умна, и теперь король разрешит ей, наконец, куда-нибудь уехать? Впрочем, даже если и не принял, что толку её, Аделаис, здесь держать? Поехать в княжества она всё равно не сможет...

– Принял? – с замиранием сердца спрашивает она, отвесив положенный поклон. Глупое всё-таки сердце. И того хочет, и этого, не понимает, что о несбыточном не следует мечтать.

Король качает головой:

– Повтори, как звучало условие.

Никому кроме короля Лаис про условие не говорила, даже Йяру рассказывать не стала, даже маме. Но королю не сказать нельзя было. А то как отправил бы в княжества...

– Не бывать в княжествах, не видаться с ним, не заговаривать, не писать, никак не давать о себе знать, – уныло повторила девушка.

– Если только?.. – подсказывает король. – Было «если только» или «пока», Аделаис?
– Пока он сам не придет за мной, – пожимает она плечами. Понятно же, что не придет. Но король чему-то улыбается:
– Если придет, поедешь с ним?
– Как прикажет мой король, – она опускает глаза. Нельзя планировать то, что от тебя совершенно не зависит.
– Иди, – отпускает её король.
– Можно мне уехать, Йара навестить? – вырывается у Аделаис, но повелитель альдов отрицательно качает головой.
– Иди, Аделаис. К Малому Совету готовься...
Лаис невозмутимо отвешивает поклон и уходит.
Не хочется гадать о несбыточном, но короткий разговор что-то разбередил, и мысли в голову лезут сами, и начинает казаться, что нет ничего невозможного, что не забыл, не остыл, придет... Вот и лесенку зачем-то альды мастерят. Замок короля стоит на скале, и попасть туда могут лишь альды и маги, способные левитировать. Принц Александр мог бы... для него лестницу не стали бы делать. А князь по официальной версии не является магом, левитировать не может... ему бы как раз лестницу собирали...
Лаис злится на себя за никак не желающую замолкнуть надежду, и отправляется обратно к барсам. Теперь её очередь убежать.
Ночью была восхитительная гроза, и Лаис, и так порядком измученная барсами, на Малый Совет, немилосердно назначенный на утро, пришла последней. Впрочем... кажется, что и единственной. Потому как князь Ирислав в Малый Совет не входит, а кроме короля и князя в зале больше никого и нет.
– Лаис, – чуть улыбается ей король. – Тебе не передали, что Совет отменён?..
Она готова поручиться, что никто и не собирался ничего передавать. Но не будешь же предъявлять претензии королю? Лаис собирается учтиво извиниться и уйти, но зачем-то бросает взгляд на князя. Разве можно удержаться и не взглянуть? Она отчаянно боится увидеть в его глазах то серое равнодушие, ту тоску и пустоту, вдруг ей просто показалось тогда на черничной поляне...
– Госпожа Аделаис, – Ирислав встаёт её поприветствовать. И во взгляде его что угодно, но только не равнодушие. Кажется, что силы и страсти к жизни в нём стало только больше. И бороду он так и не отрастил, так что и придраться при всём желании не к чему...
– Ваша Светлость, – отзывается девушка, и даже не обозначает поклон, потому что не в силах отвести взгляд. – Рада приветствовать вас на земле альдов...
– Я вызвал Роксану, – говорит тем временем король, – но раз уж ты здесь, может, покажешь город Его Светлости сама?
– Как прикажете, мой король, – отмирает Лаис, с опозданием обозначая поклон, а может, просто объединив два в один. Принимает любезно предложенную Ириславом руку и послушно покидает зал вместе с ним.
Князь молчит, и Лаис тоже не знает, что сказать. Главное – что она рада, она и так уже сказала. А так ведь её ни о чём не спрашивают и ничего не предлагают. Даже отсылая бесконечно послы, Ирислав ведь ни разу лично ей ничего не предложил.
Впрочем, её же назначили экскурсоводом, так что про достопримечательности она и будет говорить:
– Мы находимся в самой высокой точке города, Ваша Светлость. Условно город можно поделить на две части – верхнюю, в скалах, и нижнюю в долине...
Ирислав слушает, кивает, и ничего не спрашивает, не говорит и не предлагает, вот только смотрит, смотрит... Так, что Лаис всё-таки не справляется с собой в середине экскурсии и растерянно замолкает на половине фразы про Мерцающий водопад. Кажется, первую половину она сказала совершенно верно, но вот беда – напрочь забыла, что там во второй... и вообще про всё забыла, кроме того, как может быть с князем хорошо.
– Я никого не оскорблю, если искупаюсь? – хрипло спрашивает князь, прерывая затянувшееся молчание.
Девушка отрицательно качает головой, на всякий случай набрасывая на него отвод глаз, хотя место пустынное. Но мало ли...

– Вода холодная, Ваша Светлость, – предупреждает она, размышляя, а не искупаться ли и ей тоже.

– Холодная – то, что нужно, – уверяет князь, мигом скидывает рубаху и сапоги, и прыгает в воду.

Аделаис задумчиво смотрит на плывущего к водопаду мужчину... и тоже раздевается. Она вот как раз вспомнила конец фразы и ещё пару интересных фактов про местные достопримечательности. Надо непременно догнать и рассказать.

– Лаис, – всё также хрипло выдыхает Ирислав, когда она встаёт рядом с ним под струи водопада. То ли вода ему недостаточно холодная... то ли слишком холодная, и он уже простыл. – Выходи за меня!

Аделаис против воли улыбается. Не забыл, не остыл...

– Нет, – шепчет, обвивая руками шею князя, прямо ему в губы. – Это – нет.

– Я немного в недоумении, госпожа Аделаис, – очень светским тоном произносит полностью обнажённый Верховный князь Шести княжеств через полчаса, выжимая штаны и пряча усмешку в тёмном и сытом взгляде. – Обычно девушки отказывают в близости до замужества, а не в замужестве после близости...

Госпожа Аделаис лишь пожимает плечами, скручивая ставшие невероятно тяжёлыми от воды волосы:

– Разочарованы, Ваша Светлость?

– Очарован, но раздосадован, – князь щупает влажную ткань одежды и, поморщившись, снимает кольцо-ограничитель. Вода дисциплинированно покидает штаны, и собравшись в небольшую лужу у ног князя, бежит обратно к реке. Волосы Лаис моментально высыхают тем же образом, и она начинает одеваться.

Кажется, князь стал куда искуснее и устойчивее, а ведь она так и не доложила своему королю о его необычных способностях. Обо всём остальном – да, даже о том, что они были близки, но только не об этом... Сложно стоять на двух берегах разом, даже если между этими берегами потихоньку выстраивается мост.

Ирислав тем временем надел кольцо, штаны, рубаху и сапоги. Он больше ничего не спрашивает, но Аделаис понимает, что надо объяснить. Объясниться.

– Если я выйду замуж, – говорит она, взяв князя за руку и переплетая пальцы, – мне придётся выбирать. Нельзя служить двум государствам, и две Родины не бывает. И я могла бы выбрать страну мужа, но мой ребёнок будет альдом. Чистокровным альдом, Ирислав. В любой человеческой стране он всегда будет чужим. Я не знаю, что с этим делать, верности какой стране учить, какому народу? Почти все смешанные пары живут в королевстве альдов, как раз из-за детей...

Князь чуть сжимает её руку и молчит. Вероятно, тоже не знает, что с этим делать, и Лаис ему благодарна за то, что он не давит, не требует от неё прогнуться в том, в чём она уступить никогда не сможет...

– Приезжай пока хотя бы просто послом, Аделаис, – говорит, наконец, князь.

– Это как решит мой король, – смиренно отзывается девушка. Хотя, кажется, король решил и практически приказал ей ещё вчера. – Так вот, Мерцающий водопад, Ваша Светлость...

Следующим утром Ирислав отправляется обратно, а Лаис, наконец, получив разрешение навестить Йара, а заодно и задание сопроводить Трома в Академию в королевстве Син, направляется совсем в другую сторону. Впрочем, уже максимум через две недели она должна быть в княжествах в роли посла. Король альдов не видит оснований отказывать правителю соседней страны в столь пустяковой просьбе, а у самой Лаис не хватает силы воли его об этом просить. Слишком сладко рядом с князем, слишком хорошо, так и хочется погреться хоть ещё немного, так и тянет поверить, что решение найдётся само...

Приезжать раньше Лаис не стала. Сказано – две недели, значит, две недели. Хотя, конечно, соблазн был. Она начала скучать по князю, кажется, раньше, чем он отпустил её руку, прощаясь перед отъездом.

И вот, наконец, княжества. Лаис ловит себя на том, что начинает и в самом деле примерять и прикидывать – что, если остаться здесь навсегда?.. Совершенно лишняя, несбыточная, но очень навязчивая мысль...

Девушка морально готова к тому, что в доме, отведённом под альдово посольство снова царит развал, и шарится кто ни попадя, ведь никто из послов не провёл там и одной ночи, но тут её

ждёт сюрприз: дом прибран, а в вазах на подоконнике свежие цветы. Два совершенно разных букета. Один – из всяких разных полевых цветов, и Лаис может предположить лишь, что это – мальчишка из шкафа, другой – ярко-красные, свежие розы... неужто Ирислав?

Девушка неторопливо распаковывает вещи, на этот раз она привезла с собой даже несколько платьев – всё же князь был на редкость убедителен в том, что другого посла не примет, и что ей придётся задержаться... Закончив, надевает маску, затем, поразмыслив, накидывает и отвод глаз, и идёт прогуляться. Послушать, посмотреть... а себя не показывать.

Судачат в городе разное. Говорят, князь подбирает себе жену. Чтобы умница была, да красавица, да магическим даром не обделена, ибо пора уже верховному и о наследниках подумать... Смотрины в самом разгаре – едут к князю девицы-красавицы одна за одной. И рады горожане, что князь образумился, да про девку альдову и думать забыл, вон и послов отсылает, как и раньше...

Ведунья Василина, говорят, из ревности бабьей воспротивиться намерениям князя жениться пыталась, за что сидит в тюрьме, али в бегах находится – версии разные, кто во что горазд. Княгиня Шестого Княжества Иршша пропала во время визита Ирислава, да так и не нашлась, и шепчут сплетники, испуганно озираясь, но не в силах удержать в себе страшную догадку, что это верховный князь её за непокорность извёл. Дескать, отказала она ему в близости, али дерзила, али налоги утаивала... а потом добавляют ещё тише, что князь хоть и не маг, но на службе у него самый настоящий демон – по одному слову хозяина демон этот камни неподъёмные vorочает, море вспять поворачивает, и головы непокорным подданным отрывает. А кормит князь его сердцами своих женщин, и когда происходит это, собирается в небе гроза красная, противоестественная...

Устроившись на скамейке на краю главной площади, Лаис чуть плотнее закутывается в плащ – несмотря на то, что днём светит солнце, ветер уже по-осеннему холодный, промозглый... и надо бы уже пойти домой, да вот беда – не хочется домой, хочется в гости. К тёмным глазам и горячим рукам, а надо ждать до завтра, да и как ещё примет её князь, оскорблённый третьим отказом?... Может, подумал-подумал, да и рассудил, что выхода нет, не стоит и морочиться? А впрочем, что толку гадать? Да и после предложения и букета ход явно на её стороне.

Девушка оставляет на скамье горячее вино, к которому так и не притронулась, и незамеченной никем направляется к замку.

В замке и в самом деле людно. Захоти Лаис переночевать здесь, а не в отведённом под посольстве доме, может, и места бы не нашлось. С другой стороны, если и ночевать в замке, то уж точно не в отдельных покоях, а у него...

Из любопытства она незаметно заглянула в несколько гостевых комнат. Кое-где это удалось легко, кое-где пришлось чуть повозиться, но это было даже интересно – в комнатах и в самом деле жили сплошь дамы – судя по вещам, и дамы весьма непростые, так что на свои комнаты навешали защитных заклятий, кто во что горазд.

И, кстати, покои князя тоже сплошь обмотаны заклятиями, и Лаис, вздумай она попасть туда незаметно, пришлось бы делать даже не отвод глаз, а небольшой пространственный переход – чтобы не пересекать контур. Впрочем, она не собирается пока туда лезть, тем более, что самое интересное, кажется, происходит снаружи: под дверями кабинета князя бойко спорят четыре девушки, все богато одетые, правда, с разной степенью скромности. Дружинники, подпирающие и охраняющие двери, изо всех сил стараются сохранять невозмутимый вид и вообще прикинуться статуями, но на их лица сами собой то и дело наползают усмешки.

– Да в сотый раз говорю вам, я пришла, потому что почувствовала, что кто-то нарушил мои охранные заклятия! – оправдывается высокая рыжая девушка, гневно сверкая серо-зелёными глазами то на дружинников, то на остальных.

– И кто же? – сварливо вздёргивает подбородок другая магичка – невысокая, с пышными формами и при этом с очень тонкой талией. – Когда мы с Лайрой пришли, никого кроме тебя тут не было. Признайся, отвела солдатикам глаза и пыталась проникнуть внутрь!

– Если бы я хотела проникнуть внутрь тайком, ваши смешные подобия заклинаний меня бы не остановили, самоуверенные курицы! Говорю, вам, тут кто-то был! Может, он и сейчас там!

– И где же он? – неприязненно спрашивает третья – очень худая блондинка с прозрачно-голубыми глазами, прикладывая руку к стене. – Как прошёл охрану и наши заклятия? Да и вижу я, нет там никого. Потрудилась бы придумать что другое!

– Если вы уберётесь отсюда и снимите свои дилетантские гирлянды из чар, я просканирую помещение и найду! – огрызается рыжая.

– А может быть, тут был сам князь, а Нирен? – вкрадчиво интересуется невысокая. – Заходил на секунду, и ты поэтому так рванула?.. Торопилась к нему в постель?

– Его Светлость не приходил, – монотонно вставляет один из дружинников. – Кроме вас, леди, никто не приходил...

Парень явно предвкушает, как ещё месяц будет всем это рассказывать. Да и понятно – обычно дежурства проходят куда скучнее...

Четвёртая девушка – русая, с тёмно-серыми глазами, в сваре не участвует, но и не уходит. Она тоже пытается просканировать кабинет, по крайней мере, гладит стену ладонью, и вдруг выдаёт:

– Возможно, там кто-то всё же есть!

Теперь на неё все смотрят, причём, все с неприязнью. Магички – потому что выскочка, строит из себя самую умную, а стража – потому что это уже серьёзный камень в их огород.

– Леди, никто не заходил и не выходил за последний час, – с нажимом повторяет дружинник.

– Возможно, кто-то зашёл, воспользовавшись магией альдов для отвода глаз, – не сдаётся девица.

Теперь и Лаис косится на неё с неприязнью, и поминая тихим, но злым словом Трома и его на редкость высокую производительность в части амулетов, тоже кладёт ладонь на стену.

Гирлянды чар мешают, но, кажется, четвёртая девица права – кусочек альдовой магии в кабинете определённо есть... Вот ведь!

– А что? – вдруг подхватывает рыжая. – Говорят же, вот-вот должен новый посол от альдов прибыть... может, уже и прибыл, и шпионит, пока вы тут спите на посту!

Видимо, эту Нирен учили, что лучшая защита – это нападение. А может, она сама догадалась...

Так или иначе, но теперь все магички уставились на дружинников и требуют открыть двери.

– Дело государственной важности! – шипит худенькая блондинка, размахивая тонким пальчиком. – Открывайте! Мы поймаем шпиона!

– Простите, дамы, но никто из вас пока не является ведуньей Его Светлости и получить доступ в покои не может, – с удовольствием отказывают дружинники. – Но если вы считаете, что там кто-то есть, можете посторожить тут, пока не вернётся князь.

– И скоро он вернётся? – угрюмо спрашивает невысокая и фигуристая.

– К утру непременно, леди, – невозмутимо отзывается стража, что приводит к новому витку требований.

Лаис уходит прочь, вызывая в памяти схему покоев. Увы, но бросить всё на самотёк нельзя. Кто бы ни забрался внутрь, у него амулет альдов, что может бросить тень на вроде бы зарождающуюся дружбу... Так что она пройдёт в кабинет, не потревожив заклятия, отберёт у того, кто там находится, амулет, и уйдёт обратно. А ворюшка пускай остаётся и получает по заслугам. Главное удержаться, и не прибить самой. Помни, Лаис, ты мудрая и сдержанная... – сказала себе девушка, делая переход – небольшой, буквально на пару метров, и то от него в глазах заплясали звездочки, а ещё ведь надо шагнуть обратно и... Какого чёрта?!

– Ты что тут забыла?! – зло шипит Аделаис.

– Ой! – Руслана испуганно шарахается, но если твоё ухо уже в руке альда, никуда особо не денешься. – Лаис, спасите, пожалуйста, спасите!

Глава 20

Ирислав не собирался идти к её дому. Точно не собирался. Это, право, было бы слишком – после трёх отказов явиться и практически караулить под дверью, как мальчишка... Да и зачем, если завтра госпожа Аделаис явится сама?

И всё же, когда маршрут сам собой сложился мимо заветного дома, он не стал его менять. И даже остановился, спешился, поднялся на крыльцо... Дом смотрел на него тёмными окнами, не подавая никаких признаков жизни внутри. Спит? Ещё не доехала, хотя в город въехала несколько часов назад? Ушла гулять? Слушать очередного сладкоголосого менестреля?

Стучать Ирислав не стал, как и не стал снимать кольцо и разыскивать магией – никого нельзя лишать свободы, а уж попытаться посадить на короткий поводок Аделаис – верное средство её потерять, так и не заполучив. Что ж, значит завтра. Или послезавтра. Или когда-нибудь потом, когда она сама соскучится и захочет к нему прийти.

Будить уже прикорнувшего конюха князь не стал, сам завёл и расседлал коня, сам отнёс седло в амуничник. Наверх идти не хотелось. Там бумаги, жалобы, прошения, донесения... Всё важное, всё нужное... но совсем не то, чего хотелось бы ему, особенно сейчас, когда он знает, что Аделаис уже в городе, когда он две недели её не видел, когда...

Из казармы грянул взрыв смеха, Ирислав прислушался... и направился туда. Похоже, возвращение госпожи Аделаис не одному ему не даёт покоя. Вот только возникший трепет все выражают по-разному. Кто-то красными розами, а кто-то похабной похвальбой, и от того, что его, князя, в этой похвальбе превозносят, а Лаис марают, ему только противнее...

Дружинники при его появлении вскочили и мгновенно замолчали. Ирислав дождался пока все преклонят колено, кто залихватски, кто смущённо – а вдруг слышал князь что лишнее, и только потом заговорил:

– Я несколько раз делал госпоже Аделаис предложение стать моей женой и вашей княгиней. И сделаю ещё.

Под гробовое молчание он уходит и идёт наверх, к себе. Галдящих магичек слышно ещё с лестницы, и Ирислав вздыхает – где бы найти не ведунью, а колдуна? Молчаливого, мрачного и спокойного? Увы, сильнейшие маги в княжествах на текущий момент женщины. Мужчины либо не афишируют свою силу и навыки, как некоторые стихийные маги... либо не уродились.

– Ваша Светлость! – слаженным хором восклицают магички. А вот дальше начинается какофония:

– В ваших покоях кто-то есть, это я его засекала! – тараторит рыжая, Ирислав не помнит, как её зовут, и теперь уже точно уверен, что напоминать ни к чему.

– Она врёт, это я! – отпихивает коллегу невысокая девушка.

– А я опознала, что это альд! – настаивает блондинка.

– А вот и не она, а я! Ваша Светлость! – снова рыжая, ещё и за руку его пытается схватить...

Ирислав руку убирает, и переводит взгляд на четвертую магичку – русую девушку, которая стоит в стороне и молчит. Не колдун, конечно, и не так уж и мрачна, но зато спокойная и тихая, и одета куда скромнее и элегантнее, чем некоторые.

– Вы, – говорит ей князь. – Марена, верно? – девушка кивает. – Вы наняты, остальные свободны. И если вы сделаете, Марена, как-нибудь, чтобы они немедленно замолчали, я удвою вам жалованье!

Кажется, он не прогадал – за закрывшимися за его спиной дверьми наступает тишина, чего, увы, не скажешь про сам кабинет. На полу, хорошо, что на ковре, а не прямо на камнях, сидит и рыдает Руслана. А Лаис восседает на столе, и почему-то Руслане совершенно не сочувствует. Убедившись, что больше никаких альдов и не альдов, спрятавшихся за альдовыми амулетами нет, Ирислав надевает обратно своё кольцо.

– Госпожа Аделаис, – чопорно выдыхает он, и всё равно не может скрыть, как же рад её видеть. – Не говорите, что вы пришли по делу!

– А если скажу – прогоните, Ваша Светлость? – улыбается девушка-альд. Так соблазнительно и искушающе улыбается, что у князя сбивается дыхание...

– Нет, я просто этого не услышу, – возвращает он ей многообещающую улыбку, опускаясь на корточки рядом с плачущей на ковре девушкой:

– Что? – спрашивает, хотя ему эгоистично хочется просто её отослать и выяснить всё завтра.

Раз Лаис спокойна, видимо, ничего страшного не стряслось?

– Я случайно, – уткнув взгляд в ковёр, хлопает носом девушка. – Простите, дядя Ирислав... я... я не хотела.

– Чего не хотела? – терпеливо спрашивает князь, чувствуя себя от этого вот «дядя Ирислав» старым и злым. Девушка молча заливается слезами, и за неё отвечает Лаис, сухо и зло:

– Влезть в ваш кабинет и украсть письма, Ваша Светлость. Случайно получилось.

Руслана начинает рыдать ещё горше, так что госпожа Аделаис спрыгивает со стола и поясняет:

– Ей принесли письмо, от Яромира. Якобы. Мол, в одном из последних донесений про него, про Яромира, сказано, да такое, что вы, Ваша Светлость, не то что согласия на свадьбу никогда не дадите, а немедленно убить его прикажете. А ведь это всё неправда, если и было что, то всё не так, и он сам готов явиться и повиниться пред ваши строгие очи... но чтобы беды не случилось, надо донесение то изничтожить. А так как точно в каком неизвестно, то изничтожить все, которые найдутся...

– Я не хотела ничего плохого! – всхлипывает Руслана. – Я не подумала-а-а... дядя Ирислав, прости-и-и-и...

– Как ты попала сюда? – спрашивает князь у рыдающей девушки, старательно давя тяжкий вздох. Большие детки – большие бедки...

– Амулет... к письму прилагался амулет, – всхлипывает та. – Он теперь у Лаис...

Князь идёт к двери, и всего несколькими словами, но очень от души отчитывает дружинников – за то, что в кабинет ходит кто ни попадя, и документы важные сжигает, после чего вручает им зарёванную Руслану с напутствием поместить под домашний арест, и глаз с неё не спускать. Конечно, дружинники ни в чём не виноваты, но так к утру все будут знать, что миссия Русланы увенчалась успехом. Вот и пускай. А донесения, значит, надо изучить особенно внимательно. Но прежде...

– Госпожа Аделаис! – со всей суровостью и решительностью, на которую способен, произносит Ирислав.

– Ваша Светлость? – девушка изгибает бровь.

– Прошу вас немедленно вернуться... на стол! – строго выдыхает князь, делая шаг к ней.

Аделаис смеётся и вопиющим образом не слушается – идёт не к столу, а к нему. Но Ирислав, разумеется, не имеет ничего против.

В донесениях, как и следовало ожидать, ни слова про Яромира. Да и чего о нём князь не знал бы? И какое это всё, даже если чего и не знал, имеет значение, после того как парень доказал свою преданность и честность делом? Было и было... Ирислав его вон даже заместником в Шестое княжество отправил – ибо доверяет. И проверяет заодно – не на честность, на способность к делам государственным...

Свадьбу князь и правда пока не одобрил. Но вовсе не из-за сомнений в Яромире. Просто... слишком молода ещё Руслана. Жизни не видела, на балах толком не бывала, в первого попавшегося заезжего молодца и влюбилась... со скуки. Вот если за год не передумают оба, то Ирислав сам их и повенчает. Но опыт подсказывает – передумают.

Госпожа Аделаис ушла на рассвете, пообещав явиться днём в официальном порядке, и Ирислав нет-нет, да и отвлекается, вспоминая госпожу посла... Как понять самому – он ещё беспристрастен и предан своей стране, или уже слишком заморочен чувствами и не видит опасности у себя под носом?.. И всё же пусть и не прямо сейчас, но вопрос надо будет как-то решать, и князь даже склоняется к тому, чтобы найти и воспитать себе преемника, а самому уехать с Аделаис, если она согласится, в альдово королевство и там растить детей-альдов... Он представил на мгновение, как маленькие альды из всех окрестных домов бегут к нему за грозой, как человеческие дети, бывало, сбегаются к тому, кто угощает конфетами, усмехнулся и распечатал очередной конверт...

Вот. Наверное, оно. Непокойно в Третьем княжестве. Оно и понятно – князь был смутьян и заговорщик, так что ничего хорошего сотворить и не мог, но его побег жители приняли спокойно, даже и с облегчением – справедливостью и добродушием тот не отличался. Теперь же... появляется этот самый князь в разных местах, и говорит, что страну захватывают альды. Мол, они князя Ирислава с его невестой, едва те обручились, извели, и племянника не пощадили, а на место князя великого куклу свою посадили. Marionetку. Оттого и таскается всюду с князем альдова колдунья с зелёными глазами, оттого и позволяет князь этим нелюдям всё что ни попадя. Вот и ведунью верную казнить приказал, как только поняла она, что князь-то не настоящий. Нет и не будет от князя защиты перед альдами, а они лютуют – вот и пшеница в Третьем княжестве не уродилась, словно выгрыз кто, а в одной из деревень все несущки за одну ночь сгнули, а в другой деревне две свадьбы разом расстроились... не к добру это всё и неспроста.

Ирислав представил госпожу Аделаис с парой куриц под мышками, и пучком ржи в зубах, подивился народной фантазии и продолжил читать.

Удивительно, но люди в подобную чушь верят. Князь только вздыхает. Народ в княжествах тёмный, необразованный, читать не всякий из знати умеет – не до того было князьям, когда они в междоусобице погрязли. Да и управлять неграмотными легче. Что ни скажи, всё примут. А если ещё и какую-нибудь дармовщину пообещать, в лепёшку расшибутся.

Надо съездить. Самому с людьми переговорить, на пшеницу погрызенную посмотреть, а то и вовсе, если повезёт, третьего князя отловить. Кстати, то, что князя поймать никак не выходит, и

он чудесным образом чуть что исчезает, наводит на мысли, что он всю пользуется альдовой магией...

Аделаис появилась ровно в полдень. Как всегда ослепительная, невероятная... и с подарком. Она молча поставила на стол перед Ириславом тёмную шкатулку, сама же её открыла.

Ирислав задумчиво изучил массивный браслет в шкатулке, поднял на девушку глаза, чуть улыбнулся, давая понять, что шутит:

– Это предложение?

– Извинение, – Лаис возвращает улыбку. – За амулеты Трома. Браслет позволяет видеть тех, кто ими пользуется. И сам браслет может работать как амулет отвода глаз.

Ирислав надевает подарок. Прислушивается к себе. Подарок на редкость щедрый и своевременный... вот только имеет ли верховный князь право его взять? Как знать, не зашили ли альды туда чего-нибудь ещё? Ведь даже Лаис может не знать... а может и знать, – заставляет он себя признать.

– Благодарю, госпожа Аделаис. Это очень щедрый дар, – проникновенно говорит он, но девушка, кажется, в курсе его мыслей.

– Он не делает ничего, кроме того, о чём я уже сказала, – усмехается она. – И не покажет никакой другой отвод глаз. Так что не очень уж и щедрый, но честный и от всей души.

– Спасибо, – отзывается Ирислав, отступив от этикета. Зато тоже от всей души. – Мне надо отлучиться на пару недель. Вы будете хорошо себя вести?

Лаис вопросительно выгибает бровь, и князь поясняет:

– Никаких менестрелей, потерянных альдов и спасённых князей.

Разумеется, у него нет никакого права ей указывать, но Лаис, кажется, понимает верно – ему нужно поехать одному.

– Скучновато звучит, – чуть усмехается она. – Я Йара тогда навещу. Вернусь после большого бала королевы Катарины... Вы на него не едете?

Ирислав качает головой – вряд ли успеет, хотя приглашение ему, разумеется, выслали. Он собирался отправить Руслану с Яромиром, теперь уже не так уверен в этом, но, может, пускай и съездят...

Дальше разговор не клеится, потому что Ирислав дотянулся-таки до руки Лаис, и она взобралась на стол, а целоваться и разговаривать не очень-то получается...

Никаких дурных предчувствий у князя не было, и в путь он отправился уже вечером с небольшим количеством дружинников, с лёгким сердцем и тщательно скрываемой полуулыбкой – отчаянно счастливому человеку сложно сдержать в себе столько тепла, оно так и норовит выглянуть наружу через улыбку или через глаза...

С пшеницей всё не так уж плохо, куры пропадать перестали, стоило только охотникам отловить пару лисиц, а третий князь нашёлся всего лишь на второй день путешествия по когда-то принадлежавшему ему княжеству. Всего-то надо было приехать на ярмарочную площадь, где ранним утром торговцы и бродячие актёры только-только разворачивали свои шатры, и тут же обнаружился его несостоявшийся тесть. Благодаря браслету альдов обнаружился. И благодаря ему же Ирислав взял мятежника лично и без всяких сложностей – прикрылся отводом глаз, оглушил, снял амулет.

Присутствовать на допросах до конца не стал – сердце рвалось в королевство Син, туда, где Лаис. Приехать-таки на бал, сделать ей сюрприз, а себе подарок – танцевать с зеленоглазой богиней – чем не подарок?..

И вот теперь Ирислав под прикрытием отвода глаз стоит в тёмном углу огромного бального зала и смотрит, как Лаис танцует с другим. Принц Александр ведёт девушку уже третий раз подряд, и это была бы не беда, если бы не то, как она смотрит. Князь как-то уже привык к мысли, что так Аделаис смотрит только на него, и то не всегда, а в минуты страсти или нежности, и от того, что такой взгляд может достаться кому-то другому ему физически больно. На губах Лаис скользит полуулыбка, она то опускает, то поднимает глаза, она явно флиртует, и позволяет принцу держать себя слишком близко, пусть это незаметно практически никому в зале, Ирислав видит. И чувствует, как вопреки попыткам сохранить хладнокровие, он наполняется изнутри горечью и желанием убивать. Может быть, не о верности стране говорила Аделаис, отказываясь выйти за него замуж? Вдруг речь шла о простой верности, которую она не готова хранить... Альды... Непонятные, себе на уме, лишённые стыдливости и со своими понятиями о чести... А если она и в самом деле не хотела ехать? Может быть, сердце её уже

тогда рвалось в Королевство Син, а всё, что было до этого – либо забылось, либо хуже того – было по приказу короля ради своей страны...

Об этом тошно думать. Ирислав убирает отвод глаз, так до конца и не решив – то ли вызвать землетрясение и разрушить дворец до основания, погребя под обломками и себя и несостоявшуюся жену, то ли пойти и вырвать своё из рук Александра – поводом для войны это не станет, не у самой же Катарини он отберёт... А может, вышибить клин клином? Вокруг полно красивых девиц, бери – не хочу. Вот только... разве помогут костыли человеку, у которого вырвали сердце?..

Глава 21

В Королевстве Син Лаис нравилось. Тут всем альдам нравилось – можно гулять по улицам, не скрывая лица, и никто не будет визжать и падать в обморок от страха. Нет, панибратски хватать за локоть тоже никто не будет, разве что совсем потерявшие берега пьянчуги, но это и к лучшему...

Принц Александр ей тоже нравился. Умный, жёсткий, сильный маг, многие даже находят его красивым. Сама Лаис – нет, не находит, по крайней мере, до бокала вина, который она неосмотрительно пригубила, не находила. Теперь вот внезапно начинает находить...

На альдов не действует ментальная магия, а вот зелья – да, пусть и не все, и не всегда так, как рассчитывают создатели оных, но действуют. Если постараться и не чураться запрещённых ныне заклятий и рецептов, то и для альда можно сварить неплохой приворот.

Лаис немного подвела самонадеянность. Распознав, что в вино что-то подмешано, и определив, что принц Александр хорошеет прямо на глазах, она успокоилась. И даже решила, что хоть и не собирается терять голову от Его Высочества, это не означает, что она не может чуть-чуть поиграть. Просто чтобы выяснить – инициатива принца, али чья?

Так что девушка дарит Высочеству многообещающую улыбку и просит следующий танец. Дальше Александру намекать не надо – на третий танец он приглашает сам, как и на четвёртый. Лаис понимает, что пора останавливаться, иначе пойдут слухи, но она, чёрт возьми, так ничего и не пояснила, кроме того, что принц замечательно танцует, и не менее замечательно флиртует. От выпитого зелья весь остальной мир подёргивается дымкой и ускользает, словно всё, кроме объекта приворота – нелепые и неважные декорации, и отвести взгляд от принца становится и в самом деле всё сложнее.

– Покажете мне сад? – спрашивает Аделаис, когда мир начинает кружиться вокруг одним сплошным туманом, и Александр уводит её на воздух.

В саду становится легче, но ненадолго. И как назло, на небе ни облачка, яркая полная луна да звёзды... А впрочем, даже и будь дождь, всё равно не помог бы – не бывает гроз так поздно осенью...

– Лаис, – Александр заводит её в беседку, берёт за руку и, чуть склонившись к ней, шепчет: – Вы невероятны и восхитительны, но я не посмею предложить вам даже совместную прогулку в парке у всех на виду, пока в вас заинтересован Ирислав. Разберитесь сначала с ним.

Девушка забирает руку, но не отстраняется и взгляд не отводит. Усмехается:

– Зачем же тогда в моём вине был приворот, принц?

Он несколько секунд выглядывается в её глаза, не находя там и следа от недавно плясавших искр, затем вздыхает, то ли с облегчением, то ли с разочарованием:

– Госпожа Аделаис, вы только что нанесли сокрушительный двойной удар по моему самолюбию. И если от вести о несовершенстве системы безопасности я ещё как-то оправлюсь...

Александр не договаривает, горестно замолкает, но в глазах его на самом дне плещется смех, пусть и не очень весёлый. Чёрт побери, принц и в самом деле весьма привлекательный мужчина, а приворот становится лишь сильнее, хоть и не столько добавляет тяги к принцу, сколько душит, стирая весь остальной мир...

Лаис отступает на шаг, смотрит в небо, но даже оно начинает казаться бледным и неважным.

Просить у Александра отворот – унижительно. Разыскивать Ирислава на просторах Шести княжеств для немедленного акта настоящей любви – долго и знать бы ещё, где...

– Вам нужна помощь? – словно подслушав её мысли, предлагает мужчина.

– Помощь – нет, – тут же отзывается девушка, упрямо разглядывая небо. – Но от универсального противоядия в качестве извинений я бы не отказалась.

Смешок. И тон становится жёстче:

– А вы не теряйтесь, Аделаис.

Она пожимает плечами, устраивается на скамейке. А чего теряться?

– Думаете, кто-то придёт нас застукать? – интересуется Александр, чинно усаживаясь на противоположной стороне беседки.

– Думаю, да. Зачем бы иначе приворот?

– Лаис... – чуть помедлив, говорит принц. – Ирислав приехал, вы видели?

Девушка невольно вздрагивает, словно её поймали на горячем, хотя ничего предосудительного она не делала, не делает и делать не собирается.

– Не видела, – честно признаётся. Проклятый приворот... Но что уж теперь. – Значит, подождём, кто его сюда приведёт.

Александр хмыкает, и на пару минут повисает тишина, нарушаемая только птичьими трелями.

– Анекдот хотите? Про альдов, – снова вступает в диалог принц.

– Нет, – чуть улыбается Лаис. – Только не это.

Александр, кажется, ничуть не разочарован:

– Не любите анекдоты?

– Смешные – люблю, – хмыкает девушка. – Но я ни разу не слышала, чтобы трезвый человек рассказывал смешной анекдот про альда. Тем более альду.

Принц усмехается, и снова тишина на несколько минут. Затем:

– Я думаю, Ирислав не придёт, Лаис. Он видел, что мы танцевали, сделал неверные выводы, и не придёт.

– Тогда вам стоит вернуться, – спокойно отзывается Аделаис. Кажется, даже слишком спокойно, но это лишь потому, что желание коснуться собеседника всё нарастает, и уже слишком остро чувствуется, чтобы продолжать находиться рядом. Отправиться что ли домой, к альдам? Но как уйти, не повидавшись с Ириславом?

– Лаис, во что вы играете? – резко спрашивает Александр. – Вы ведёте себя совсем не так, как девушка под приворотом. Я начинаю сомневаться, что он и в самом деле был... Может, вы его придумали? Зачем?

– Был, – девушка переводит взгляд на собеседника. – А вы как будто разочарованы слабым эффектом... Неужто ваш?

А как с Ириславом теперь повидаешься? Приворот или нет, признаваться любимому мужчине в тяге к другому нельзя. Умом, может, и простит, а сердцем – нет...

– Ну что вы, – усмехается принц. – Я бы делал не на себя... а вот, к примеру, на короля Заозёрья. Или какого-нибудь принца из Ларрэта. Смотря с каким государством хотел бы поссорить Ирислава и альдов. Ну или на кого-нибудь из ваших соотечественников, на худой конец, если поссорить надо только княжества и альдов...

– Почему вы думаете, что он не придёт? – Лаис снова смотрит на небо. Вон из той малюсенькой тучки ведь может вырасти гроза?..

– Это вопрос репутации, Лаис. Лучше сделать вид, что сам эту легкомысленную девицу сомнительных моральных качеств бросил, чем разыскивать доказательства, ещё и при свидетелях, загоняя себя в роль дурака, которому наставляют рога. Я бы не пошёл. Мужчины, знаете ли, весьма чувствительны к вопросам самолюбия.

– Вы только что меня оскорбили, – девушка плавным движением поднимается. С удовольствием и даже с радостью тянет ставшую уже почти ритуальной фразу: – Ищете драки, принц?

– Я ищу. – У беседки стоит Ирислав, и смотрит подчёркнуто на Александра. – Уважите, принц? Неофициально.

– Я сама, – недовольно цедит девушка. Какой альд стерпит, что бой уведат у него из-под носа? Тем более с достойным противником.

– Увы, госпожа посол, – холодно роняет князь, не удостоив и взглядом. – Не сегодня.

– Знаете что? – Александр направляется к выходу из беседки, решив, кажется, проигнорировать оба вызова. – Развлекайтесь без вызова. Увижу вас обоих за завтраком. Доброй ночи, госпожа Аделаис. Доброй ночи, Ирислав.

– Доброй ночи, госпожа Аделаис, – повторяет за принцем князь, так и не взглянув на неё, и тоже направляется прочь.

– Доброй ночи, Ваша Светлость, – вздыхает Лаис, усаживаясь обратно и снова поднимая взгляд на небо. Добавляет тихо-тихо: – Рада была вас увидеть... хотя бы увидеть.

Князь, словно услышав, на секунду замирает, но затем продолжает идти. Даже, кажется, шаг слегка ускоряет...

Лаис сидит в беседке, наверное, целый час. Уже заканчивается бал, расходятся, разъезжаются, укладываются спать гости...

Наконец, она встаёт и идёт к покоям. К его покоям, своих у неё во дворце нет. Зачем? Сама не знает, но иначе, кажется, просто невозможно. Проклятый приворот сводит с ума, мешает трезво мыслить...

В коридорах дворца уже тихо и сумрачно – притушен свет, позёвывает стража... Лаис идёт, прикрывшись отводом глаз, и до заветной двери остаётся всего несколько десятков шагов, когда девушка обнаруживает конкурентку – из двери в покои королевской четы Заозёрного королевства выскальзывает Её Величество Наира. Лаис даже не знает, что возмущает её больше – то, что королева Заозёрья прикрывается альдовым амулетом, или то, что крадётся она, судя по всему, к Ириславу!

Впрочем, зачем выбирать? Лаис без малейшего сожаления портит амулет и накидывает на дверь в покои Ирислава отвод глаз. Следующая по коридору дверь в покои Александра... Лучше и не придумаешь.

Сама девушка тихонько стучит по только что спрятанной от всех двери. Откроет? Впустит? Или сразу захлопнет, ибо ждал Наиру?

Ирислав открывает – без рубашки и босиком, и по его лицу невозможно определить, ждал ли он другую, или вообще не ждал никого. Молча отступает, позволяя девушке войти. Закрыв дверь, кивает ей на кресло, сам садится в другое, напротив.

Лаис на секунду застывает возле предложенного ей места, затем, оценив, что оно слишком далеко, раз в десять дальше от Ирислава, чем ей нужно, садится на ковёр рядом с его креслом. Извинение. Признание важности. Просто признание, наконец. А ещё рядом с ним приворот почти отступает...

Князь молчит. Лаис смотрит на огонь, расправляет складки на юбке, и тоже не произносит ни слова.

– Меня не устраивает отсутствие каких-либо обязательств в наших отношениях, – говорит, наконец, Ирислав.

– Почему вы считаете, Ваша Светлость, что их нет? – девушка задирает голову, встречая тяжёлый взгляд.

– Мне нужна верность, – прямо требует князь.

– У тебя есть моя верность, Ирислав, – тихо отзывается она. – Моё сердце и женская верность давно твои.

Наверное, дальше надо заговорить про приворот, объяснить как-то Александра, выяснить, не пытался ли кто отвести Ирислава в сад, не намекал ли чего... Может, нужно даже про Наиру спросить – чего это она среди ночи с государственным визитом...

Но Лаис, не опуская глаз, проводит ладонью по бедру князя, с удовольствием наблюдая как полыхает от этого его взгляд, и Ирислав, резко выдохнув, тянет её к себе. Целует со всей страстью стихий, и девушка чувствует, как отступает, разрушается чужое колдовство.

Князь – это та же гроза, только гораздо лучше.

– Выходи за меня.

Лаис открывает глаза – давно рассвело, и через тёмно-синие шторы пробивается свет. Ирислав уже в штанах и сапогах, надевает чистую, ослепительно-белую рубашку...

– Как? – спрашивает она. «Как решить то, что останавливает?»

– Как-нибудь, – твёрдо обещает князь. «Как-нибудь решим. Нет нерешаемых проблем.»

Возможно, он и прав, вот только... куда торопиться?

– Я буду рядом, – отзывается девушка, и снова закрывает глаза, устраиваясь поудобнее. «Рядом. Но не женой. Прости.»

– На завтрак пойдёшь? – как ни в чём не бывало спрашивает князь, и Лаис понимает – не сдался, не отступился. И не отступится. И от этого она любит его ещё больше...

– Нет, – чуть улыбается, представив лица Александра и Наиры. – Думаю, завтрак мне лучше пропустить... а может, и обед.

– Мне следует что-то узнать? – помрачнев, интересуется Ирислав.

Аделаис открывает глаза. Посылает князю нежный и самую чуточку виноватый взгляд, и признаётся:

– Я повесила отвод глаз на вашу дверь, Ваша Светлость. Боюсь, в результате Её Величество Наира могла посетить покои Александра вместо ваших нынче ночью...

– Не думаю, что кто-то из них будет предъявлять претензии, даже если таковые и имеются, – хмыкает успокоенный и, кажется, даже довольный князь. Так что Лаис позволяет себе небольшую шпильку:

– Надеюсь, Ваша Светлость, ваши государственные дела с Заозёрным королевством не пострадали, – прищуривается она.

– Я тоже надеюсь, – Ирислав усмехается и скрывается за дверью.

А уже через несколько минут за окном раздаются отдалённые раскаты грома.

Нет, всё-таки альду устоять перед стихийным магом совершенно невозможно...

Глава 22

Время летит быстро, а к хорошему привыкаешь ещё быстрее. Зима пронеслась одной сплошной снежной сказкой, и давно вовсю хозяйничает весна, а Верховному князю Шести княжеств сложно уже и представить свою жизнь без госпожи Аделаис. Девушка упрямо отказывается от предложений, которые князь не стесняется периодически повторять, и живёт она отдельно – в отведённом альдам доме... но приходит каждую ночь. Страстная, желанная. Любимая.

Ириславу даже кажется, что они нашли, наконец, хрупкое равновесие, и виртуозно научились обходить все острые углы, коих огромное количество – интересы двух государств никогда не совпадут полностью, это нереально, и можно было бы пожить так ещё лет пять, чтобы подготовить и в самом деле преемника, а затем переехать к альдам...

«Будет война с альдами». В еженедельном отчёте от прорицателей прискорбно мало строк – всего одна, зато какая... Хочется сжечь проклятую бумагу, словно это что-то изменит... Нет, Ирислав прекрасно понимает, что все эти предсказания – всего лишь один из возможных путей, пусть и более вероятный, но искривлённый толкованием самого прорицателя, который и видел-то всего одну короткую сцену... но всё-таки это самый вероятный путь. И чтобы он перестал таковым быть, необходимо всё-таки что-то предпринять...

Князь даже отложил все остальные дела – лично отправился в монастырь, из которого пришло донесение, чтобы переговорить с прорицательницей, которая это выдала. В отличие от своих коллег-монархов, князь не стал принудительно собирать прорицателей в специальных домах, они жили среди обычных людей, многие имели семьи, и если вдруг видели что-то важное, как им казалось, шли с этим в ближайший монастырь.

Шансы, что это просто чья-то шутка или неумелая попытка расстроить слишком близкие отношения Ирислава и Аделаис, увы, невелики – прежде чем принять послание, человека проверяют – действительно ли он прорицатель, да и принц Александр около недели назад очень осторожно пытался узнать, что бы князь стал в такой гипотетической ситуации делать.

Принца он тогда послал, а вот саму жизнь, если она захочет получить ответ на такой же вопрос, так просто не отошьёшь.

Прорицательница оказалась совсем молодой девчонкой – на вид ей было не больше четырнадцати, хотя она уверяла, что все семнадцать. И князя она боялась так, что дрожали губы и срывался голос, и глаз поднять не смела. Впрочем, возможно, дело ещё в том, что видение не из лёгких и не из приятных...

– Простите... простите... – шептала несчастная прорицательница, наверняка, уже сто раз раскаявшись в своём сообщении и даже в видении как таковом, как будто бы прорицательницы способны выбирать, что увидеть.

– Я ничего тебе не сделаю, – в десятый раз очень мягко и спокойно повторяет князь. – Ты правильно сделала, что сообщила. Я лишь прошу тебя рассказать, что именно ты видела. Что произошло? Где?..

– Я видела... альды убивали людей. В каком-то городе... я не знаю, в каком. Простите...

– А люди альдов?

– Т-тоже. Вернее, пытались. Но просто не успевали...

Да уж, человеку не тягаться с альдом в скорости... и ещё много в чём.

– Ты кого-нибудь из альдов рассмотрела? – почему-то он не решается спросить прямо: Аделаис там была? Тоже убивала?

Он прекрасно помнит, что их знакомство началось с массового истребления предателей госпожой Аделаис. Она сделала это очень легко.

– Н-нет. Они слишком быстрые...

Увы, девушка и в самом деле мало что может рассказать. Даже время года и то непонятно, что уж говорить о стране. По мелким деталям князь бы предположил, что речь всё-таки не о княжествах, а о Королевстве Син или Заозёрье, но всё это лишь предположения...

Обратно он возвращается с тяжёлым сердцем и нерадостными думами.

Какие бы слухи ни ходили, что бы ни шептала народная молва, но верховный князь и госпожа посол встречаются не только ночами, есть и официальные обеды раз в две недели – должны же они когда-то государственные дела обсуждать. Впрочем, нынче князь слегка рассеян, так что Лаис даже против обыкновения сама наливает себе вина. И ему тоже.

– Если будет война между людьми и альдами, кто победит, по вашему мнению, госпожа

Аделаис? – задумчиво вопрошает князь.

– Никто, – отзывается Лаис, откладывая вилку, которой уже было нацелилась на ароматный кусок жареного мяса. – Никто не победит, потому что вряд ли выживших будет достаточно с какой-либо стороны, чтобы назвать это победой. Мы не хотим войны.

– Что могло бы заставить вас её начать?

– Если вы спрашиваете меня как посла, Ваша Светлость, то, разумеется, ничто на свете не заставит, – немного грустно улыбается девушка.

– Спрашиваю неофициально, – усмехается князь.

– Приказ короля. – Лаис немного молчит, затем добавляет. – Альды очень дисциплинированный народ, даже если со стороны кажется по-другому.

– То есть вопрос в том, кто будет следующим королём, – подытоживает князь, верно поняв намёк.

– Мы верим, что данный вопрос встанет ещё очень нескоро, – отзывается девушка, мрачней.

Ирислав понимает, что он сейчас давит на неё, пользуясь чувствами, заставляя сказать больше, чем сказал бы любой независимый посол. От этого он противен сам себе, но это только в сказках у правителя безупречно чистая совесть и всегда выбор лишь между сплошным чёрным и кристально-белым.

– Я слышал, что сын короля, Бран, не разделяет его мудрости и прогрессивных взглядов...

– Следующим королём может стать любой альд. Корона выбирает сама, – девушка уходит от ответа и поднимается, так и не притронувшись к отложенной чуть ранее вилке. – Прошу простить, Ваша Светлость.

Ирислав молча кивает и тоже встаёт, не находя слов, чтобы извиниться, и не решаясь спросить – на чью сторону встанет она сама. Потому что знает ответ – на сторону своих. Она об этом уже прямо сказала: «альды – очень дисциплинированный народ», и требовать от неё другого будет нечестно, как и винить за такой выбор. И всё же, совсем не винить не получается – сделай она свой выбор раньше, прими одно из его предложений, насколько спокойнее и проще было бы ему сейчас! Ирислав знает, что это эгоистично с его стороны, но поделать ничего с собой не может – девушка и в самом деле очень ему дорога.

Аппетит ушёл, кажется, вместе с Аделаис, так что князь возвращается в кабинет. Там его ждёт куча дел и, чёрт возьми, очередная весточка от прорицательниц. «У альдов будет другой король ещё до исхода лета». Вздыхнув, князь садится писать письмо нынешнему королю альдов. Как бы ни было сложно подобрать слова – он уже понял, что альды болезненно реагируют на заботу об их благополучии, принимая это как намёк на их собственную слабость или трусость, но это не то, что можно передавать через Лаис, точно не то...

В свете маячащей угрозы войны обычные рутинные дела начинают раздражать. Хочется схватить за шкуру или за грудки очередного графа или барона, потратившего полдня на то, чтобы описать, как сосед, такой же болван, ущемил его имущественные права, заняв своей конюшней лишние пару метров земли. Схватить, встряхнуть и показать, как выглядит настоящий альд, желающий кому-то что-то ущемить. Письмо соседа, в котором даже почерк и использованные речевые обороты были чем-то неуловимо похожи, взбесило князя окончательно. Конюшню со всеми лошадьми и симметричный участок земли первого жалобщика он постановил конфисковать в пользу государства...

Ближе к вечеру заглянул Яромир. Он неплохо справляется с Шестым княжеством, куда лучше, чем Ирислав ожидал... и до вестей о вероятной войне именно его князь видел своим преемником. Да и теперь видит, вот только смысл отходить от дел начинает неуловимо ускользать...

Яромир, чуть помявшись, выкладывает перед князем пару исписанных мелким почерком тетрадей.

– Сообщника Иршши так пока и не нашли, зато в процессе поисков обнаружили тайник. Там... про альдов. Много всякого. Со времён Кровавой Империи... – его потенциальный преемник вздыхает и опускает глаза.

Князь грустно усмехается. Увы, проверку временем чувства Яромира и Русланы не прошли, причём не прошли у обоих. Руслана, вроде, просто охладела, хотя кто этих девушек разберёт, что у них на самом деле на сердце, а вот Яромир пал жертвой изумрудных глаз госпожи Аделаис. Тут князь его прекрасно понимал... как и тяжкий вздох, вырвавшийся у молодого мужчины. Вроде и делаешь всё правильно, как велит честь и долг перед своим народом, а на душе паршиво, словно ты последний трус и лгун.

Яромир уходит, а Ирислав листает тетрадь. Действительно много всего. От чего-то альды, вероятно, изобрели защиту, от чего-то нет. Как найти альда... Как альда обезвредить... Как альда пытать... проклясть... изувечить...

Очень, очень полезные тетради. Князь вырывает несколько особо жестоких страниц, на секунду замирает перед камином – не бросить ли в огонь, ведь это дико и настолько бесчеловечно, что люди такого не то что делать, даже знать о таком не должны... но останавливается. Снимает кольцо-ограничитель, прижимает руку с вырванными листами к одному из камней в обрамлении камина. Бумага медленно исчезает внутри камня. Никто кроме стихийного мага теперь эти листы не извлечёт, да и тот должен откуда-то узнать, в каком камне искать. А то ведь камней в крепости у Ирислава много...

Подвергшиеся цензуре тетради князь отдаёт ведунье, Марене. Людям давно пора научиться определять присутствие альдов, да и испытанную веками мудрость никто не отменял: хочешь мира – готовься к войне.

Лаис ожидаемо не пришла, и Ирислав, вместо того чтобы оставить девушку в покое, идёт к ней. Не один – с коньяком. Вино почему-то кажется неподходящим. Слишком лёгким, даже легкомысленным. Совершенно не то, что нужно.

В окнах дома света нет, но зато сама Лаис сидит на крыльце и пугает редких прохожих слегка светящимися в темноте изумрудными глазами...

Князь садится на ступеньку рядом с ней, молча протягивает коньяк.

– Что не так? – спрашивает Аделаис, не торопясь брать бутылку. – Почему мы говорили о войне?

Ирислав чуть усмехается своим мыслям: теперь его очередь уступить, но не поступиться. В конце концов, в том, что Лаис не хочет войны, он уверен. Так что хуже, наверное, не будет...

– Прорицательницы видят сражения между альдами и людьми, – тихо говорит он.

– В любом сражении как минимум две стороны, князь, – хмыкает девушка после небольшой паузы.

– Истинно так, госпожа посол, – соглашается Ирислав.

Аделаис молчит, в дом не зовёт, но и не гонит... хорошо уже, что не гонит. И сама не спешит уйти.

– Прости, – говорит князь. – Я не знаю, как по-другому. Не могу придумать.

Вместо ответа девушка, наконец, берёт бутылку, которая сиротливо стоит между ними.

– Коньяк?..

– Коньяк, – соглашается князь, предварительно придирчиво изучив бутылку, словно что-то могло поменяться, и словно что-то можно рассмотреть. – Хороший. Будешь?

Несмотря на темноту вокруг, он видит, как краешек губ Аделаис тронула улыбка...

Глава 23

Руслана розовела, мялась, покусывая губы, шарила взглядом по окну и углам, и, наконец, выдала, зачем пришла:

– Лаис... а Йар... он ещё приедет?..

Девушка довольно долго дулась на Аделаис за то, что та сдала её князю, застукав в его кабинете, но буквально несколько минут диалога с Йаром пару месяцев назад, и Лаис уже не обидчица – а сестра и источник информации об объекте мечтаний...

– Приедет, – Лаис разливает по кружкам только что заваренный травяной чай, ставит на стол, садится напротив девушки. Под слегка насмешливым взглядом гостя розовеет ещё больше, и ей это, надо признать, идёт.

– А когда? – спрашивает Руслана, пристально рассматривая и тихонько ковыряя уголок скатерти.

Сестра объекта мечтаний пожимает плечами:

– Когда захочет.

– Ла-а-аис, – простительно тянет подопечная Ирислава.

Девушка-альд вздыхает и, изменив своим правилам, даёт-таки совет от чистого сердца:

– Забудь.

Как водится, мудрый, своевременный, но совершенно непрошенный совет начисто игнорируется.

– Почему? – недоумённо и обиженно спрашивает Руслана. – Что ты имеешь против наших отношений?

Лаис хмыкает. Отношений? Йар ослепительно улыбается и галантно себя ведёт, но это ровным счётом ничего не значит. Если бы Руслана действительно ему понравилась, она бы лучше всех знала, когда альд навестит в следующий раз княжества... но объяснять это... не стоит и пытаться.

– Ничего не имею, – отзывается она. – Возможно, заглянет через неделю – после выпускного бала в Академии. Возможно, и нет...

Руслана светится от радости и чуть ли не хлопает в ладоши. Лаис с подозрением на неё косится, и начинает понимать, что зря дала слабину...

Увы, слишком поздно.

Теперь девушка бежит к Лаис каждый день. То причёску показать, то платье, то ещё одно платье, то просто поговорить и повздыхать о Йаре. Аделаис вначале пытается ещё объяснить, что брат если и заглянет, то ненадолго, перед длительным отъездом, а может и вовсе не заглянуть, затем просто ускользает от зачавшей гостью под отводом глаз, и совершенно не воспринимает всё это всерьёз... до утра того дня, который так ждала Руслана.

Утро это начинается слишком рано, даже раньше того времени, когда Лаис обычно выскальзывает из покоев князя. Собственно, это и утром назвать сложно, потому что солнце ещё прячется за горизонтом и едва-едва начинает светать. И уже стук в дверь.

– Ваша Светлость, – тихо зовёт князя его ведунья Марена. – Я прошу прощения... но это очень срочно! Ваша Светлость?

Лаис наблюдает, как князь натягивает штаны и скрывается за дверью кабинета. Подслушивать – недостойно доверительных отношений, но куда деваться, когда слух настолько хорош, а стены настолько тонки...

– Ваша Светлость... у нас беда, – говорит Марена, и девушка-альд, начавшая тоже одеваться, замирает в предчувствии плохих новостей. Беды князя она с некоторых пор принимает очень близко к сердцу.

– Говори уже, – напряжённо просит князь.

– Убито двенадцать дружинников, меньше часа назад. Они кутили в таверне, отмечали день рождения Ирвена, засиделись... Хозяин говорит, отлучился на несколько минут, посуду грязную унести, вернулся – все зарезаны, и рядом нож альдов валяется... и никто никого не видел. И, говорит, до этого парни поднабрались, анекдоты про альдов травили... всякие, не очень приличные – тоже. Ваша Светлость, госпожа Аделаис...

– ...провела всю ночь со мной, – отрезает князь.

Но ведунья не унимается:

– Ваша Светлость, возможно ли, что когда вы уснули...

– Она. Была. Здесь, – с нажимом говорит князь. – Это не она.

– Возможно, – отступает Марена. – Но вроде бы её брат собирался посетить княжества, Руслана говорила. Может быть, он?

– Йар обучался несколько лет в Академии в Королевстве Син среди людей. Не думаю, что у него какие-то проблемы с пьяными дебилами и их анекдотами, – мрачно говорит Ирислав.

– Человеку такое не под силу. И оружие альдов... – укоризненно шепчет ведунья. Кажется, ещё немного, и князя упрекнут, что он сам прирезал своих дружинников, принёс в жертву ей, Аделаис. Девушка еле слышно фыркает и надевает рубашку и сапоги. А разговор тем временем идёт дальше:

– Я могу сделать поиск... – говорит Марена понизив голос, но теперь уже госпожа посол подслушивает намеренно. – Нужна только кровь госпожи Аделаис...

– Нет, – говорит князь, и Лаис, вздохнув, толкает дверь.

– Я готова, Ваша Светлость. Простите, но я слышала... всё. Давайте проверим, есть ли где-то поблизости альды кроме меня. Я не верю, что это сделал альд.

Ирислав медлит пару секунд, а затем кивает Марене:

– Давай.

Ведунья, оказывается, готовилась – у неё с собой карта, маячок – невзрачный овальный камушек, и текст заклинания. Она шустро расстилает карту на рабочем столе князя, пока Лаис, пряча зевок, косится в окно – над горизонтом показался розовый краешек солнца.

– Капните кровью на маячок, госпожа Аделаис, – просит Марена, и Лаис, ткнув кинжалом в палец, капает. Маячок поднимается, зависает над точкой, где дворец князя, а затем начинает двигаться по кругу, всё увеличивая радиус.

– Как он покажет, если кого-то найдёт? – спрашивает девушка. Заклинание времён Кровавой Империи, между прочим. Лаис видит его в действии первый раз в исполнении человека.

Ведунья бросает на неё неприязненный взгляд, и неохотно поясняет – появится красная точка на карте.

Маячок дошёл уже до границ княжеств, а точки не появляются...

– Альды умеют быстро перемещаться, – бормочет как бы себе самой Марена. Словно оправдываясь, что её заклинание никого не нашло.

– Умеют, – спокойно соглашается девушка-альд. – А люди точно так же умеют пользоваться ножом, как и альды. Мне можно взглянуть на место преступления?

– Можно, – говорит Ирислав. – Пойдём вместе прямо сейчас.

– Где ваш брат? – спрашивает Марена, не скрывая неудовольствия. Впрочем, взгляд князя она не выдерживает, отводит глаза. Протягивает руку, чтобы остановить маячок, который прошёл по самому краю карты – уже за пределами княжеств, но Лаис его перехватывает. Не удерживается от лёгкой язвительности:

– Простите, госпожа Марена, но вам придётся завести себе другой маячок. На этом моя кровь, так что я его заберу.

– Разумеется, госпожа Аделаис, – слегка разочарованно соглашается ведунья.

Ещё бы – такой материал для экспериментов уплыл из рук.

– Ни одного альда, кроме Аделаис, я правильно понял? – переспрашивает князь.

– Да, Ваша Светлость, но... – ведунья беспомощно замолкает, и Ирислав возвращается в комнату, чтобы доодеться.

– Где ваш брат? – повторяет Марена, пользуясь его отсутствием. – Разве он не собирался вас навестить?

– Я и не знала, что у Йара в княжествах столько поклонниц, – тянет Лаис, заставляя ведунью даже покраснеть от злости. Добавляет с умилением: – Вырос братик...

Место бойни Лаис рассматривает очень внимательно, неосознанно чуть задерживая от волнения дыхание. Что бы там ни показал поиск, Марена права – альды могут передвигаться очень быстро, более того, если у альда достаточно силы, он может пробить портал и шагнуть куда-то напрямую. Происшествие не рядовое – обычно столько лишней силы ни у кого нет, но теоретически возможность остаётся... равно как и то, что Марена что-то напутала, и поэтому её поиск не удался. Если это альд, разумеется, Аделаис не будет об этом говорить ни князю, ни кому-либо ещё, только своему королю. А ещё найдёт и уничтожит...

Впрочем... всё на месте происшествия говорит о том, что альды ни при чём. Девушка задумчиво обходит вокруг стола, рассматривая убитых. Почти у всех перерезано горло, всего двое убиты ударом в сердце... на полу следы крови, и Лаис кажется, что некоторых, например, вот этого бородатого здоровяка убили возле двери, а за стол притащили уже потом. Что совсем никак, на взгляд Аделаис, не согласуется с версией про альдов... Раны на шеях – тоже не соответствуют. Такое впечатление, что их убивали по одному, но невидимый или незаметный противник... не стыкуется, совсем не стыкуется.

И пространство не повреждено, не уходил никто отсюда, используя магию, скорее, элементарный отвод глаз, если ещё остались действующие амулеты Трома...

– Это не альд, – говорит Лаис мрачно глядящему на неё князю. Князь молчит, а Марена, не удерживается, язвительно цедит:

– Ну конечно.

Аделаис переводит на неё взгляд. Ведунья бледна до синевы и с трудом держится, чтобы не сползти по стенке, у которой стоит, проваливаясь в обморок. Наверное, спокойствие Лаис на месте бойни кажется ей свидетельством крайней чёрствости и чуть ли не признанием вины...
– Если бы это был альд, – спокойно поясняет Лаис, – и хотел бы перебить всех без боя, он бы сделал так...

Она одним прыжком оказывается на столе, моментально перетекая в выпад с одного края стола на другой, и завершая круг воображаемым ножом менее чем за секунду.

Марена сдавленно охает от такой явной демонстрации нечеловеческих возможностей.

– ... и раны были бы другими! Им же перерезали горло по одному... А если бы альд разозлился до такой степени на какой-нибудь глупый анекдот, – девушка спрыгивает со стола и неуловимой тенью скользит по помещению, оказываясь вплотную к Марене, та невольно вжимается в стенку, – он бы и в самом деле мог убить их по одному, но голыми руками, затолкав слова и что-нибудь ещё обратно в рот...

– Интересное алиби, – ведунья нервно сглатывает, но присутствия духа всё-таки не теряет.

Кажется, даже взбодрилась. – Недостаточная жестокость...

– Марена, хватит, – одёргивает князь.

Лаис хмыкает, но не отвечает. Оставляет ведунью в покое, подходит к Ириславу, накидывает на него и на себя отвод глаз, берёт его за руку, заглядывает в глаза:

– Я должна доложить королю.

Князь кивает. Задерживает её ладонь в своей.

– Лаис, ты уверена, что это не альд? Официальную версию я поддержу в любом случае, но мне надо знать.

– Когда я шла, сомневалась, – честно признаётся девушка. – Теперь – нет. Не сомневаюсь, точно не альд.

Ирислав кивает и отпускает её руку.

– Возвращайся скорее.

В дороге Лаис гадает – кому понадобилось рассорить князя с альдами, вроде бы, Ирислав уже почти со всеми заговорщиками разобрался, не найден пока только соратник поддельной Иршиши... но что ему даст ссора с альдами? Не настолько пока крепкие отношения между двумя государствами, чтобы чему-то мешать или угрожать... Возможно ли, что кто-то желает рассорить князя именно с ней? Но кто и зачем? Кто-то из бывших женщин князя? Кто-то из тех, кто мнит себя будущей его супругой и грезит, что помеха лишь в ней, Аделаис? Вряд ли... Масштаб всё-таки не тот.

На половине пути её настиг королевский зов, и девушка послушно ускорила. Её терзало лёгкое любопытство вкупе с лёгким же беспокойством, но она и представить не могла, что её вести окажутся чуть ли не хорошими на фоне всех остальных.

Рассказывали страшное – альды по необъяснимым причинам начали впадать в ярость и убивать людей. Иногда прямо вот голыми руками, как Лаис расписывала недавно Марене, и в одном из случаев были свидетели, да и альд потом, осознав, что натворил, сдался под арест совершенно добровольно...

В ожидании Малого Совета, назначенного на завтра, чтобы Йар успел прибыть, альды обмениваются настороженно-недоумёнными взглядами. Инсценировки, как в случае с дружинниками князя – неприятно, но объяснимо. Где-то даже ожидаемо, и не так уж и страшно, особенно если удастся убедительно продемонстрировать подлог хоть по одному случаю... а вот то, что кто-то из их народа и впрямь сорвался – беда.

Один лишь Бран – сын короля и, как надеется Лаис, ни разу не будущий король – не разделяет общего настроения. Кажется, он даже рад копящемуся в мире напряжению... Впрочем, возможно, она к нему несправедлива, и он просто рад возвращению домой. Молча пройти мимо неё Бран, как обычно, не смог:

– Дурной пример заразителен, – заявил он, только завидев Лаис на лестнице внутри королевского замка. – И усугубляется. Твой брат свихнулся на безродной человеческой девке. Даже не на княжне какой-нибудь, представляешь?

Девушка прикинула, что ничего такого, за что следовало бы немедленно врезать, Бран пока не сказал, а значит, можно игнорировать, и просто прошла мимо него, не удостоив и взглядом.

– Он сломал мне руку! – с неподдельным возмущением сообщил Бран, направляясь за ней.

Тут Лаис всё-таки остановилась, окинула соотечественника внимательным взглядом – гипса на руке нет...

– Уже зажило? – спросила с отчётливо читающимся разочарованием. Но на случай, если кто не понял, добавила: – Как жаль!

– Жаль тебе будет, когда князю надоешь! – зло бросил ей в спину сын короля. – Или когда твой брат тебя же подставит в угоду человеческой девке!

Отвечать Лаис не стала. Да и какой тут может быть ответ кроме вызова, который Бран не примет, пользуясь тем, что она девушка?

Малый Совет принёс ещё больше плохих новостей. Оказывается, у Йара тоже не всё гладко. Да насколько! Казалось бы простое задание по личной просьбе королевы Катарины – сопровождать травниц на ежегодную практику для сбора трав, из-за чего Йар и не посетил вопреки чаяниям Русланы Шесть княжеств, обернулось чередой неприятных открытий. Засада из разбойников, которые должны были инсценировать, что это альды перебили травниц, и вероятно, не только перебили, но перед этим и попользовались, не удавшаяся лишь потому, что альды изменили маршрут. А уж дальше... порошок, вызывающий неконтролируемую ярость и желание убивать! Рассказывает брат коротко и сухо, но Лаис почему-то очень хорошо это всё представляет, словно она сама стоит возле костра, глядя на беззащитных, замороженных заклятием травниц и альдов, и безнадежно проигрывая жажде убивать голыми руками.

– Одна из травниц, поняв, что происходит, успела бросить в костёр успокаивающую травку, так что всё чудом обошлось, – заканчивает свой доклад Йар.

Лаис, повинувшись взгляду короля, начинает рассказывать о своём происшествии, успевает отгрызнуться на Брана, который пытается что-то там язвить, а сама косится на Йара. «Одна из травниц» – это та самая? И как человеческая травница, интересно, поняла, что происходит раньше, чем сам Йар? Что ты скрываешь, братишка?

Глава 24

Пожалуй, Ирислав впервые за всё время их отношений рад, что Лаис ушла. Слишком много в нём сейчас того, что не стоит показывать никому – тяжёлого, неприглядного, тёмного.

Наверное, прирождённый и правильный правитель должен одинаково трепетно относиться к каждому подданному, он этого не знает, его никто не учил быть князем, его вообще должны были убить если не при рождении, то уже лет в пять так точно, и научился он лишь тому, что дороже верных и преданных людей ничего нет и быть не может...

– Выйди, – глухо выдыхает князь шагнувшей к нему Марене. – Иди с хозяином поговори, и никого сюда не пускай.

Ведунья покорно метнулась к двери, даже, кажется, слегка приложила об дверь от усердия и спешки. Ирислав чуть поморщился – старательная, талантливая девочка, которая до сих пор делит мир на чёрное и белое. Василина была циничнее и умнее. Пока не свихнулась на идее завести от него ребёнка... Возможно, он сам точно так же свихнулся на Аделаис?

Он снял кольцо-ограничитель, сунул его в карман. Помедлил пару секунд, чувствуя, как тянутся стихии, послушные, восприимчивые... Остановился у первого убитого. Закрыл ему глаза, беззвучно шепнул клятву – стихия услышала и приняла, шагнул к следующему... Имена застревали в горле, наполняя чувством вины. Кто бы это ни сделал, пускай даже Лаис ему соврала, и это альд, пускай даже её брат или она сама, князь клянётся – убийце, как и заказчику, не жить.

В таверне добротный дощатый пол, тяжёлые деревянные стулья и столы, а дерево – неподвластный стихийному магу материал, с ним не получится поговорить как с землёй... но Ирислав и не пытается, он говорит с водой. Она везде – мельчайшие капли в воздухе, в телах дружинников, в вине, выдыхающемся в кружках на столе... У воды хорошая память, вот только князя никто не учил её читать, в ушах начинает гудеть, словно он и в самом деле с головой нырнул в бездонное озеро, он, кажется, даже и дышать рефлекторно перестаёт, и спохватывается только когда лёгкие начинают жечь... С сожалением надевает кольцо обратно. Всё, чего удалось добиться – смутное ощущение, что альда здесь и в самом деле не было. И, честно говоря, непонятно, можно ли этому ощущению верить.

Хочется пойти наружу и спросить землю. Найти убийцу или убийц так же, как отыскал тогда Аделаис... Нет, нельзя. Шансы на успех невелики – народа по мостовым проходит слишком много, это не то, что искать альда среди людей, это всё равно что пытаться муравья найти среди сотен собратьев в муравейнике... а риски слишком велики. Народ княжеств хорошо усвоил, что

их Верховный князь – не маг, начини он колдовать на виду у всех, слухи о подлоге снова поползут, что сейчас ну совсем не вовремя... не говоря уже о том, что он снова может свихнуться, а госпожи Аделаис, чтобы любезно отправить его в беспамятство, рядом может и не оказаться...

За дверь Ирислав тем не менее выходит. Город просыпается и спешит по делам, как ни в чём не бывало. Редкие прохожие, замечая князя, кланяются, некоторые прячут улыбки, решив, вероятно, что тот кутил здесь всю ночь...

– Ваша Светлость, вы... вы предвзяты! – рядом встаёт Марена.

Ирислав переводит взгляд на ведунью. Она бледнеет, хотя, казалось бы, больше некуда, добавляет упрямо: – Простите. Но это так.

– Да, – соглашается он. Не удержавшись, язвит: – А это как-то влияет на факты?

– На толкование фактов. Прорицательницы видят войну не на пустом месте! – не сдаётся девушка.

Ругать Марену за откровенность и собственную точку зрения – не дело, те, кто окружают себя сплошь льстецами и угодниками долго не правят, да и вообще, долго не живут... Момент, правда, она выбрала неудачный – тяжёлая, вяжущая мысли, жгущая изнутри ярость никуда не делась, лишь приумножилась, и любой контакт с внешним миром вызывает теперь раздражение.

Ирислав подставляет лицо начинающемуся дождю. Отправить к Руслане Марену или переговорить самому? Она последнюю неделю только и твердила всем о приезде Йара, неплохо бы узнать поименно, кто были эти все и с каждым с пристрастием побеседовать. Лучше, пожалуй, самому.

– Если альды хотят войны, – отвечает князь Марене, хотя со стороны это, возможно, больше похоже на рассуждения и разговор с самим собой – на собеседницу он не смотрит, – зачем им такая провокация? Внезапность – уже половина победы.

– Возможно, в целом они и не хотят войны, но отдельные... особи не могут себя сдерживать? Я читаю хроники времён Кровавой Империи, Ваша Светлость. Альды – монстры! – голос девушки подозрительно звенит, словно она собирается расплакаться. – И там, внутри, ощущаются следы магии альдов...

Князь пожимает плечами. Конечно, ощущаются. Убийца, вероятнее всего, воспользовался амулетом альдов. Вот только... ярость внутри радостно скалится – откуда они без конца берутся? Давно должны были закончиться. Альды клепают и распространяют новые?... Некоторое время они стоят молча, и Ирислав уже собирается возвращаться, оставив Марену дожидаться дружинников и следователей – он видит, насколько девушке не по себе на месте убийства, но если она хочет сохранить за собой место придворной ведуньи, должна себя побороть. Зачем ему маг, который не то что в случае опасности, а в присутствии любого трупа зеленеет и чуть ли не валится в обморок?..

Пикирующую вниз птицу он замечает только когда она уже совсем близко – небо затянуто тучами, и ворон не отбрасывает даже слабой тени. Впрочем, опасности от птицы вроде бы нет, хотя и поведение странное – ворон опускается на землю в шаге от Ирислава и делает движение – словно кладёт что-то на землю. Это что-то оказывается небольшим свитком – проявляется, стоит только ему оказаться на земле. Письмо?... Такое странное? От кого?.. Впрочем, князь знает от кого. И теперь знает, что Василина жива и стала сильнее – повелевать животными её давняя мечта. В груди что-то ёкает и как будто бы даже теплеет. Он рад, что жива. Василина многое сделала для него, и как никто заслуживает ещё одного шанса...

Поднять письмо он не успевает – над ним склоняется Марена, загораживая князю путь.

– Нет! – возмущённо говорит она. – Это же может быть что угодно! Я не могу позволить вам взять в руки неизвестно что, неизвестно от кого, присланное с применением магии!

– Я знаю, от кого, – тихо признаётся Ирислав.

– От кого? – поднимает на него требовательный взгляд Марена. – От письма несёт магией. Я не могу вам позволить его взять!

– Оставим тут? – с досадой морщится князь. Ведунья, разумеется, права. Хоть и хочется верить, что Василина одумалась, но сейчас точно не время ставить себя под удар, ибо это равносильно тому, чтобы подставить под удар все Шесть княжеств. Под альдов удар...

– Я сниму заклятие, и только потом вы его прочитаете! – не столько предлагает, сколько ставит его перед фактом девушка.

Сердце Ирислава говорит ему, что нет опасности в этом письме, для него нет, и не стала бы Василина действовать так, если бы хотела извести... Но приходится себе напомнить, что один раз он уже точно ошибся, а вернее, и не один – предательство племянника, приворот Василины... как знать, не ошибается ли он и в Лаис?

Марена тем временем делает какие-то пасы над письмом. Вот листок окутало серебристое свечение... и тут же ведунья зашипела от боли, а листок рассыпался пеплом.

– ... или не прочитаете, – вздыхает Марена, поднимаясь, и заглядывая ему в глаза. – Простите, Ваша Светлость, но с посланием явно было что-то не то... Вы мне не скажете, от кого оно было?

– Нет, – медленно качает головой князь, которого мучает уверенность, что надо было плюнуть на осторожность и смешные запреты ведуньи, и прочитать. – Не скажу.

В конце концов, если Марена не поняла, значит, не её ума дело.

Трагедия трагедией, а жизнь должна идти своим чередом, назначенные встречи должны состояться, переговоры пройти, визиты – быть нанесены... Можно, конечно, объявить всем о том, что произошло, и устроить траур, но Ирислав предпочитает пока что скрыть. Официальная версия – дружинники на срочном и секретном задании. Врать близким дружинников нелегко и неприятно, но князь не перекладывает это ни на кого – сам сообщает всем, и, кажется, ему верят, хотя сам себе он кажется никудышным притворщиком – ему мерещится, что в каждом слове сквозит скорбь и фальшь... О смерти своих людей он тоже сообщит их близким сам, точно так же, глаза в глаза, соврёт, что погибли на задании, защищая Родину или его, князя, и это гораздо лучше для всех, чем неприглядная правда – дружинникам перерезали глотки как овцам, когда они упились и непозволительно утратили бдительность...

К себе он возвращается уже ближе к полудню. Под дверьми его кабинета томится принаряженная и слегка встревоженная Руслана. Оказывается, она уже сбежала к дому Лаис, но там, разумеется, никого не застала, опросила всех во дворце, но никто не видел нынче утром ни Аделаис, ни её брата... и теперь девушка, розовея и смущаясь, интересуется – а где, собственно, альды?

Под тяжёлым взглядом князя девушка смущается чуть ли не до слёз. Отпираться не пытается – да, ждала брата госпожи Аделаис, очень ждала, очень готовилась, потому что Йар... он такой... такой... ух! Да, говорила. Нет, мало кому. Ну, когда платье заказывала в ателье. Там всего три швеи было... ну и на примерке ещё две. Хозяйка ателье тоже слышала, наверное... ну так, краем уха. Ещё? Да вроде никому... ну вот украшения разве что, когда выбирала, обмолвилась... Горничной ещё говорила. Марене тоже говорила – та сама что-то спросила, нет, что точно Руслана не помнит. Ну и девчонкам по секрету... Каким девчонкам? Ну, подружкам. Трёх дочерям градоправителя, паре купеческих дочек, Амилке – дочери придворного лекаря... Ирислав только вздохнул. Да уж, зацепка... распалась на десятки прозрачных ниточек, за которые и не потянешь – либо весь город в курсе будет, что что-то произошло.

Руслана же... домой бы её отослать, но пока не пойман тот, кто на неё покушался, нечего и думать. Ирислав склонен согласиться с Яромиром, что заказчиком, скорее всего, выступали покойная ныне фальшивая княгиня Иршша и её до сих пор не пойманный сообщник – опасались, что Яромир раскрыл секрет княгини Руслане, а та рванула в столицу как раз чтобы посвятить в это Верховного князя... Затем, вероятно, успокоились, ибо никаких действий не последовало... Теперь, конечно, этот мотив – скрыть подлог, отпадает, зато есть другой, не менее сильный – месть. Тот, кого лишили всего, наверняка, захочет отплатить тем же.

Выдать Руслану замуж было бы ещё предпочтительнее, чем отослать домой, но вот за кого? Яромир уже не возьмёт, а жаль, да и сама девица совсем не в ту сторону глядит... Ирислав хмыкает – в принципе, он бы охотно выдал Руслану и за альда – лучшего телохранителя не сыскать...

Словно в насмешку – стоит девушке уйти, а ему заняться донесениями и письмами, тут же попадаются вести из Заозёрного королевства. Пишет сам король Миур. Два случая нападения альдов на людей, и это не инсценировка – дело происходило при свидетелях. Одного альда удалось обезвредить до того, как он успел кого-то убить – странная ситуация немного царапает, но пока не узнал, в чём дело, рано судить, а во втором случае... альд убил десять человек, и только после этого его обезвредили.

Сердце сжимает неприятный холодок – ещё один шаг людей и альдов к войне, кто бы его ни организовал...

Пожалуй, стоит узнать детали лично, нанеся визит с Заозёрное королевство – Миур давно зовёт, да и балы у них там каждую неделю, можно особо предлог и не подбирать...

Ирислав честно старался не обдумывать произошедшее в Заозёрном королевстве в дороге, чтобы не упустить что-то важное, находясь в рамках уже сформированного, но ошибочного мнения. Получалось не очень. Хотелось верить, что это инсценировка, как и то, что произошло в княжествах, но увы, не похоже, и он с трудом удерживал себя от поиска оправданий и изобретения самых невероятных объяснений. Всё же альды проявили себя как вполне адекватный народ, да и как и любому человеку, князю хотелось верить в лучшее, а война с альдами лучшим точно не являлась.

Увы, когда Князь прибыл в Заозёрное королевство и ему охотно предоставили возможность побеседовать со свидетелями, стало совсем тревожно. Десятки людей клялись, что видели своими глазами, как альд голыми руками, ни с того ни с сего – на местной ярмарке бросился убивать людей. Единственное, что вызывало сомнения – описание, как альда остановили. Здесь почти все начинали говорить одинаковыми фразами, а молодой паренёк даже проболтался – «когда альд остановился». «Остановился?» – переспросил князь. «Ой. Ну, когда его остановили!» – тут же исправился рассказчик.

Впрочем, даже если альд осознал содеянное и сдался сам, это никак не меняет того, что он порешил кучу людей... Жаль, что с альдом переговорить невозможно – он был убит уже в тюрьме, при попытке к бегству. Говорят, не раскаивался.

Посещать бал нет никакого настроения, но не посетить невежливо. К тому же это хорошая возможность переговорить с Миуром лично, в неофициальной обстановке.

Его Величество не разочаровал. Сам начал разговор:

– Прости за скорбные вести, Ирислав.

Не то чтобы они пили когда-то на брудершафт, но, вероятно, Миур решил, что подобная фамильярность поспособствует доверительному характеру беседы. А может, хотел поддеть этим дополнительно. Князю, в общем-то, всё равно, на «ты» или на «вы», что же касается скорбных вестей... о произошедшем в княжествах никто не знает, так что его собеседник намекает на происшествие именно в своём королевстве.

– Насколько я знаю, пострадали только жители Заозёрья. Так что это ты прими мои соболезнования, Миур, – спокойно отзывается Ирислав, следя как брат Аделаис – что он тут делает? – танцует с королевой Наирой. – Впрочем, ты прав, это горе для всех нас...

– Благодарю, – чуть усмехается король, тоже глядя на свою жену и альда. – Знаешь, я вот теперь боюсь. Мы беззащитны против них. Смотри, Наира танцует с посланцем альдов – они поспешили сменить посла, прислали этого юного мальчишку... А вдруг он сейчас свернёт ей шею? Я не могу запретить им танцевать, не могу продемонстрировать, что не доверяю более альдам, но и не думать о том, что, возможно, отправил жену не на танец, а на смерть, тоже не могу...

Ирислав бросает взгляд на Йара, собираясь сказать венценосному коллеге, что ему нечего опасаться... но альд выглядит так, словно и в самом деле вот-вот что-то этакое учудит, и останавливает его только то, что он не решил, с какой части тела начать.

– Можно и мне потанцевать с прекрасной Наирой? – спрашивает князь.

– Разумеется. Ирислав... не доверял бы ты так слепо своей любовнице-альду. Я за тебя волнуюсь. Мы все забыли, что могут альды... а они могут раздробить кости голыми руками...

– Благодарю за заботу, Миур, – холодно отзывается князь. – Что ты будешь делать?

– Дам альдам шанс исправиться. Искупить. Установлю испытательный срок... А ты?

– Предлагаю выслушать мнение самих альдов касательно инцидента...

– Я уже слышал, – морщится Миур. – Они не признают вины, и признавать не собираются. Я бы на их месте тоже не стал, но принять не могу...

Тут заканчивается музыка, и Ирислав поспешно прекращает разговор, чтобы перехватить королеву Наиру, а то вид у Йара и правда страшный.

Впрочем, королева, кажется, ничего и не заметила – весь танец она рассказывает Ириславу, какой Йар чудесный, и как он в неё влюбился, и что она, пожалуй, теперь его, князя, понимает, ведь есть в этих альдах какой-то особенный шарм... Зачем Наира всё это на него вываливает, Ирислав даже не пытается понять – то ли просто не может держать ничего в себе, то ли пытается зачем-то вызвать ревность – Её Величество из тех женщин, которые уверены в

собственной неотразимости и любого, перемолвившегося с ними хоть парой слов, сразу же записывают в поклонники...

То ли от болтовни партнёрши, то ли от духоты – несмотря на раскрытые настежь окна во дворце душно, начинает болеть голова, и Ирислав, перемолвившись с Миуром ещё парой так ничего и не прояснивших фраз, уходит.

В доме его ждёт Лаис. Хочется оставить все вопросы на потом, на утро, ведь ночь придумана совсем для другого, и только полный идиот или совсем бесчувственный чурбан будет говорить ночью наедине с любимой женщиной о политике. И всё же...

– Что альды думают об... инциденте? Инцидентах, – спрашивает князь.

– Это провокация. Воздействие, затуманивающее разум. Но всё не безнадежно – есть противоядие, и Йар уже с этим столкнулся и смог противостоять, – рапортует девушка.

Ирислав невольно вспоминает, с каким лицом Йар танцевал с Наирой. Возможно, сегодня он удержался второй раз?..

Ловит направившуюся к двери девушку за руку. Притягивает к себе и перестает, наконец, вести себя как полный идиот и бесчувственный чурбан. Кажется, Лаис невозможно насытиться.

Под утро в дом вваливаются гости. Очень странные гости, которых так просто и не выгонишь. Йар, принц Александр, пара девушек, одна из которых агент принца, и словно мало этого, ещё королева Наира и бесчувственное, но не бездыханное тело, в котором Ирислав не без труда, но всё же узнаёт доверенного мага Миура.

На призыв вернуть королеву и мага туда, где взяли, гости реагируют резко отрицательно – Йар чуть ли не рычит, что мага не отдаст, а Наира стонет, что не вернется.

Знай Ирислав, чем обернется этот визит, выгнал бы странную компанию, невзирая ни на что.

Глава 25

Йар говорил страшные вещи. Страшные для альдов и страшные для людей, потому что есть грань, которую никто не должен преступать. Вальяющийся без чувств на ковре маг переступил.

Альдов сложно удивить и тем более напугать убийством, а уж пасть в бою – это почти мечта, никто из альдов не хотел бы умереть от немощной старости и долгой болезни... и тем ужаснее кажется смерть, которую придумал для альдов маг Его Величества Миура.

Лаис бросает взгляд на Наиру. Знала? Участвовала? Может, даже одобряла?.. Королева выглядит жалкой и потерянной, но отнюдь не от того злодеяния, которое открылось, всё это, увы, мало её заботит, и она даже не считает нужным скрывать. Или просто не умеет. На её лице написана совсем другой интерес – королева ищет того, чьим заботам себя поручить. Йар бережно держит за руку свою травницу, Александр, видимо, успел Наиру отшить, возможно, ещё тогда, когда она стараниями Лаис перепутала двери... так что теперь, похоже, вся надежда на князя. Именно на него Её Величество устремляет потерянный взгляд и что-то мямлит о дружбе. Лаис невозмутимо-непроницаемо улыбается. Это не её дело.

А девочка у Йара хорошая, правильная. Настоящая. И имя – Асия – ей удивительно идёт.

Йар говорил недолго. Сухо. Но столько горечи стояло за официально-бесстрастными фразами... «Преступление против народа альдов»... «отъём силы»... «расщепление»... «я помешал отъёму силы у одного альда, Миуру понадобится другой»... Лаис очень хорошо понимает, что значит это «я помешал». Убил. Потому что помочь было нельзя, только прекратить страдания, иначе сейчас этот альд был бы здесь. И взгляд Йара, возможно, был бы чуть светлее, да и общая атмосфера не давила бы такой безысходностью.

Теперь Лаис понимает, почему от дворца Заозёрного князя тянет едва уловимой гнилью, а она-то думала – показалось. Противоестественный обряд, расщепление живого альда, альда, находящегося в сознании и всё ощущающего, и это всё для того, чтобы получить доступ к магии альдов... и что? Видимо, выиграть в спровоцированной людьми же войне? Кому не мил мир?

– Позиция Шести княжеств? – прямо спрашивает её брат у князя. Он ещё меньше дипломат, чем она сама. С другой стороны... Князь не станет врать и юлить, с ним можно и в открытую.

Ирислав не торопится с ответом. Бросает взгляд на Александра, затем на Лаис, и только потом говорит:

– Я очень хорошо отношусь к альдам...

И Лаис понимает, что ошиблась. Начал издалека. Теперь ещё и «но» появилось: «Но мне хотелось бы услышать и версию другой стороны...».

Дальше – ещё хуже: «Сразу скажу, мы обсуждали как-то с Миуром развитие магии, поиск новых источников, расширение возможностей...»

Лаис кажется, что она летит с большой скалы. А внизу вместо моря – острые камни. А она думала – море. Глупая какая... Сама виновата, что тут ещё скажешь?..

«Возможно ли, что Миур был не в курсе, как это достигается?..» – заканчивает князь, кажется, сам понимая, что надежды до того мало, что сама фраза звучит фальшиво.

Роль посла не прошла для неё даром, а может, это мудрость и терпение, пришедшие-таки с возрастом. Лучше поздно, чем никогда. По крайней мере, Лаис, вместо того чтобы от души врезать князю по лицу, весьма вежливо интересуется:

– Возможно ли... – нет, она вовсе не скрипит зубами. Это ветер. Или Наира в кресле ёрзает. – Возможно ли, что вы, Ваша Светлость, приютили подобного мага с подобными же экспериментами в Шести княжествах?

Полёт даже с очень большой скалы не длится вечно. Всего несколько секунд... и вот удар. И Лаис чувствует себя так, словно её и в самом деле пронзили насквозь десятки острых камней... – В принципе, возможно, – говорит князь. Неохотно. Но какая разница? – Я проверю, что там происходит...

Почему ты не проверил раньше? Почему?! – хочется крикнуть ей, но она молчит, и, кажется, улыбка намертво приклеилась к лицу. В отношениях в один конкретный период времени всегда кто-то даёт больше. Видимо, в их отношениях этот период сильно затянулся на её стороне, а она и не поняла... Хорошо ещё, на опыты не попала.

Пока Александр просит Ирислава приютить Наиру, Лаис делает глубокий вдох. Потом ещё один, и ещё... И вот уже она вполне спокойно может говорить.

Йар отправится к альдам со своей добычей – бесчужственным магом, она видит, как его также разрывает на части долг и любовь. Вот только ему, кажется, повезло больше.

Остаться с князем?.. Немыслимо.

– Я провожу Асию в королевство альдов. Мне по пути, – говорит Лаис.

В глазах травницы мелькает лёгкое удивление – кажется, она к альдам не очень-то и собиралась, интересно тогда, куда? Но девушка и не думает возражать. Лаис отмечает, с какой нежностью смотрит на травницу Йар, и ей как ни странно становится немного легче.

Взглянуть в глаза Ириславу – то ещё испытание, но Лаис смотрит. Нет-нет-нет, Ваша Светлость, даже не начинайте свою обычную песню про «не приму другого посла». Я и пальцем не тронула никого из твоих дружинников, даже когда они сыпали скабрёжными шуточками, я только спасала тебя и Руслану, я задолжала Айвору двадцать лет жизни – долг, который, никогда не отдам... а ты даже не можешь пообещать, что на твоей территории не убивают в данный момент в мучительном обряде какого-нибудь альда...

Лаис предпочла бы ничего не обсуждать. Не стоит, пока так больно... Но князь требует ответа. Настаивает, чтобы она вернулась в княжества...

– Ваша Светлость, – с трудом произносит Лаис, заставляя свой голос звучать спокойно, а причину хотя бы с виду прилично. – Я не справилась. Не заслужила доверия. Мне жаль. Хорошо, что у князя есть кольцо. Иначе, наверное, Лаис бы уже досталось от какой-нибудь стихии. Столько бешенства в его глазах она давно не видела, кажется, фраза про доверие зацепила его очень сильно:

– Доверие?! Прими ты хоть одно из десятка предложений, была бы в курсе этой ерунды с магией!

Десяток предложений, которые она не приняла? И что? Что с того, что ты делал предложения, которые я не могла принять, князь, если мы всегда так и были по разные стороны, и ты об этом никогда не забывал? Перед своим народом ты безусловно прав, княже... но разве речь сейчас о нём? Твой народ устроит любой посол альдов. Или другой посол не будет так сговорчив и лоялен? Не будет так глуп?..

– Не предлагай ты мне предавать себя, я бы приняла, – чуть слышно шепчет Аделаис. Впрочем, она и так не была честна перед своим народом в отличие от князя – ни словом никому не обмолвилась о тайне Ирислава, о его сокрушительной магии, утаила очень даже существенную информацию от своего короля, от всех своих... И продолжит утаивать. И всё, что она может сейчас сделать – просто уйти.

Визгливо охает Наира:

– Ирислав! Вы... вы предлагали ей? Что вы предлагали ей?!

Лаис почти смешно. Кажется, королеву сейчас разорвёт от вселенской несправедливости – почему-то всё предлагают совсем не тем, кто этого жаждет и просит. В глазах королевы легко читается, что и Йар, и Ирислав предпочли недостойных...

– Руку, – чеканит, почти рычит Ирислав, зачем-то отвечая Наире, и делая при этом шаг навстречу. Ответ предназначен ей, Лаис. – Сердце! И Шесть княжеств в придачу!! Мало?!!

– Мало, – говорит Аделаис, кажется, уже не в силах остановиться. Это она раньше думала, что много, чуть не согласилась. Теперь видит, что всё это было ни о чём. – Руку без права, сердце без веры, княжества без власти!

На это князю, увы, нечего возразить. Всё, что он может ответить:

– У меня есть обязательства перед своим народом!

– А у меня перед своим, – шепчет девушка скорее для самой себя и уходит из комнаты.

Уехать – лучше всего. И так прозвучало слишком много лишнего, личного, больного...

Дорогу Лаис любит. Жаль, нельзя выложиться полностью, так, чтобы лёгкие горели от нехватки воздуха, ноги подгибались, не в силах сделать и шага, зато в голове не осталось бы ни одной лишней мысли, ни одного лишнего воспоминания, ни одного дурацкого вопроса...

Впрочем, спутники ей попались неплохие. Что Александр, что его агент, Аркка, прекрасно держатся в седле и вполне бодро идут пешком. Да и Асия, надо отметить, справляется неплохо... Сложно удержаться от злорадства – Ириславу досталась капризная Наира, и девушка надеется, что избалованная королева донесёт до спутника все свои горести и чаяния... Впрочем, злорадствует она куда меньше, чем беспокоится. Конечно, князь – удивительно сильный маг, но не всемогущий и не всеведущий. Что, если он откровенно выступит на стороне альдов? А может, в разговоре с Миуром уже выступил? Ирислав не из тех, кто будет оправдываться и объясняться. Попытаться казаться лучше, чем о нём подумали...

Тревога со временем становится всё больше, и отвлечься от неё почти невозможно. Не помогает ничего, и когда утром следующего дня на её ладони вспыхивают синие руны, передавая то ли приказ, то ли разрешение направиться в княжество, ибо князю грозит смертельная опасность, что выяснилось по результатам допроса доставленного Йаром мага, Лаис чувствует себя вновь предательницей. И своим неверна, и князя не сберегла... И ей следует бояться своих желаний – вот тебе и бег до изнеможения, вот тебе и избавление от тех мыслей – их вытеснили другие, ещё более мрачные.

На границе с княжествами начал ощущаться слабый след альдовой магии, и она обрадовалась было, решив, что это фонит браслет князя, когда он использует отвод глаз, но затем поняла, что нет. Не он. Она прислушивалась каждую тысячу шагов, и то, что чувствовала, нравилось ей всё меньше и меньше. От следа тянуло чем-то отдалённо похожим на «запах» дворца Миура.

Лаис не смогла пройти мимо. А что, если там такой же противоестественный обряд, как тот, что видел Йар, и какой-нибудь альд прямо сейчас умирает в страшных муках?... Как перестать об этом думать и просто пройти дальше? Даже если на другой чаше весов опасность для князя, возможно ли отречься от своих?..

Долго плутать не пришлось. Впрочем, человек вряд ли бы добрался сюда, по крайней мере, случайно – Лаис пришлось перепрыгнуть пару широких оврагов, подняться по отвесной стене в три человеческих роста...

Сначала появилось мертвенно-синее свечение, переходящее в туман. Оно кололось, кусало, и даже робко пыталось присосаться, впрочем, отпадая, стоило только сделать резкое движение. Лаис догадывалась, что впереди, и ей казалось, что она готова к тому, что увидит, ведь знает, Йар рассказал... оказалось – нет. Не готова. На огромном камне в центре круга из камней поменьше лежал ребёнок. Мальчик-альд, лет девяти-десяти, и Лаис поняла, что отсюда уже вряд ли уйдёт, просто не сможет уйти, пока будет хоть какая-то надежда спасти, а значит свечение выпьет и её тоже. К счастью, обряд начался, видимо, недавно, и тело предполагаемой жертвы не было повреждено.

Она попробовала остановить время, но её заклятие просто застыло в тумане, а затем было радостно им съедено. Ещё пара попыток и пришлось признать – магия альда здесь бессильна.

– Эй, – ласково позвала Аделаис.

Мальчик открыл глаза. Вроде бы обрадовался, увидев альда, но тут же нахмурился:

– Уходи скорее, – серьёзно сказал он. – Иначе погибнешь. Уходи!

Лаис чуть улыбнулась, хотя хотелось плакать. Этот мальчик куда более взрослый альд, чем Тром. И чем тот же Бран. И, разумеется, это совершенно не повод его здесь оставить.

Впрочем, поднять мальчика с камня не получилось – тонкие лучики, надёжно его удерживали, а поднять вместе с камнем – невысказано даже нескольким альдам, не то что ей одной. Да и смысла нет – его надо разлучить именно с камнем, ведь именно тот медленно поедает маленького альда. Лаис стряхнула прицепившиеся к рукам ниточки, и закусила губу.

– Как ты тут оказался? – спросила, чтобы отвлечь мальчишку, одновременно выпуская немного силы из ладони рядом с рукой мальчика, и наблюдая, как лучики-пиявки хватаются за её силу, отпустив в этом месте первоначальную жертву.

К счастью, расщепление идёт небыстро. Но к несчастью, вариантов у неё нет. Небыстро – это не значит, что мальчика можно будет спасти через три-четыре часа, не говоря уже о большем промежутке времени...

Можно было бы оправдать себя тем, что её жизнь важнее. Что если она не спасёт князя, то погибнет куда больше альдов. Или что у неё приказ от короля. Или что она обязательно вернётся... Лаис не могла. Просто не могла уйти. И даже не потому, что в этом можно найти и её косвенную вину – ведь происходит всё пусть и на окраине, но на территории княжеств, где она была так беспечна и эгоистично счастлива в должности посла... Нет, это всё не важно. Просто иначе нельзя и всё.

– Уходи, – упрямо повторил мальчик-альд. – Ты глупая что ли совсем? Решила умереть?

– Как тебя зовут? – спокойно спросила Лаис. Нет, альды не признаются, что им страшно, ни друг другу, ни даже самим себе.

– Слав, – отозвался, закусывая губу, пытаясь пошевелить рукой – видимо, долгое пребывание без движения причинило уже беспокойство. А может, сила закончилась, и камень потихоньку взялся за тело.

– Ты из Заозёрья? – спрашивает девушка. Да, они сейчас в княжествах, но поиск, который не так давно осуществляла ведунья князя Марена, показывал, что никого из альдов на территории нет. А уж умыкнуть ребёнка от альдов никто бы не смог. – Твоя мама – человек?

– Да, – отзывается Слав.

– Ты с ней был? – продолжает расспросы Лаис, пытаясь тем временем рассчитать, сколько силы ей понадобится. Кажется, что не хватает. Но она не имеет права не справиться.

– Нет, – мальчик умудряется споткнуться на этом коротком слове. – Мама в городе... она собирается замуж за человека... я в деревне тут недалеко от границы жил.

Лаис видела, как это бывает, хотя, надо отдать людям должное, бывает не так часто, и обычно ребёнка всё-таки рано или поздно отдают. Но начало похожее – девушка залетела от альда, и пытается привязать его к себе ребёнком. Альд не привязывается... И когда девушка это понимает, ребёнок-альд становится не нужен. У большинства хватает мозгов и порядочности отдать альдам, а не отсылать прочь к абы кому...

– Когда я скажу, ты вскакиваешь с камня и очень быстро бежишь прочь. И ни за что не возвращаешься сюда без нескольких взрослых альдов. Попробуем? – спрашивает девушка, сама удивляясь, насколько бодро и спокойно у неё это выходит.

– Попробуем, – шепчет мальчишка, а в глазах его начинают копиться слёзы. Надежда – иногда очень мучительное чувство. Лаис делает вид, что не замечает.

Она обволакивает тело Слава силой, отдаёт всё, что у неё есть, и камень, увлечённый неожиданным подношением, отпускает свою жертву сантиметр за сантиметром. Но сил у Лаис, как она и боялась, недостаточно. Не хватит. Уже не хватает. Мальчик сел, но ноги его в плену, и постепенно истончается защитная оболочка вокруг уже освобождённых частей тела, скоро снова потянет обратно...

Лаис режет ладонь и обмазывает мальчика своей кровью. Кажется, кровь нравится камню даже больше силы... и теперь синее свечение с пугающим энтузиазмом тянется к ней, к Аделаис.

Девушка сдёргивает Слава с камня и, придав ему хорошее ускорение, пытается ускользнуть тоже – на всякий случай в другую сторону... Не тут-то было. Её всё сильнее тянет обратно.

Камень уже забрал её силу и даже её кровь, а значит решительно настроен получить и всё остальное...

Тянет как магнитом, всё сильнее. Камень кажется тёплым и особенно жёстким, а тело начинает почти моментально ныть, всё сильнее и сильнее. Даже если Слав кого и приведёт, спасать будет нечего.

Противная смерть. Слишком много времени на осознание собственное слабости и беспомощности, на воспоминания и сожаления. И слишком много боли, которая всё нарастает. Остаётся лишь надеяться, что смерть не напрасная, и мальчишка останется жив...

Глава 26

Ириславу очень хотелось бы найти слова, чтобы остановить, вернуть, исправить... Увы. Нет таких слов, ищи – не ищи. Может быть, потом, когда он сможет оставить княжества на преемника и отыскать Аделаис, может быть, тогда она даст ему шанс...

– Она недостойна вас, Ирислав, – королева Наира, переодетая в мальчишку, неуверенно сидящая на лошади и начавшая жаловаться уже через пятнадцать минут пути, когда лошади ещё даже не переходили на рысь... Почему-то она, ещё недавно просившая помощи и защиты, считает себя вправе лезть в душу и давать какие-то оценки.

– Не надо, – мрачно осаживает спутницу князь. Она замолкает, но всего на пару минут. Затем снова. Кокетливо. Жеманно:

– Вы выбираете не тех женщин, Ирислав. Не всякая же... Ай!

Ирислав молча дотягивается хлыстом до крупа её лошади. Несильно, но лошадь радостно переходит на прибавленную рысь, и Наире становится не до разговоров. Князь же мрачно размышляет, что, возможно, следовало сделать это ещё чуть сильнее – внезапный галоп королеве Заозёрья определённо пошёл бы на пользу. Особенно, не удержись она на лошади. А даже если бы и не пошёл – по крайней мере, эффектное падение порадовало бы его чёрствое сердце.

Увы, ехать рысью Наира не способна. Она уже буквально через десять минут переводит лошадь в шаг, жалуясь, что у данной кобылы слишком жёсткий аллюр, и у неё уже болят ноги, и руки, и спина, и всё остальное.

– Пойдёте пешком? – мрачно интересуется Ирислав, мысленно проклиная принца Александра. Такая спутница как Наира – прямо-таки королевская подлянка. С ней же вообще невозможно ничего успеть. Князь даже начинает подозревать, что это всё затеяно специально, чтобы его, Ирислава, задержать... Впрочем, Йар подтвердил, что королева была на волосок от гибели, танцуя с ним, ибо её духи, преподнесённые неведомым поклонником, содержали зелье, вызывающее у альдов неконтролируемую ярость. А Миур как раз и настаивал, чтобы танец состоялся... Прямых улик нет, но косвенных слишком много, чтобы просто оставить неудобную спутницу в ближайшем трактире...

– Можно я поеду на вашем коне?

– Вы с ним не справитесь, Наира, – Ирислав сам удивляется, насколько его бесят ужимки и жеманство этой женщины. За одно только старательно демонстрируемое смущение, потупленный взгляд и взволнованный трепет ресниц уже хочется от неё избавиться.

Либо королева Заозёрья изрядно перегибает палку, отыгрывая роль трепетного цветка, либо он просто слишком привык к Лаис... и к другим женщинам, которые что-то из себя представляют.

– Я имела в виду... вместе с вами! – поясняет Наира, старательно розовея.

– Не думаю, что это прилично, – отказывает Ирислав. Увы, королева Заозёрья важна – как свидетель, как принцесса Ларрэта – сестра короля, но Творец, какая же она... душная! Королева замолкает, и князь очень надеется, что обиделась. Уж если он умудрился нанести огромную обиду той, кого ни за что на свете не желал бы обидеть, у него должно получиться обидеть и эту...

Впрочем, князь свою спутницу недооценил.

На привале она подняла на него нарочито кроткий взгляд и заявила:

– Вы – настоящий рыцарь, Ирислав. Я тронут вашей заботой о моей чести... Но послушайте – я же могу развестись с Миуром. Понимаете?

– Нет, – очень осторожно говорит князь. Он и в самом деле не понимает.

– Я разведусь. И смогу выйти за вас, Ирислав!

Вечером Наира устроила истерику.

– Я устала! – рыдала она. – Лучше бы я осталась во дворце, и Миур меня убил, чем терпеть ваши издевательства, Ирислав! Вы... вы специально меня мучаете! За что?.. Я... я не могу пить

воду из ручья! Не могу есть чёрствый хлеб! А эта лошадь?.. Да она самая неудобная лошадь на всём белом свете!

– Вернуть вас обратно? – спросил князь. Скрыть надежду полностью не получилось – она отчётливо сквозила в голосе, несмотря на то, что с политической точки зрения это было бы очень плохо.

Впрочем, королева обиделась на сам вопрос и на интонацию ей было плевать, а ещё вероятнее, она обиделась на то, что он не бросился утешать и извиняться.

– Вы... вы... ненавижу вас! – всхлипнула его несносная спутница, вскочила и бросилась бежать, не разбирая дороги.

Князь вздохнул. Поднял отброшенный Наирой хлеб, протянул лошади, та с удовольствием захрустела, и тут же ткнула мордой в плечо – нет ли добавки?.. Идти за беглянкой не хотелось, но надо. Ирислав погладил своего коня, тут же возмущившегося изменой хозяина, притушил костёр и направился в чашу. Поколебавшись, снял кольцо, чтобы слышать стихии – гоняться за дурной девицей всю ночь совершенно не хотелось.

Наира, вероятно, высоко оценила его поисковые способности, так как и не думала останавливаться – упрямо ломилась прочь, продираясь сквозь валежник и кусты – ветер услужливо донёс даже треск ломающихся веток, всхлипы и стоны королевы. Её Величество, не стесняясь в выражениях, костерила на все лады Йара, Миура и его, Ирислава.

Жаль, зверями он управлять никак не может – тут бы пригодился какой-нибудь волк, или кабан – заставить беглянку повернуть обратно, но ничего не поделаешь, придётся идти самому. Ирислав уже думал надеть кольцо, но тут ветер принёс отголоски чужих шагов. Несколько людей на лошадях. Едут молча, аккуратно, кажется, все вместе, вкуче с лошадьми, производя меньше шума, чем одна нервная королева ... Они пока ещё далеко, но надо возвращать капризную спутницу и уходить.

К счастью, Наира как раз остановилась. Подвернула ногу, уселась на траву и разрыдалась.

На звук шагов – князь намеренно даёт заранее знать о своём присутствии, она оборачивается с воплем ужаса, закрывая себе рот ладонью. Ирислав протягивает ей руку, устало говорит:

– Наира, вставайте. Надо уходить, нас ищут.

Она встаёт, всем весом опираясь на его руку. Чуть прихрамывая, делает шаг к нему. Шепчет, заливаясь слезами:

– Ирислав... не бросайте меня. Простите... Не бросайте...

– Вы можете идти? – спрашивает князь. Наверное, ему должно быть её жалко. Но почему-то слёзы вызывают лишь глухое раздражение – она и в самом деле думает, что он пришёл за ней, чтобы сказать, что бросает? Или к чему этот концерт?

– Не могу... Моя нога... – шепчет королева.

Князь подхватывает её на руки и несёт обратно. Нога или нет, так в любом случае будет быстрее. Ставит возле лошади... и не успевает отойти – Наира в отчаянном рывке прижимается к его губам.

То ли в знак благодарности, то ли от страха, что бросит, пытаясь привязать его хоть так, то ли ещё отчего...

У Ирислава моментально немеет всё тело и темнеет в глазах. Будь ты хоть какой маг, яд действует на всех одинаково. Королева оказалась с сюрпризами, и главный из них – это вовсе не дурной характер, как можно было в начале подумать... потянулся было к поясу с универсальным противоядием, но не успел.

Вот уж воистину – с некоторыми друзьями и врагов не надо...

Обычно беспомощность – это просто темнота, в которую падаешь, и из которой потом возвращаешься. По крайней мере, у Ирислава обычно было так. Но на этот раз благословенная и даже желанная темнота так и не наступила. Вместо неё – череда кошмаров, из которой не вырваться. Ириславу снилась война с альдами. Снилось, что его убивает Аделаис, и это был ещё не самый плохой кошмар, хуже – когда он убивал её... Снилось, что в стране его голод, болезни, стихийные бедствия, которые он не может остановить... Снилось Василина, убивающая Аделаис... Снилось Лаис, погибающая от яда. От случайного удара ножом в непонятной драке, даже Лаис, распятая на камне в чудовищном обряде, о котором говорил Йар. Кажется, все-все главные страхи, которые только могло выдать его подсознание, вышли на парад... Наира не снилась ни разу. Хотя Ирислав не отказался бы посмотреть хотя бы во сне, как сворачивает ей шею. И плевать – знала она о своём отравленном поцелуе, или не знала.

В какой-то момент Ирислав ощутил боль в ладонях. Ничего приятного, но и не такая уж сильная и, по крайней мере, это что-то настоящее, за что можно зацепиться, чтобы вынырнуть из калейдоскопа кошмаров...

Затем его щёку обожгло от удара, и он услышал голос:

– Давай, мразь. Я хочу, чтобы ты понял, что с тобой произойдёт, перед тем, как станешь моей послушной марионеткой... Ну же. Приходи в себя... князь!

«Князь» в устах говорившего звучит отчего-то крайне созвучно ранее употреблённому ругательству... Ирислав не заставляет себя долго просить, открывает глаза. Перед глазами – низкий потолок, кажущийся в тусклом свете факела чёрным. Почему-то помещение освещается не магическими светильниками, а обычным огнём. Экономят?.. Окон в помещении нет, и оно до крайности похоже либо на переоборудованный подвал небольшого дома... либо на пыточную в какой-нибудь темнице. Ирислав надеется на первый вариант, ибо не хотелось бы, чтобы заговорщики были настолько сильны и многочисленны, чтобы захватить крепость с темницей... Как бы там ни было, Ирислав прикован к чему-то очень напоминающему дыбу, разве что его руки помимо того, что привязаны за запястья, ещё и прибиты через ладони. Видимо, чтобы он не смог самостоятельно снять кольцо-ограничитель. Браслета – амулета альдов – на руке нет. И одежды нет, вместе со всеми вшитыми и спрятанными амулетами, а значит, он совершенно беззащитен перед любой магией. И в том числе перед ментальным воздействием.

Перед Ириславом стоит невысокий, невзрачный, излишне худой мужчина, и он был бы вообще ничем не примечателен, если бы не его глаза, в которых бешеная ненависть.

– Напрасно ты думал, князь, что сможешь меня победить!

У двери маячит ещё один мужчина, и больше в помещении никого. Несмотря на боль в ладонях, Ирислав пытается стянуть кольцо – увы, пока без всякого эффекта, и чтобы отвлечь мага, поддерживает разговор:

– А ты кто?

От вопроса мужчину перекосило. Видимо, неприятно узнать, что для кого-то ты значишь куда меньше, чем он для тебя, даже если речь идёт не о любви, а о ненависти.

– Моё имя Ирман, князь. И, поверь, ты никогда его не забудешь! Я прикажу тебе выжечь его у себя на лбу, чтобы все видели, кому ты принадлежишь!

Ирислав молчит, раздумывая, не плюнуть ли в лицо этому Ирману. Так, просто для души.

Терять-то ему нечего...

– Ты убил мою сестру! – тем временем продолжает мужчина. – За это я заставлю тебя убить твою девку-альда точно так же – чтобы от неё только и осталось, что мокрое место! Жаль, ты не сможешь прочувствовать потом, что натворил. Будешь туп, как... как камень! Но зато весьма полезен. Мне.

– Твою сестру убила стихийница, над которой она потеряла контроль, – огрызнулся Ирислав. При мысли о возможной гибели Лаис, ещё и от его рук, князю моментально поплохело, хотя, казалось бы, и так уже ситуация хуже некуда. – Тебя ждёт то же самое, маг.

Тот лишь неприятно смеётся, явно не воспринимая угрозу всерьёз.

– Где моя спутница? – спрашивает князь.

Наира, конечно, худшая спутница года, если не десятилетия, но он ведь взял на себя ответственность за неё.

– Королева Наира? – улыбается маг. Как его там? Ирман. – Ей предстоит пасть жертвой похитившего её альда. И последней каплей, которая переполнит чашу терпения людей, чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений, что истребление альдов – единственный выход...

– А альды что тебе сделали? – интересуется Ирислав. – Девушку увели?..

– Лично мне? Абсолютно ничего. У нас просто уговор, – Ирман оборачивается на маячащего у двери мужчину. – Я получаю тебя. И княжества выступают против альдов. Ладно. Вышло твоё время, князь. Молись, пока не разучился самостоятельно складывать буквы в слова.

Почему-то Ирислав не чувствует страха, лишь бессильную ярость. Ладони приколочены крепко-накрепко, он бы вырвал, невзирая на боль, но не хватает сил... Собственная смерть не пугает – это будет куда лучше, чем быть цепным псом без мозгов у этого нервного задохлика...

– погоди! – дверь распахивается, и рядом с Ирманом появляется женщина.

Казалось бы, ему не стоит удивляться ничему, но всё же появление её неприятно бьёт под дых.

Василина. Выглядит ведунья превосходно – новое тёмно-синее платье с глубоким декольте, пышные волосы заплетены в две косы. Она явно не в плену. Наверное, на фоне всего

остального окончательное предательство Василины не должно его беспокоить или огорчать, но почему-то ранит и горчит.

– Ирман... мне тоже есть, что ему сказать, – девушка кладёт руку на плечо магу, и тот демонстративно накрывает её ладонь своею: он с ней, она – его.

– Три минуты, любовь моя, – говорит он. – И покончим уже с этим.

– Как скажешь, – кротко соглашается ведунья. Ирман отступает, а она делает шаг к князю.

Медленно скользит взглядом по обнажённому телу, возвращается к глазам:

– Ну здравствуй... князь.

Ирислав молчит, ему нечего сказать. Мог бы выплюнуть, что ему очень жаль... жаль, что не убил её тогда, ведь имел право, но это неправда. Ему не жаль. Даже знай он, что с вероятностью девяносто девять из ста всё закончится так, не стал бы убивать столь многим помогавшую ему раньше женщину. Она, как он когда-то говорил Лаис, и в самом деле была его человеком, и заслужила право на ошибку и шанс на жизнь. То, как она им воспользовалась... что ж, такое бывает сплошь и рядом.

– Чего молчишь? – спрашивает стоящая рядом девушка, склоняя голову на бок. – Не рад? Или подыскиваешь слова, чтобы извиниться?

Князь не рад, и извиниться точно не хочет. Но ведунья чего-то ждёт, и в глазах её мелькает что-то такое, что он, пусть неохотно, но отзывается:

– Иди к чёрту, ведьма!

Что случилось с ведуньей? Она настолько поглупела? Или он просто раньше этого не замечал?

А может – надеяться не на что, но всё же – может, у неё есть какой-то план?

– Ты! – говорит ведунья, упираясь ему пальцем в грудь, царапая острым ноготком. – Я служила тебе верой и правдой, князь. Я, – она оглядывается на своего нынешнего любовника, но продолжает, – я любила тебя, Ирислав. Я готова была на всё. А ты... ты...

Палец ведуньи скользит по его груди, вырисовывая какую-то руну. Проклятие напоследок?

Бессмысленно. Тогда что?

– Василина, любовь моя, – забеспокоился маг-менталист. – Ты не порть его, пожалуйста. Он нам ещё пригодится...

– Не беспокойся за него, любимый, – мурлыкает Василина, отступая на шаг. Теперь её рука скользит по плечу князя, по локтю, касается ладони, пальцев... и сдёргивает кольцо-ограничитель. – Беспокойся за себя! – зло заканчивает ведьма, одним прыжком прячась за дыбу.

Ирислав ударяет воздухом, сразу по обоим мужчинам, впечатывая кого в стену, кого в дверь, ожидая, что на него вот-вот обрушится ментальный удар... но пока чувствует лишь лёгкое покалывание вокруг головы, и сильное жжение в том месте, где Василина чертила руну.

Мага-менталиста он прикладывает о стену несколько раз, даже после того, как жжение прекращается – не уверен, что маг не притворяется, и, честно признаться, совсем не опасается его убить. Вероятно, сведений Василины и второго сообщника будет достаточно, чтобы уничтожить тех, кто помогал...

Ветер, наконец, стихает, и Василина выбирается из-за дыбы. Молча, дрожащими руками, помогает освободиться князю. Она выглядит очень бледной, из носа течёт кровь... удар менталиста даром не прошёл.

– Как ты? – спрашивает князь.

– Почту за честь умереть за Вашу Светлость, – криво усмехается окровавленными губами женщина. – Но, надеюсь, всё же не прямо сейчас.

Ирислав чуть улыбается – на сердце впервые за последние несколько дней становится чуть теплее и легче.

Начать допрос, пожалуй, следует со второго мага, с того, кто плёл козни против альдов. Заодно и узнает, как обещал Лаис, что творится на его земле...

Глава 27

Лаис не знает, сколько времени прошло. Иногда, ей кажется, что час или два, а иногда, что больше суток. Хочется, чтобы всё поскорее закончилось, ибо она исчерпала уже все идеи и все силы, пытаясь освободиться. Смотреть на собственные руки и ноги – неудобно и, честно

признаться, страшно. У неё болит всё тело, и она не знает – вдруг она уже как тот альд, которого описывал Йар, без половины тела?..

Она устало закрывает глаза, и вдруг ей слышатся шаги. Поморщившись – вдруг напрасная надежда, да и есть ли на что надеяться? – открывает глаза, но шаги действительно есть, и становятся только громче. Кто-то идёт.

Она не хочет никого видеть. И не хочет, чтобы кто-то видел её. Разве что какой-нибудь альд, достаточно взрослый и милосердный для того, чтобы перерезать ей горло и прекратить эту медленную пытку бессилием и усиливающейся болью... Шаги кажутся знакомыми, и Лаис изо всех желает, чтобы ей лишь померещилось.

Ирислав уверенно идёт сквозь туман к камню... но спотыкается, увидев, кто на камне лежит.

– Лаис... – читает она по губам беззвучный крик. Или стон.

Впрочем, возможно, ей померещилось, потому что голос его звучит очень по-деловому, когда он, преодолев расстояние за секунду, застывает рядом.

– Как помочь? – спрашивает князь.

Лаис кажется, что он протягивает руку, касаясь её волос.

– Добить, – честно отзывается девушка. Странное дело, ей было себя не очень жалко, но стоило прийти князю, и ужас в его глазах заставляет цепляться за жизнь куда больше, чем до этого.

«Добить» Ирислав понимает своеобразно – с его руки срывается молния, растворяется в теле Лаис, на секунду добавляя сил... но они тут же уходят во всё теплеющий камень.

От молний щекотно, и боль отступает, так что Аделаис даже улыбается. Хоть какое-то удовольствие перед смертью.

– Я так и думал, что грозу ты любишь больше, – сварливо усмехается князь, словно прочитав её мысли.

Это, разумеется, неправда, но Лаис – альд, а они злопамятны, мстительны, и совершенно неважно, на смертном одре или где.

– Гроза честная, – безжалостно отзывается девушка, разглядывая туман над головой. Как будто не насмотрелась. Но почему-то смотреть на Ирислава мучительно-больно и даже дышать становится трудно, в груди стоит ком. Возможно, именно так выглядит обида? Лаис не может вспомнить, чтобы когда-то на кого-то обижалась, по крайней мере, за последние лет десять.

Обижаться можно лишь на кого-то очень близкого, а у неё по-настоящему близких-то и было, что мама и Йар, и никого другого она пускать в сердце не хотела и не могла...

– Хорошо, что у тебя нет выбора, – в тон ей, и даже жёстче отзывается князь. Лаис не ждёт сочувствия – жалость унижает альда сильнее всего, но тон Ирислава подстёгивает выплунуть в ответ какую-нибудь колкость.

Целует, впрочем, Ирислав нежно, но эта нежность быстро теряется на фоне хлынувшего в неё потока силы. Лаис даже сквозь прикрытые веки видит светящиеся синие снежинки, рассыпающиеся от её тела – камень не успевает забирать всё, да ему столько и не вместить – ни один искусственный накопитель не способен вместить и тысячную долю стихии, ибо стихия – это бесконечность. Князь черпает из бездны... и очень скоро эта бездна вновь в него заглянет.

Лаис не хочет так, но у неё и в самом деле нет выбора, она даже оттолкнуть князя, и то не может... Может лишь не отвечать на поцелуй. А впрочем... нет. Даже это – нет.

Она точно не поняла, когда камень сдался и треснул – не было никакого рывка, ничего, а если и было, то потерялось, затёртое, заглушённое другими ощущениями. Просто в какой-то момент Ирислав отстранился и надел обратно своё кольцо, отворачиваясь и пряча слишком тёмные глаза, а она смогла сесть, и обнаружила, что свечения нет, и камень – самый обычный, стремительно остывающий булыжник...

Лаис недоверчиво ощупала совершенно целое тело, и поспешно спрыгнула с камня. Пусть разум и говорит, что теперь камень не опаснее любого из своих собратьев – мёртвый, хоть и ещё горячий, но тело реагирует запоздавшей волной ужаса.

– Госпожа Аделаис, – церемонно обратился князь, глядя куда-то под ноги. То ли выражение высочайшего доверия, то ли просто избегает на неё смотреть. – Я прошу прощения у народа альдов. Я не давал согласия на подобное, но как уже говорил, одобрил ряд исследований с целью поиска защиты от вашей магии. Мне следовало лучше следить за ходом исследований и больше в них вникать. Мне жаль, что вы пострадали, и что пострадали или могли пострадать другие альды. Мои люди сейчас допрашивают мага, который это всё организовал, результаты допроса и самого мага я готов передать альдам.

– Я всё передам моему королю, Ваша Светлость, – тихо отзывается она, склоняя голову. Губы горят от поцелуев, и мучительно хочется продолжения, хочется утвердиться в этом мире, почувствовать себя живой... Но князь хоть и поднял взгляд, смотрит непроницаемо, он закрылся своим кольцом и статусом, и Лаис знает, что так будет лучше всего. Кроме того... князь извинился перед народом альдов, но и не подумал извиниться перед ней. Обида жжёт в груди, сковывает горло.

Она тянется к отводу глаз – глупо стоять тут и молчать, когда всё сказано, пусть Ирислав и смотрит на неё так, словно чего-то ждёт... Пора уходить.

Привычное, знакомое с детства всем альдам заклинание срывается. И сама Лаис тоже словно срывается – падает на землю, совершенно дезориентированная, ей кажется, что воздух вокруг неё закрутился в спираль, но Ирислав ведь не снимал кольцо...

Князь, словно того и ждал, подхватывает её на руки и куда-то несёт.

– Ваша Светлость, поставьте меня, – цедит она.

– Госпожа Аделаис, – учтиво отзывается тот. Впрочем, учтивость его обманчива. – Боюсь, у вас нет выбора.

Лаис делает ещё одну попытку применить магию... и теряет сознание.

Комната, в которой она приходит в себя, ей очень хорошо знакома. Именно здесь она проводила почти каждую ночь последние несколько месяцев... покои князя. Куда ни посмотри – всё о нём, всё о страсти. О безвозвратно минувшем, но не отболевшем.

Лаис чувствует себя странно. Уставшей. Разбитой. Несмотря на то, что пробыла без сознания довольно долго. Она садится, подтягивает одеяло и закусывает губу.

Неужели магия альдов ей больше недоступна? Это звучит невероятно: каждый альд обладает магией с рождения, это в крови, в дыхании, в самом существовании... Она теперь не альд?.. Или ей недолго осталось?

Девушка упрямо зовёт магию. Очень осторожно. Самую мелочь. Просто зов. Обычный зов альда своему королю. Не получается. Даже это не получается...

Зато приходит князь, которого она не звала. Впрочем, это же его покои, так что если кому и уходить, то ей.

– Как ты? – спрашивает Ирислав. Он остановился в паре шагов от кровати и внимательно рассматривает её, с совершенно непроницаемым выражением лица.

– Благодарю, Ваша Светлость. Всё в порядке, – легко врет девушка. Впрочем, не так уж и легко, но вполне справляется, и взгляд не отводит. Но по крайней мере, попытка вызова не лишила её сознания...

– Как ты там оказалась? – спрашивает князь. Хороший вопрос. В самую точку. Вот только она не собирается признаваться, что с ума сходила от беспокойства за него и поэтому примчалась в княжество.

– Случайно, – пожимает девушка плечами. – Там был мальчик... Я не могла его оставить. И не смогла потом уйти.

Тяжёлое молчание, нарушаемое лишь птичьими трелями за окном...

– Миур погиб, – говорит Ирислав.

– Как погиб? – девушка зеваёт и потягивается... в глазах князя на секунду мерещится лютый голод. Только мерещится.

– Несчастный случай. Его ударило молнией, – пожимает плечами стихийный маг. словно он и ни при чём.

– Два раза? – невольно улыбается Аделаис. В непричастность князя почему-то не верится, а причастность греет душу.

– Три, – совершенно серьёзен Ирислав. – Жуткий несчастный случай.

– А что Наира?

– Жива. Гостит, – чуть морщится князь. – Предлагает свою руку направо и налево.

– О, – улыбается Аделаис. Сдержаться – невозможно, девушка добавляет: – Она завидная невеста. Королева Заозёрья и сестра короля Ларрэта...

Ирислав пожимает плечами:

– У меня на примете сестра другого короля.

Внешне Лаис совершенно спокойна. Внутри... какая разница, что у неё внутри? Ей ведь нет и не должно быть никакого дела до политического брака князя. Но почему-то оказывается очень

сложно не гадать, о ком идёт речь. У кого из соседней сестра в возрасте на выданье? Как назло, никто не вспоминается... а внутри всё покрывается ледяной коркой.

– Надеюсь, ваше сватовство будет удачным, а брак счастливым, – дежурно, непроницаемо-вежливо улыбается Аделаис. Странно было бы ожидать другого исхода. Хочется, конечно, решить, что всё дело в её отказах, но Лаис хочет быть честна – он просто остыл. И хорошо, что остыл до того, как она расплавилась настолько, чтобы, забыв про всё, шагнуть с ним к алтарю... А может, понял, что препятствие непреодолимо?

– Удача мне понадобится, – хмыкает Ирислав. Взгляд – зеркальная стена, никаких чувств. – Она ведь уже несколько раз отказала...

– Вам? – удивлённо вздёргивает бровь Аделаис. Что-то не складывается. Или Ирислав чередовал предложения ей и неведомой принцессе?.. И чего та отказывала, спрашивается?

– Мне, – скорбно опускает взгляд князь... а когда поднимает, в глазах его пляшут смешинки, а губы расплзаются в довольной улыбке. Даже самодовольной. Видимо, удержать невозмутимое выражение лица она не смогла. Плохо.

– Выходи за меня, Лаис, – скорее требует, нежели предлагает князь, делая шаг к ней. – Рианйар теперь король альдов, но ты же знаешь – дело не в этом.

– Йар – король, – тихо повторяет девушка для себя, пробуя, как это звучит. Однако. Что же касается второй части... – Нет.

Ну... Зато в глазах князя не осталось и следа от самодовольства. Под тяжёлым и мрачным взглядом Лаис, как бы ни хотелось поёжиться, наоборот – распрямляет плечи.

– Не знаешь? – переспрашивает князь, видимо, не желая принимать отказ.

– Не знаю, – говорит Аделаис. – И, возможно, мне и не стоит знать. Простите, Ваша Светлость. Ирислав молча протягивает руку, смахивает откуда-то взвизавшие снежинки с одеяла.

Поворачивается и идёт к выходу.

Лаис отчаянно не хочется, чтобы он уходил так, чтобы вообще уходил, но беспомощность слишком унизительна сама по себе, а чтобы в ней ещё и признаваться... Да и обида никуда не делась.

Она наблюдает за нежелаящими таять синими снежинками на одеяле, чувствуя, что упускает что-то важное... но то, что ей мерещится, слишком уж невероятно.

Она пропускает момент, когда князь передумал и вернулся. Снежинки взлетают в воздух, потеряв опору в виде одеяла, и оседают колючими капельками на её коже, на губах, чтобы тут же растаять от горячих прикосновений.

– Разлюбила? – требовательно выдыхает Ирислав. Против воли, Лаис слышится в этом вопросе волнение и даже боль.

– Возможно, – не хочет совсем уж сильно кривить душой девушка.

– Лаис... – выдыхает князь, чуть отстраняясь, отчего сразу становится холодно. – Назови свои условия.

– Какие условия, Ваша Светлость? – она выгибает бровь. Впрочем, князь слишком близко, чтобы это оценить, да и смотрит, скорее, на её губы... Так смотрит, что Лаис физически чувствует этот взгляд, почти как поцелуй. Условия капитуляции? Чьей?

– На каких я тебе нужен, – обезоруживающе прямо. – Если нужен.

Лаис прикрывает на секунду глаза. У неё просто язык не повернётся сказать, что не нужен. Нужен. Но не всегда то, что кажется нужным, и в самом деле следует брать... Не всегда это можно взять. И в изменившихся обстоятельствах не всегда нужен ты сам.

– У меня нет теперь магии, – говорит девушка. – Читайте, я больше не альд. Я не могу сделать отвод глаз, не могу связаться с моим королём, не могу увидеть магию другого альда. Я не буду полезна вам и вашей стране... Ваша Светлость.

– Лаис, – без малейшей заминки отзывается князь. – Ты – самая красивая, умная, честная и сильная женщина, которую я знаю. Мне жаль, если ты потеряла магию альдов, ведь это важно для тебя. Но на моё предложение это никак не влияет и никогда не влияло.

Девушка молчит, но ей начинает казаться, что она год ходила вдоль несуществующей стены, не решаясь попробовать переступить. Ну или, по крайней мере, в этой стене была дверь...

– Я не могу говорить про магию альдов, Лаис, но сейчас в тебе очень много стихийной магии. Возможно, две силы просто мешают друг другу, и вскоре всё наладится. Либо уживутся обе, либо одна вытеснит другую. Мне всё равно. Если ты окажешь мне честь... если у нас родится альд, я в течение года оставлю княжество и уеду с тобой, куда скажешь. Но теперь у тебя может

